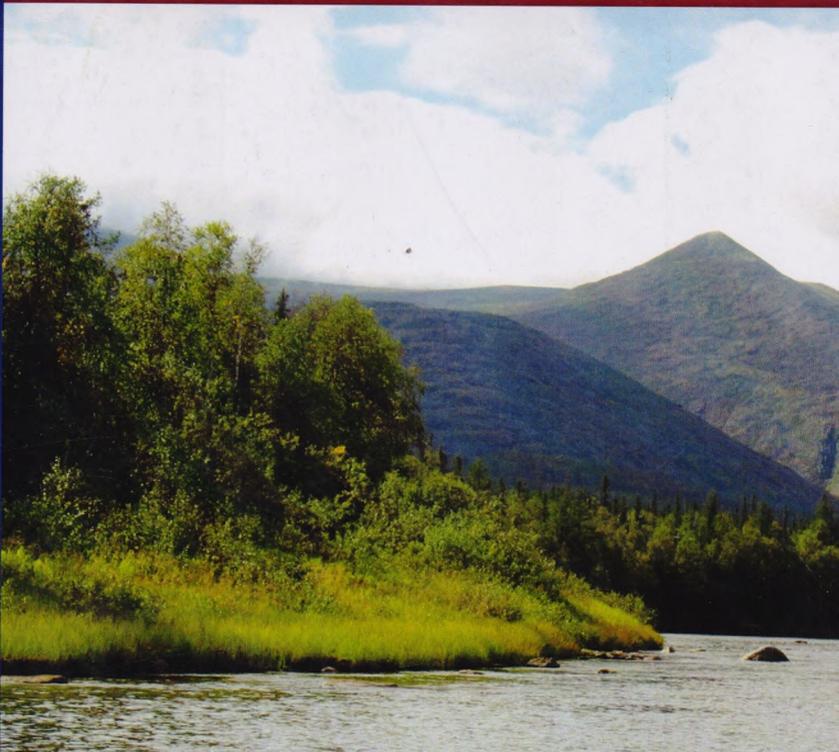

Д.З. Мане
М.З.

ХРЕСТОМАТИЯ

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 9 класса
общеобразовательных учреждений

Ханты-Мансийск
2015

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс
М23

Рецензент:

Динисламова С. С. – кандидат филологических наук

М23 Мансийская литература : хрестоматия для учащихся 9 класса общеобразовательных учреждений / Авт.-сост. Л. Н. Панченко ; под ред. Е. В. Косинцевой ; Деп. образования и молодёжной политики ХМАО-Югры., Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2015. – 292 с.

ISBN 978-5-9907303-7-3

В хрестоматии представлены народный фольклор и произведения мансийских поэтов и прозаиков, рекомендованные для изучения в 9 классе общеобразовательной школы. Главная цель хрестоматии – обогатить читательский опыт учеников, расширить круг их чтения. Предназначена для работ на уроках мансийской литературы и для самостоятельного чтения учащимися.

УДК 821.511.143
ББК 83.3 Манс

*Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

ISBN 978-5-9907303-7-3

© Панченко Л. Н., автор-составитель, 2015
© БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 2015
© Оформление. ООО «Югорский формат», 2015

ЧЕЙМЕТОВ ПАНТЕЛЕЙМОН КИРИЛЛОВИЧ

Два охотника

I

В конце сентября выпал снег. Охотники и рыбаки встревожились. Каждый думал: снег выпал рано, скоро и сойдет, наступит половодье, охотникам и рыбакам плохо будет. Иные предсказывали, что после снега пойдет дождь: вверху над деревьями двигались черные тучи. Но их опасения не сбылись. Снег стоял. Черные тучи медленно сползали, словно с громадных горных вершин, а за ними выступало ясное небо.

Настали холодные дни, каких давно уже не бывало.

Ясная погода оживила охотников и рыбаков. Каждый из них чувствовал горячую радость, надеялся на богатую добычу и хороший улов.

Весь октябрь стояла тишина. Небо было чистое и светлое. Иногда набегали темные снеговые тучи, но скоро уходили прочь.

Утром, перед восходом солнца, над поселком пролетали глухари и косачи. Некоторые садились на деревья близ деревни. Ребятишки хватали ружья, подбирались к птицам и убивали их.

В один из таких дней пошли в тайгу два охотника. Старшему, манси Трофиму, было лет шестьдесят. Двое детей Трофима – сын и дочь – работали в колхозе. А сам Трофим еще не был колхозником, он никак не мог понять, зачем туда охотники пошли. Между тем сын его и дочь, и соседи – все уговаривали старика колхозником стать. Уговаривала даже старуха жена, которой нравилась колхозная жизнь. А Трофим все откладывал, говорил, что он уже стар, не может угнаться за молодыми, поработает, мол, один, а там и смерть недалеко.

Однако постоянные их уговоры да советы не пропали даром. Дружная работа соседей стала нравиться старику. Колхоз помогал Трофиму. Ему привозили сено, дрова, иногда доставляли в далекую лесную избушку охотничьи припасы. И теперь Трофим колебался, невольно сравнивая колхозную жизнь и свою, одиночную.

Держались у него и старые мысли, мешавшие ему войти в колхоз. Трофим верил в Бога, верил и шаману, недолюбливал русских. В царское время бедняк манси не раз ссорился с торговцами, которые надували его. С тех пор он как-то с недоверием смотрел на русских.

С Трофимом пошел на промысел в лес русский Василий. Василий осиротел еще в детстве и попал на житье к дяде-бедняку. Дядя Василия в прошлом не раз побывал в тюрьме за то, что подбивал бедняков бороться с богачами. Да и в Бога он не верил, над иконами смеялся.

Как только организовали колхоз, в деревне, где жил Василий, он вступил в него. Четыре года прожил Василий в этом колхозе, а потом у него жена умерла. Женился второй раз на девушке мансийке и перебрался из далекой русской деревни в мансийский поселок – на родину жены. Сейчас Василий впервые попал в тайгу. Трофима он еще плохо знал.

Охотники были одного роста. Шли они, переваливаясь с ноги на ногу, и разговаривали. У обоих были деревенские прозвища: у Трофима – Бык, у Василия – Медведь.

Сначала шли они по лесной тропе, потом свернули в сторону и отправились на гарь, где водятся лоси. Охотники пробирались через темные густые ели, пихты, сосны, пробирались через кусты. Сквозь ветки деревьев вверху едва виднелось небо. Трофим шел впереди. Василий следом за ним. Иногда они останавливались, прислушивались, не лают ли убежавшие далеко вперед собаки. Но собачий лай не долетал до них и, постояв немного, они снова шагали вперед.

Так шли они целый день. Собак своих не видали. Да и где их искать – не знали: снега не было, собачьих следов не заметить.

Но вот Трофим остановился, подождал Василия и сказал:

– Неудачливый ты человек. Из-за тебя не можем ничего найти.

– Почему из-за меня?

– Удачи не имеешь. Видели одного рябчика, да и тот улетел, взять не смогли. Какие мы охотники? Чем кормить нас, лучше похоронить, по крайней мере хлеб есть не будем.

Василий рассердился, но ничего не ответил. Он не понял, что Трофим шутит. Помолчав немного, Василий спросил:

– Ты думаешь, собаки где-нибудь лают?

– Попусту бегать не станут, – ответил Трофим и двинулся дальше.

Опять Трофим пошел впереди, Василий – следом. Он стал отставать, устал, но Трофиму ничего не говорил. Стараясь идти по стволам свалившихся деревьев, Василий то и дело падал то на бок, то на спину, то лицом вниз. В душе он бранился и негодовал на Трофима. Считал старика виновником того, что день проходит впустую.

Между тем Трофим время от времени останавливался и подшучивал над Василием. Это еще больше сердило его.

День склонялся к вечеру. Солнце постепенно уходило все дальше и, наконец, исчезло там, где ясное небо сливалось с вершинами деревьев. В лесу стало совсем темно. Вскоре разными огнями загорелось множество звезд...

Вышел месяц, но свет его не мог пробиться через густую хвою высоких елей, кедров и сосен. Частый молодняк крепко сцепился своими ветвями и не давал охотникам прохода. Толстые стволы огромных деревьев лежали поперек дороги. Тонкие прутья берез и рябин, вырываясь из разнимающих их рук, безжалостно били по лицу. Казалось, идти дальше невозможно. А Трофим все шел и шел вперед. Василий совсем изнемог и находит путь только по звуку шагов Трофима.

Наконец Трофим заметил, как измучился и устал его спутник. Старик решил остановиться и стал искать сухое дерево для костра. Нашел елку и сделал привал. Василий дошел до него, Трофим спросил:

– На ночлег, что ли?

– Я думаю.

– Устал?

– Устал не устал, а в темноте трудно идти. Путь замерзли, стали крепкими и упругими. Хватают по лицу так, что слезы из глаз, – поневоле заплачешь. Цепляются за одежду, на ниточки

разрывают. Перех¹, валежник, темень... черт знает, как это ходят люди в тайге?

– Да, по лесу ходить нелегко. Это не пашню пахать.

– Ну и пашня даром не достается, – сказал Василий.

– Знаю, – возразил Трофим. – Но ведь пашня-то дома. Поутру встанешь, вспашешь, поешь, попьешь, да и в постель. А в лесу не то: ходишь, ходишь, как собака устанешь, а постели-то нет. Вместо нее колючая еловая хвоя... Ну, снимай крошни! Разведем костер и ляжем здесь.

Они расположились в дремучем лесу. Срубили сухую елку, развели костер, попили чаю, устроили постели и улеглись спать.

За целый день добыть ничего не удалось. Василий все думал о собаках: «Если они убежали домой, так к нам уже не придут». Полежав немного, спросил Трофима:

– А что же собак долго нет?

– Не знаю, – ответил старик. – Далеко угнались, поэтому и нет, ну да вернутся.

– Да как же они нас найдут-то?

– Как? Станут искать и найдут. А не найдут, так домой убегут.

– А мы что будем делать?

– Пойдем в избушку и станем лежать да хлеб жевать.

Василию эти слова не понравились. «Трофим, – думал он, – пришел в лес не охотиться, а в избушке лежать да хлеб есть».

Полежав немного и почесав затылок, Василий проговорил:

– Теперь целевое снабжение.

– Ну так что же? Пусть будет целевое снабжение. Какое мне дело?

– Будем даром есть хлеб в избушке? Съедим, а потом что станем делать?

– Рыбу, мясо есть.

– Мясо? А его надо искать.

– Найдем.

¹ Перех – густой молодняк ели, пихты, сосны и других деревьев в тайге.

– Без хлеба, без собак ничего не найдем. Промысла нет – и денег не будет. Без добычи, без денег хлеба не купить, а даром не дадут. Ничего не промыслишь, так и зубы на полку.

– Пусть полежат, отдохнут.

– Они будут отдыхать, а брюхо-то и подтянет.

– Да что ты зубы-то скалишь, – сердито сказал Трофим и, приподнявшись, сел, – Я шутя говорю, а ты издеваешься...

– Сам начал...

– Довольно, – сказал Трофим, снова ложась. – Спать нужно. Поутру встанем, пойдем в Тимкинский протес. Там лоси водятся.

– Да собак-то ведь нет! Без них мы как без ног. Ходи не ходи – все попусту.

– Ну и без собак пойдем. Ты будешь вместо собаки, а я ружье возьму. Ты будешь лаять, а я – стрелять.

Василий разозлился, приподнялся и, взглянув на Трофима, сердито сказал:

– Ты только зубы скалишь и больше ничего! Какой ты охотник?!

– Нет, нет.

– Как нет? Я правду говорю, а ты лежишь да смеешься.

– Я сорок лет уже охочусь, сам знаю, что и как надо делать.

А ты ничего не знаешь, так и молчи... Спи! Пока ты спишь и собаки придут.

– Разве могут они нас найти?

Трофим рассмеялся и, посмотрев на Василия, сказал:

– А ты как думаешь?

– Ты сорок лет охотишься, – ответил Василий, – а я первый раз сплю в такой тайге у нодьи. Я думаю, они не найдут нас.

– Ты думаешь, а они бегают да ищут... Будет, спи!

Трофим повернулся спиной к огню и замолчал.

Время пошло уже за полночь. Вечерняя заря потухла. Звезды блестели золотом. Медленно двигалась среди них большая луна. Тени деревьев падали на засыпавших охотников.

Трофим спал. Василий долго ворочался без сна, думал о собаках. Но наконец он заснул и так и не слышал, как прибежали собаки.

II

Начинало светать. Луна исчезла где-то за большими деревьями. Трофим проснулся. Сварил чай, накормил собак, вычистил ружье и сел есть. Товарищ его спал крепко. Старик понимал, что Василий очень устал, а потому не трогал его. Только когда совсем рассвело, он наконец разбудил спутника.

Василий встал, оделся, умылся и сел с Трофимом пить чай. Зачерпнув большой жестяной кружкой чаю, он завел речь о своих снах:

– Ведь что только не приснится человеку?

– А что же тебе приснилось?

– Не знаю, все запомнил. Один только сон помню, страшный сон.

– Какой такой сон?

– Ты спал, а я еще ворочался. А когда заснул, то вижу, будто я поймал и держу вороную лошадь. Хорошая лошадь! Встала на дыбы, как веретено вертится, рвется вперед. Сначала я удерживал ее. Потом она стала гоняться за мной. Куда я побегу, туда и она. Наконец я ее выпустил...

– Куда же она девалась?

– А когда я отпустил ее, она подмяла меня под себя и стала топтать ногами. Я испугался, хочу бежать, да не могу. «И так смерть, и эдак смерть», – подумал я, – и решил лежать спокойно: будь что будет.

– Куда лошадь убежала?

– А я и не знаю, как будто кто-то поймал.

– Так ты ни с чем и остался?

– Да мне ничего и не нужно, ладно хоть жив...

– Ну, пей, пей, идти надо!

– Разве собаки пришли?

– А ты от страха и собак не видишь? Все прибежали. Ну, давай кончай есть и пойдем.

Покончив с едой, охотники поднялись с насиженного места и двинулись в путь. Шли они тихо. До охотничьей избушки Трофима оставалось верст шесть-семь. Из густой чащи леса выбрались они на гарь. Здесь стояли редкие березы, осины, ряби-

ны, молодняк и кусты. Место было открытое. В таких местах водятся лоси. Трофим это знал и ждал, что собаки скоро залают.

– Слушай, сейчас залают, – остановившись, сказал он Василию.

И в самом деле послышался лай собак. Трофим взглянул в ту сторону, откуда доносился лай, и улыбнулся:

– Лося спугнули, слышишь?

Собачий лай повторился еще раза два-три и умолк. Василий сорвал с головы шапку-ушанку и тоже прислушался. Потом хотел что-то сказать Трофиму, но от радости так и не смог ничего вымолвить. На губах его заиграла улыбка. Руки затряслись. Он не мог устоять на месте. Не дожидаясь наказа Трофима, он сорвал ружье с плеча и судорожно сжал в руках.

Между высокими березами показались красавцы лоси. Они направлялись прямо на охотников. Впереди бежал высокий, стройный сохатый – самец. Огромные ветвистые рога его мелькали между берез. Большие блестящие глаза горели огнем. Высоко взлетели от земли могучие длинные ноги, далеко выбрасывал он их вперед и неся, как птица по воздуху. Не было, казалось, такой силы, которая могла бы его удержать. Сильными ногами и могучей грудью он пригибал к земле и ломал деревца.

Следом за лосем спешили самка с лосенком. Лосенок вытянул вперед голову, прижал уши и, стараясь не отстать от матери, частил на своих тонких ножках.

По ту и другую сторону от лосей мчались собаки, стремясь обогнать бежавшего впереди лося и загородить ему дорогу. Собаки словно знали, где дожидаются их хозяева, и гнали лосей прямо на них.

Лоси все приближались к охотникам, но еще не добежали на расстояние ружейного выстрела. Трофим взглянул на Василия и увидел, что тот прицеливается. Резко обернувшись к нему, старик сердито вполголоса проговорил:

– Ложись в эту яму! Не поднимай головы! Лежи, молчи!..

Василий послушался товарища и лег в яму, положив под себя ружье. А Трофим спрятался за большую березу и думал: «Переднего лося пропущу к Василию, пусть он его убьет, а сам буду стрелять в самку и лосенка».

Между тем лоси приблизились к охотникам. Трофим приготовился. Василий замер, боясь перевести дыхание. Старик взвел курок, прицелился в самку, а самца пропустил вперед и крикнул Василию:

– Стреляй!

– Сейчас! – ответил Василий и тут только заметил, что ружье лежит под ним. Хотел он схватить ружье, но было уже поздно. Подняв голову, он увидел, как огромный лось летит прямо на него. В испуге Василий отпрянул в сторону.

– Куда ты бежишь?

Лось шарахнулся, а Василий еще больше испугался. От страха у него подкосились ноги, он упал на бок. В это время Трофим успел выстрелить еще раз, и лось упал рядом с Василием.

Василий лежал неподвижно. Трофим подошел и, взглянув на него, спросил:

– Жив?

– Жив, – чуть слышно ответил Василий.

– Подмял он тебя?

– Ногу...

– Переломил, что ли?

– Не знаю.

– Вставай же!

Посмотрев на Трофима, Василий поднялся. Мускулистый, крепкий, обычно краснолицый, он стоял теперь перед Трофимом без кровинки в лице.

Трофим взглянул на него и спросил:

– Почему не стрелял?

– Не успел.

– Лося испугался! А если бы медведя увидел?

– Не знаю, не видел его... Убил?

– Двух. Ну, теперь станем обдирать.

Охотники пошли сначала к лосихе. Трофим впереди, а Василий сзади. Подойдя, Трофим сказал Василию:

– Ружье и шапку положи на лося, а сам вставай рядом со мной.

Василий послушно исполнил приказание товарища и встал с ним рядом. Тогда Трофим обратился к Василию:

– Молись Богу на солнышко!

И с этими словами сам начал быстро креститься и бормотать молитвы. Василий усмехнулся и сказал:

– Двадцать лет уж я не молюсь.

– Что значит – не молюсь? Молись! Не станешь, так Бог и добычи не даст.

– Нет, молиться я не стану, да и ты, Трофим, не молись.

– Как? Да я от самой материнской утробы молюсь, а теперь ты говоришь не молиться. Этак ты скоро мне хлеба есть не веешь... Знал бы я, так и в тайгу бы с тобой не пошел. Сейчас ты в лесу, а не дома: молись не на икону, а на солнце, на небо!

Василий покачал головой.

– Это все равно. Что на солнце, что на небе, то и на стене – везде одинаково нет Бога. Если бы он был, то пришел бы к тебе в избу и сказал: «Трофим, я тебе есть принес, не работай!» Бога попы выдумали. А ты не сердись, а послушай, я тебе правду говорю я тоже молился, верил в Бога, а потом перестал. Тогда мне было пятнадцать лет... Мы ставили стога, косили, гребли, метали. Мы радовались, хвалились, что хорошее сено поставили, да и овес будет спориться. Но вдруг надвинулась туча, и пошел дождь. Мы стали молиться, просить Бога, чтобы он остановил дождь, но ничего не вышло. Вот дождит день, другой, третий, неделю – все наше сено сгнило. Мы пошли к попу. Он молился, молился, пел, бормотал, ходил по лугу, а потом собрал с нас мясо, масло, яйца, хлеб и уехал. А дождь еще больше недели шел, и дядя мой смеялся: «Молитесь, молитесь, Бог вам поможет, ожидайте...» С тех пор я не крестился и не вспоминал о Боге!.. Возьми свою шапку, надень на голову, давай свежевать лосей!

Трофим долго стоял молча, а потом сказал:

– Такие слова, Василий, я слышу не первый раз. Но ведь сорок лет я хожу по тайге, добываю лесного зверя, птицу. Без креста ни за одного зверя не принимался. Хотя и то правда, что Бог-то – Бог, да помогал- то себе я сам. Вот и сын мой... пять лет, как Богу не молится. Что греха таить, и сам я, садясь за стол, иногда забываю перекреститься... Ну что же, давай обдирать!

Василий достал из ножен свой нож и сказал:

– Тридцать пять лет прожил на свете, а такого быка не видал.

При слове «бык» кровь бросилась в лицо Трофиму. Схватил он топор, кинулся на Василия:

– Что? Покажу я тебе, каков бык! Ты лесовать пришел, а не людей высмеивать!

Василий в испуге отскочил в сторону. Затем подошел и принялся убеждать Трофима, что он вовсе над ним не смеется и даже совсем забыл, что старику прозвище дали Бык.

Товарищи помирились, прибрали мясо, оставив часть для варки. Затем пошли на ночлег в охотничью избушку.

Так прошел второй день. Опять наступил вечер в тайге. К ночи охотники добрались до избушки, нарубили дров, согрели чай. Напились и стали готовить ужин, поделив между собой заботы. Трофим начал резать мясо, а Василий принес воды и пошел за дровами. Трофим крикнул Василию, чтобы тот на обратном пути взял в сенах деревянную палку для подвешивания котла. Возвращаясь в избушку, Василий невзначай толкнул старика, который нес котел с накрошенным мясом к чуваку, неосторожно задел его концом палки. Трофим подумал, что Василий хочет посмеяться над ним. Он уронил котел с мясом на землю и, не помня себя, схватил топор. Василий выскочил на улицу и спрятался позади избушки.

Тем временем Трофим пришел в себя. Положил топор, подобрал мясо, принес воды и подвесил котел у чувала.

А Василий все стоял за домом в одной рубашке. Было холодно, он весь продрог, а войти в избушку боялся. Но что же делать? Домой в одной рубашке не убежишь – далеко. Стоять во дворе не годится: застынешь. Оставалось только одно – идти к Трофиму.

Трофим в это время тоже думал о Василии и жалел, что так напугал его.

Оставив похлебку вариться, Трофим пошел к избе, где стоял Василий. Увидев Трофима, тот хотел было опять убежать, но потом раздумал и остался на месте. Трофим подошел к нему, постоял немного молча. А затем спросил:

– Чего стоишь?

– Да так.

– Как это так? Пойдем в избушку, захолодеешь, захвораешь еще.

Так охотники снова помирились.

Скоро и мясо сварилось. Трофим собрал на стол, сели они за еду. Перед едой выпили по чарке водки. Согрелись и разговор завели.

– Мы, старые люди, всегда так делаем, – сказал Трофим, разжевывая вареное мясо. – Если что попадется – немножечко выпьем, а не попадется, так и к губам ну поднесем.

Василий вяло, неохотно разговаривал. Опасаясь, как бы не сказать что-либо невпопад, он сидел потупившись и жевал мясо.

Взглянув на Василия, старик сказал:

– Да ты чего? Боишься, что ли? И голову опустил. Не думай ни о чем! Завтра встанем и опять пойдем на лосей.

Тут только Василий понял, что Трофим не сердится. Он посмотрел на него и повеселел.

Ужинали они долго и все время говорили. Трофим рассказывал о тайге, о том, как надо охотиться. Потом он вспомнил о сне Василия.

– Ты утром говорил, что во сне тебя лошадь топтала. А ведь сон-то был в руку. Тебя и в самом деле чуть лось не затоптал. А лошадь-то твою я взял – лося убил.

– Ну нет, Трофим, – сказал Василий, – сны – это вещь пустая. Во сне много видишь, а на деле ничего не сбывается.

Трофим помолчал немного, о чем-то задумался, а потом сказал:

– Кто его знает! А вот однажды видел во сне, что юрта моя сгорела. Бабы говорят: богатым буду. А я после того двадцать лет жил и не разбогател. Только вот теперь при Советах получше стало. Вот и сын мой говорит то же, что и ты. Теперь старый человек у молодого учится, а молодой – у старого. Старый человек много опыта имеет, а молодой – дорогу вперед показывает...

Кончив ужин, Трофим и Василий приготовились спать. Они сговорились охотиться на другой день врозь: Трофим пойдет на лосей, Василий будет промышлять белок.

После этого пригретые огоньком товарищи крепко заснули.

III

Солнце уже поднялось, когда охотники проснулись, напились чаю, закусили и отправились каждый своей дорогой: Трофим за лосями, Василий белковать.

Трофим убил еще одного лося, освежевал его и воротился в избушку уже затемно. В избушке никого не было. Трофим развел огонь, вскипятил чай и стал дожидаться Василия.

А Василий пошел вверх по течению ручья и заблудился. Подойдя к реке, он остановился и только тогда заметил, что идет не туда, куда надо. Он и не догадывался, что избушка их на этом самом берегу.

Долго стоял он, размышляя, куда идти. Наконец решил прорубить лед – посмотреть, в какую сторону бежит река. Узнав, куда идет течение, Василий перебрался на другой берег.

Собаки заметили, что хозяин блуждает, и не стали убегать далеко, кружились рядом.

Между тем ночь подступала. Зажглись одна за другой звезды, начали мерцать над головой Василия. Вдали над деревьями показался светлый месяц.

Выйдя из болота, Василий опять остановился, взглянул сначала на деревья, потом на месяц. Заметив гнездо гоголя, решил, что надо идти вниз по течению реки и пошел наконец верно, по направлению к избушке. Пройдя немного, он опять остановился. В это время собаки бросились вперед. Василий схватил с плеча ружье и устремился за ними. Сжимая ружье в руке и зорко вглядываясь в даль, он шепотом проговорил:

– Это лося они почуяли, сейчас залают.

Собаки действительно залаяли. Василий схватил с головы шапку и пустился за ними. Пробежав немного, остановился и опять зашептал:

– Лося, лося где-то спугнули и не пускают!

Охотясь в тайге первый раз, Василий еще не мог распознать, на кого лают собаки.

Он постоял, надел шапку и побежал дальше.

В лесной чаще трудно было что-нибудь рассмотреть, но глаза его горели огнем, и он бежал, как по чистому полю.

Вот он наконец подбежал близко. Собаки, завидев его, залаяли еще яростнее.

Василий совсем приблизился к собакам, а лося нигде не было видно. Он остановился и громко сказал:

– Я думал, вы на лося лааете, а вы белку нашли. В такой темноте, где тут ее добыть. Пропадай она совсем!

Посмотрев на высокую лохматую ель, а потом переведя взгляд на место, где кружились и лаляли собаки, Василий вдруг заметил горящие злым огнем глаза медведя. Зверь зарычал и кинулся к Василию, но собаки тотчас схватили медведя сзади, тот присел, продолжая сердито рычать.

Василий вначале так испугался, что готов был бежать прочь, а потом оправился, осмотрел ружье и пошел на медведя. Медведь тоже не струсил: встал на дыбы. Но собаки опять схватили его сзади, и он снова присел и зарычал еще громче. Теперь Василий уже не боялся. Он вплотную подошел к медведю и, когда тот поднялся, прицелился и выстрелил в упор.

Первый раз в своей жизни он так близко видел медведя. Убедившись, что зверь мертв, Василий обрадовался своей первой охотничьей удаче, подумал, как расскажет о ней Трофиму. Наклонившись над медведем, он быстро отрезал у него уши, чтобы, придя в избушку, похвастаться перед Трофимом. Но едва он успел выпрямиться, как рядом показался другой медведь. Василий тотчас вскинул ружье и выстрелил. Он ранил зверя, но не убил. Медведь облапил его самого. Между двумя силачами начался поединок. Сначала Василий было присел, но потом собрался с силами, схватил медведя за уши и крикнул собакам, теревившим убитого зверя:

– Сюда, сюда! Берите его!

Собаки бросили мертвого медведя, кинулись на живого и начали рвать его сзади. Медведь все же успел ударить Василия лапой, и тот упал за пень между колодинами. Ружье попало под Василия. Раненый медведь убежал в соседнее болото и там свалился, царапая мерзлую землю.

Василий, лежавший без памяти, наконец очнулся, встал, осмотрел ружье: оно уже было негодным, – сломалось ложе. Постояв, он взял топор, нож и пошел к раненому зверю.

Собаки не переставали лаять и теребили медведя. Медведь не мог уже встать. Он только издавал мощный, как громохание грома, рев. От одного этого рева пугливый человек умер бы, а Василий с топором и ножом шел прямо на него.

В то время, как Василий переживал страшные минуты, Трофим сидел в охотничьей избушке. Он заряжал патроны, промывал ружье, по-своему что-то напевал, о чем-то задумывался, опуская голову на грудь. Потом, кончив работу, набил трубку табаком и закурил. Невеселые думы обступили его. Время рыбной ловли уже подошло, а он еще не приготовился к ней. Вспомнил опять о колхозе.

«А не лучше ли мне, старику, пойти в этот колхоз? Может, прав мой сын. Жить сообща-то лучше...»

Долго так думал. Долго курил свою трубку. Наконец спохватился.

– С Василием что-то неладно. Заблудился, видать. Но как искать в тайге, когда снега нет и следов не видно?

И все же Трофим оделся, вышел на улицу. И тут услышал рев медведя. Схватил ружье, крикнул своих собак. Но собак уже не было, они убежали на медвежий рев. Трофим испугался, решив, что Василия задрал медведь. Быстро, как молодой, бежал он, едва касаясь ногами земли, не замечая кустов и пней.

Бежал Трофим и прислушивался – нет, выстрелов не слышать. Кругом было тихо. Только потрескивали от мороза деревья и шептались вершины, погружаясь в сон.

Трофим приблизился к ревущему зверю, остановился. «Где же Василий? Стар стал. Глаза плохо видят», – подумал.

А Василий, подойдя к раненому зверю, нашел здесь не только своих собак, но и Трофимовых. Самого старика он не заметил.

Между тем медведь увидел Трофима, собрал последние силы, поднялся на дыбы и бросился на него. Старый охотник не растерялся, взвел курок и прицелился. Ружье дало осечку. Медведь навалился, обхватил лапами. В лицо Трофима брызнули хлопья пены из раскрытой пасти медведя. Но когда Трофим уже падал, лапы медведя ослабли, дыхание оборвалось. Лежа на земле рядом с огромной мохнатой тушей, Трофим повернул го-

лову и разглядел склонившегося над ним Василия. В руке тот держал нож, которым прикончил медведя.

Все стихло. Остервенелые собаки, словно мураши, облепили зверя и начали терзать его. Василий поднял старика, спросил:

– Цел ли?

Трофим молчал. Руки его тряслись, ноги подкашивались. Но спустя несколько минут он улыбнулся, обнял Василия.

– Спасибо, спасибо, тебе, сынок. Большое спасибо!

Он снова прижал Василия к своей груди.

Этот день промысла не пропал для Василия даром. Он добыл двух медведей, одного соболя и трех белок, а сам был хоть и помят, но жив.

Охотники уже подходили к избушке, как собаки вдруг бросились вперед, чтобы раньше добежать до дому и встретить хозяев: такая у них была привычка.

Товарищи вошли в темную, уже остывшую избушку, развели огонь, разделлись и сели. Трофим взглянул на Василия и спросил:

– Что за кровь на твоём плече?

Василий повернул голову и сказал:

– На моем плече? Э-э, ничего, а вот без ружья остался – это плохо.

– И ружье сломал?

Василий улыбнулся и рассказал Трофиму, как встретил медведя.

Выслушав его, старик сказал:

– Ну, счастье твое, милый человек, что остался жив. Но что же у тебя с плечом?

Трофим снял с Василия рубашку и осмотрел плечо. Затем достал с полки чистое полотенце, сделал повязку:

– Ничего, заживет. Спас тебя Бог, молись ему.

– Заживет, – подтвердил Василий. – Только Бог тут ни при чем. Если бы я понадеялся на него, то остался бы без головы, лежал бы теперь за колодиной не дыша. А я, не подумав о Боге, набрался силы, да и вступил в бой со зверем. Человек ведь хозяин всего! Я не верю ни в богов, ни в чертей, верю только в свою силу!

Василий надел рубашку, взял свой шабур, вытащил из кармана медвежьи уши и подал их Трофиму.

– Вот, от первого моего медведя.

Взяв медвежьи уши, Трофим помолчал, прижав их к груди. Потом повернулся к Василию, посмотрел ему в глаза и трясущимися от страха губами тихо сказал:

– Ну, натворил ты беды. Зачем отрезал медвежьи уши? – С этими словами старик соскочил с места, распахнул дверь и вышел. Скоро он воротился с куском лиственницы, достал нож и стал делать лук и стрелы.

Василий сидел молча и наблюдал за ним.

Трофим кончил свою работу и положил лук и стрелы вместе с медвежьими ушами на полку в переднем углу. Затем встал на колени и принялся бормотать вполголоса:

– Медведушка, голубчик, я тебе не делал никакого зла, охотился всегда только со стрелами и луком. Мы, манси, не умеем делать пуль, не имеем ружей. Выдумали их русские и продают нам, манси. Теперь мы тоже ходим с железными ружьями, но не забываем и лука со стрелой. Со стрелами и луком мы молимся о тебе. Великий медведушка, не введи меня в беду. Я не делал тебе зла. Это все русские. Они выдумали железные ружья, они надумали убивать тебя ими. Великий медведушка, не делай мне зла, не бери у меня счастья. Я жить хочу...

Услышав эти слова, Василий не выдержал, засмеялся. Потом поднял стоявшего на коленях Трофима и усадил его на скамейку:

– Пустяками ты занимаешься, Трофим. Который раз я уже говорю тебе это. Медведь тебя не пожалеет да и зла никакого не сделает, точно так же, как и добра. Это все старые сказки. Не верь ты им! Это шаманы выдумали. Ведь твой сын не молился Богу, да и дочь тоже. Они не признают его. И ты образумься!

Трофим молча выслушал Василия. Потом также молча стал пить чай. Напившись чаю, охотники приготовили похлебку и выпили по чарочке вина.

Трофим рассказал Василию про старую жизнь манси – охотников, рыбаков:

– Я от своего отца слышал: в старую пору люди в лес с ружьем не ходили, а были с ними только лук и стрелы. Когда

нападал на них медведь, они убивали его ножом. Но вот пришли русские и принесли с собой ружья. Начали охотиться на медведя с ружьями, он рассердился и стал давить скот. Когда Трофим окончил рассказ, Василий сказал:

– Все, что ты говорил, – одни выдумки. Не Богом все это установлено, – людьми. Ведь нож – это тоже железо, и вы его не сами выдумали, а от кого-то узнали, так же, как и ружье. Теперь мы – не темный народ, узнали мы и наше прошлое и будущее. Мы живем теперь здоровым умом, а прошлое храним как память о наших предках, о стариках!

Трофим, слушая Василия, уже не сердился, а только вздыхал. А потом подошел к нему, обнял за плечи:

– Я думал, ты ничего не понимаешь. А ты очень хороший человек. Верю я тебе, верю! Люблю я тебя, крепко люблю!

Сказав это, Трофим начал приплясывать и напевать:

Вый-вы-е-э-э, вы-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най...
Милый сын, хороший сын,
Добычу ты нашел большую...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
...Далеко я по долине речной ходил,
Тридцать лучших соболей там я убил...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
В город большой я поехал,
К русским людям я приехал...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.
Хлеба, одежды у них я купил
И вина немножко с собой захватил...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най...
Потом уж домой я вернулся,
В новые сапоги, галоши обулся...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,

Капыр най, сяпыр най.
Так я по улице милой гулял
И лыжи, ружье в поход снаряжал...
Вый-вы-е-э-э, вый-вы-е-э-э,
Капыр най, сяпыр най.

Он остановился, набил табаком трубку, закурил, снова подсел к Василию, положил руку на его плечо:

– Однажды мы пошли в лес. Нас было трое охотников: косоглазый Иван, Леонтий, по прозвищу Зайчик, и я. У меня была собака. Она очень хорошо искала белок. Но медведя боялась. День был хороший. Шли мы долго-долго, а потом решили отдохнуть, почаявать. Сварили чаю, сели, зачерпнули кружки, а сами разговариваем. Вдруг я закричал: «Медведь!» Вижу, медведь налетел на Ивана и сгреб его. Но Иван не растерялся, схватил зверя за уши, и они стали бороться. Я с топором туда, сюда, а что делать, не знаю. Рубить опасно, можно товарища погубить, стрелять – то же самое. Потом я выдернул из ножен нож, вонзил в медведя и располосовал ему брюхо. Тогда зверь бросил Ивана, поднялся на дыбы, подобрал вывалившиеся кишки в охапку, побежал прочь. Косоглазый Иван остался жив. Тут мы осмотрелись, видим, что Леонтия-то нашего нет. Куда-то исчез. Оказывается, он тоже удрал, убежал по собачьему следу, а за ними медведь.

– Догнал?

– Где тут, разве его кто догонит. Леонтий, как зайчик, в такое время он, наверно, даже от собаки не отстанет. Мы пошли следом за медведем. Догнали его, добились, убрали мясо и вечером вернулись в избушку. А Леонтий полеживает там. Видишь, Василий, чем с таким человеком лесовать, так лучше одному. Один – сам себя знаешь... Вот ты, Василий, только теперь узнал, как трудно дается лесное дело.

– Да, это верно.

– Так вот, я говорю тебе, береги себя, не попадайся в лапы медведю, а то всего исковеркает и голову оторвет.

– У того, кто в свои силы верит, нет страха. Смерть может прийти всегда, ее не минуешь, а двух смертей не бывает.

– Нет, милый, рано загордился, рано возвышаешь себя. Не забудь, что зверь с тобой шутить не будет. А ты, не успев показаться на свет, собираешься в могилу. Вот посмотри на меня, шестьдесят лет прожил я на белом свете, много плохого, тяжелого видал, а еще жить хочу!

Они рассуждали об охоте, о своей жизни, о прошлом и будущем. А потом, наговорившись, улеглись каждый на свое место и, согревшись, крепко заснули.

Ясное утро. Погода хорошая. Слегка дует ветерок. Медленно выползает солнце, пробивается лучами сквозь ветви громадных деревьев, освещает окошко избушки охотников.

Трофим открыл глаза, поднял голову, взглянул в окно и сказал:

– Уже день. Василий, вставай, проспали!

Товарищи быстро попили чаю, оделись и пошли к медвежьим тушам.

Трофим шел впереди, а Василий за ним, без ружья. Вдруг собака залаяла.

– Белку нашла, – сказал Трофим.

– Как ты это знаешь?

– Как не знать. На лося лают часто, на медведя сердито и порывисто, а на белку – редко, с перерывами.

– Теперь и я буду знать! – ответил Василий.

Они подошли к белке. Трофим посмотрел на сосну и, усмехаясь, подал ружье Василию:

– Стреляй!

– Чем? Стреляй ты, а я уж схвачу, когда падать будет.

– Без ружья тебя съедят! – улыбнулся Трофим, целясь в белку.

Товарищи пришли к медведям, ободрали их, сложили мясо и сели отдыхать.

Трофим закурил трубку, посмотрел на Василия и спросил:

– По родине не скучаешь? Домой не тянет?

– Тянет, как не тянет... Хорошо, что и здесь колхоз есть.

– Без колхоза не можешь жить?

Василий стал рассказывать старому охотнику о колхозе. Говорил товарищу, что в колхозе жить куда легче, чем одному.

Вспомнил он об уборке хлеба, о том, как весело жужжит молотилка. Заговорил о стальных конях – тракторах, о веселых громких песнях девушек, когда они отправляются поутру на работу.

Потом Василий спросил Трофима, почему он не в колхозе. Трофим посидел, помолчал, посмотрел на своего товарища. Снова закурил и спросил его:

– А ты сам почему не в колхозе?

– Я? – весело улыбнулся Василий. – Я как только перебрался к вам, сразу подал заявление. А правление хочет узнать, что я за человек такой. Вот оно и написало туда, в мой прежний колхоз. Теперь ждут ответ. Может, вместе в колхоз пойдём?

– Нет. Я уже стар. Кто же меня будет кормить?

Трофим долго стоял на своем, но Василий продолжал убеждать старика:

– В колхозе есть кому помочь тебе. Станем с тобою колхозниками и вместе будем охотиться.

Трофим ничего не ответил.

Товарищи отдохнули, наговорились, а потом, когда начало темнеть, пришли в избушку. Ночевали там, утром встали и отправились за белками

Еще три дня они охотились. Все время Василий ходил за Трофимом с одним топором. Охотники добыли еще одного лося и несколько белок, потом решили вернуться домой.

Дома, вечером после бани, Трофим позвал к себе Василия. Долго шла у них беседа. Тут же сидели дети и жена Трофима, рассказывали охотникам, что было без них в селе. Потом Трофим посмотрел на детей и вдруг сказал:

– А мы с Василием в лесу сговорились вместе пойти в колхоз.

– Хорошо, очень хорошо, отец! Я ведь давно зову тебя! – обрадовался сын.

– И я звала, да он не слушал! – воскликнула дочь.

Старуха сидела, курила трубку, потом улыбнулась:

– Станешь колхозником, будем жить, как все. Так и работать будем. Я давным-давно тебе говорила: дети в колхозе, а ты один остался в стороне.

– Вы меня звали, уговаривали, а убедить не могли... А вот Василий, так тот убедил. Теперь только я стал понимать, что

такое хорошая жизнь. – Он придвинулся к Василию, положил руку ему на плечо и продолжал:

– Ты, Василий, очень хороший человек. Я с тобой ходил в лесу, учил тебя и сам у тебя учился. Я с тобой в колхозе буду работать, хорошую жизнь для нас и для таких вот, как они, – показал он на детей, – устраивать. Наши руки теперь крепко сжаты. Ты меня не бросишь, и я никогда не отстану.

ВАХРУШЕВА МАТРЁНА ПАНКРАТЬЕВНА

На берегах Малой Юконды

Деревня на острове

Вниз по Малой Юконде и по Большой Юконде, по реке Конде плыли мы в лодке, выдолбленной из осины.

На берегах Малой Юконды сосны, лиственницы и кедры, а берега размыты водой, и деревья с грохотом рушатся в реку, загораживая течение. Лодку надо нести на себе, тащить волоком в двенадцати метрах, прорубать путь топором.

Шумят, пенятся водные потоки.

Но не с этого начну свой рассказ. Сначала расскажу, как я дома жила. А про то, как в лёгкой осиновой лодочке плыла я учиться, расскажу позже.

Деревня Хармпавыл стоит на острове.

Реки. А дальше болото и лес. Со всех сторон струятся водяные потоки, бегут притоки Юконды: быстрая шумная Васкалтынья, Хармья – тихая, ленивая речка.

В тёплой Хармье купаются девушки летом, девушки и парни, но ни у кого не явится желание выкупаться в быстрой Васкалтынье – студенеет самой зимой вода в ней.

Хармья и Юконда кормят нас. Когда загораживают реку запором, рыбы столько, что можно черпать её ведрами, доставать из воды руками.

Берега Малой Юконды обрывисты. На одном берегу тёмная тайга, а на другом – песок белый, как снег, и цветут цветы. Шиповник. Черёмуха. Княженика. Рябина. Брусника.

Весной прилетают утки из тёплого края.

Осины шелестят, шелестят, шепчут что-то нам, когда с Малой Юконды дует тихий ветер.

Речные потоки пенятся, несутся, куда ни погляди, шумят, а там, где пороги, грохочут, как гром. Но зато какая тишина на озёрах! Озеро на языке народа манси называется «тур». Курсель-тур, Сальтпатылям-тур. В светлых водах – ельцы, язи, щуки, окуни.

Детство моё! Здесь я родилась, здесь я пошла в школу! Осенью вместе с родными ходила в тайгу собирать бруснику. По тропке шла, по болоту, с кочки на кочку, всё дальше и дальше в тёмный, глубокий лес. Ставил там отец шалаш. И жили мы в шалаше, спали постелив под себя мох, пахнувший сосновым бором. по пятьдесят пудов собирали брусники и оставляли её в карусах, длинных ящиках, в тайге, а сверху закрывали сосновыми брёвнами, чтобы не забрался медведь. Но разве для медведя это что-нибудь значит?

Вот как это случилось. Я сейчас расскажу. Выпал снег, и отец запряг лошадь в сани чтобы ехать по первопутку в бор за мороженой брусникой. Захватил он и сынишку с собой, Александра. Карус с мороженой брусникой стоял за болотом в лесу, а местность эта называлась Лорнляп. У охотника глаз намётанный, отец сразу заметил беспорядок в тайге.

У кого хватит силы сломать такое толстое дерево, вырвать с корнем? Не надо и спрашивать, кто побывал здесь. Видно сразу по повадке.

Отец с сынишкой, с братом моим, оставили сани с лошадьёю на дороге, а сами пешком пошли. Идут, осторожно ступая. Впереди что-то краснеет, как кровь. Вот как! Кто-то топтал ягоды, размазал их по земле: где ел, тут и набезобразничал. Кто способен на такую шалость?

Поднял отец доску, а в карусе сидит медведь. Затаился. Увидев отца, как заревел, и лапу поднял, чтобы ударить.

Выстрелил отец в него, убил с одного выстрела.

Сидим мы в избе, ждём отца, вдруг слышим выстрел. Догадались сразу, что будем есть сегодня медвежье сало.

Залаяла собака, потом другая, третья, четвёртая, а потом все сразу.

У нас было семнадцать ездовых и охотничьих собак. Одна -- на медведя, другая -- на соболя, на лося, на оленя, на выдру, на белку и была ещё собака, которая лаяла на мелкую лесную дичь -- пустолайка. Боже упаси взять такую собаку на беличий промысел! Обманет. Залает она, посмотрит охотник, а на ветке ничего нет.

Детство моё! Голос матери, трубка отца, которая весь день дымилась! Будто сейчас слышу смех братишек, лай собак, шум бегущей воды летом, свист ветра в зимнюю пору.

Суров наш край!

Возле деревни гора стоит. Там росла когда-то старая лиственница. Пришёл шаман с пилой и спилил у неё верхушку.

В дупло старой лиственницы старики и старухи, как в копилку, спускали всё, что у них было самого ценного и дорогого. Кто деньги спустит туда, кто петуха, кто новый шелковый платок. Приводили к лиственнице скотину и убивали.

Это бог собирал с людей подать.

И когда сельский Совет решил разрушить жертвенник, закричали старики и старухи: – отберёт бог всё, что дал, жестоко накажет!

Но, кроме этого столба, на самой вершине горы стояла красивая пушистая лиственница, а на ветвях её висели обшитые бисером и вышитые разноцветными нитками мешочки.

Вскоре эту лиственницу срубили, распилили на дрова. А теперь по вечерам собираются на горе парни и девушки. Девушки поют песни, а школьники зимой катаются на санках и лыжах.

Любила я осень, когда осины роняют багряный лист на жёлтую траву и все уходят в лес собирать бруснику.

Днём в густом бору только и слышишь свист ветра, плеск воды в озере, лай собак, да ещё слышишь, как аукают девушки.

– Ау! – кричит одна.

– Ау! – кричит другая.

А эхо разносит их голоса во все концы тайги.

На берегу озера, где набегают на песок и плещут волны, стояло несколько шалашей. Помню, как горели костры вечером перед шалашами. девушки пели песни, парни плясали, старики и старухи рассказывали сказки.

Но самая интересная сказка из всех, что я знаю, – это жизнь моя! Вот её вам и расскажу.

Помню, как мать готовила на костре ужин. Жарила мясо или, смешав куски жирной рыбы с брусникой, потчевала нас.

Ходили мы и за кедровыми орехами. Отец постукивает по кедру деревянной колотушкой. Шишки падают на землю, радуя нас, ребятишек. Мы собираем их в мешок. Хорошая будет зима: с ягодами, с орехами, со сладкой рыбой и вкусным медвежьим салом.

Детство моё! Птицы в небе и на воде, звери в лесу, рыбы в быстрой студёной реке, лиственницы на горе. Никогда я тебя не забуду, мой край! Не забуду тебя, река Конда, тебя Малая Юконда, Большая Юконда, ленивая речка Хармья, сердитая и холодная Васкалтынья. Любила я слушать, как, звеня, шумят, несутся, плещут о камни ваши воды.

Суrowая жизнь в нашем краю. Маленькие ребятишки учатся плавать по быстрой речке на лодке, управлять этой лодкой также умело, как их родители. Маленькие ребята уходят вместе с родителями в тайгу, на болото за брусникой или кедровыми шишками. Маленькие ребята учатся выслеживать и убивать диких оленей, лосей, медведей, колонков и белок. Не боятся они ни мороза, ни выюги, ни комаров, ни змей-гадюк, которых в нашем краю так много.

Суrow наш край и крепкие живут в нем люди, смелые, ловкие, находчивые. Им не страшна ни буря в озере, ни горный водопад, ни ревущие пороги, ни дикий зверь. Из всякого трудного положения найдут они выход.

Училась и я всему, чему можно научиться в тайге, плавала на лодке по быстрой нашей речке и никогда не думала, что увезёт меня эта лодка далеко-далеко в чудесный мир, в большой далёкий город.

Осенью, в ненастный день, когда ударяли в окна, били в стёкла звонкие дождевые капли, отозвала меня мать в сторону, отозвала и говорит:

– Приехала русская учительница, твоя вторая мать.

Удивилась я, сердце от испуга забилося, что это за вторая мать? Почему я раньше о ней ничего не слыхала?

Собрались родственники. Пришла бабушка с длинной-предлинной трубкой. Пришли дяди с тётками.

Бабушка сказала, вынув изо рта трубку и сердито сплюнув в угол:

– Приехала какая-то молоденькая девчонка. Нос вытереть не умеет, а уже учить хочет.

Вторая мать

Осенью в ненастный день, когда падали в воду звонкие дождевые капли, пришла я впервые в школу.

Ребят собралось много – и больших, и маленьких, были и такие, которым и жениться впору. А вторая моя мать, молоденькая девушка, стоит возле двери и смотрит на нас. Мы не умеем говорить по-русски, а она не знает ни одного слова на языке народа манси.

Как же мы разговаривать будем.

Вторая моя мать, девушка, русская учительница Марья Андреевна, по-своему нам говорит, а мы ей по-своему. Как тут быть?

Одна только старуха знает, как быть, бабушка.

– Гнать надо! – говорит она, вынув трубку и сердито сплюнув в угол. – Послали молоденькую девчонку. Пусть едет туда, откуда приехала.

Прошло несколько дней, а дело подвинулось совсем мало. Не слушаются ребята, шумят. Уговаривала нас девушка, Марья Андреевна наша, просила, просила, а потом вдруг села и заплакала.

А когда она захворала и уехала из нашей деревни, стыдно стало нам, ребятам, что довели ее до слез.

Вместо Марьи Андреевны приехала Капитолина Андреевна, старшая ее сестра. Приехала к нам, не зная ни одного слова на языке народа манси.

Прежде чем приступить к занятиям, она пошла по избам, записала на бумажке мансийские слова, выучила их и стала нам говорить по-мансийски.

Днем она учила нас, а по ночам не спала, сама училась. И мы звали ее «вторая мать».

Быстро текут, несутся воды в Малой Юконде, в Большой Юконде, в реке Конде, в которую впадают обе Юконды – Малая и Большая, но жизнь идет вперед еще быстрее.

В 1928 году приехали к нам в Хармпавыл два молодых учителя – Александр Львович Ламбин и Василий Васильевич

Уженцев. Приехали, собрали плотников и давай строить. Выстроили две школы, одну с железной крышей, построили интернат, ограду сделали, привезли откуда-то издалека много необходимых вещей. Одна вещь поблескивала и, когда Александр Львович касался ее пальцами, издавала чудесные звуки, играла и пела так красиво и мелодично, словно поет вода весной, когда звенят льдинки. Так впервые узнали мы, что такое рояль.

Ламбин и Уженцев организовали драматический кружок. И впервые за всю свою жизнь старики и родители наши увидели, как поднялся занавес, а там была другая, незнакомая жизнь. Дети-школьники, надев на себя чужую одежду, неузнаваемо изменились вдруг и превратились в чужих людей. Старики и родители наши узнали, что означают слова: «пьеса», «постановка», «клуб».

А учитель Ламбин, сев за рояль, стал играть, и в зале так было хорошо и чудесно, что склонили головы старики, слушая его игру, и на глазах у многих были слезы.

Вниз по Малой Юконде

На осиновой лодке вниз по Малой Юконде плыли с отцом, из Малой Юконды в Большую Юконду, из Большой Юконды в реку Конду, на берегу которой стоит село Нахрачи, центр Кондинского района. Там, где преграждали нам путь упавшие деревья, мы шли пешком по берегу и несли лодку на себе. Двенадцать раз шли пешком, а потом плыли снова.

Вместе с братишкой плыла я в школу-семилетку продолжать учебу.

Старик отец гребет, покуривая толстую трубку. Ночью, когда нам хочется спать, говорит:

– Спите, отдыхайте. А мне всё равно не спится. Я погребу один.

Не приходится ему долго упрашивать нас. Мы засыпаем, а он потихоньку гребет, покуривая толстую трубку.

Однажды слышим крик, будто сто медведей собрались вместе и дерутся. Эхо повторяет их крик то здесь, то там. Нам стало страшно. Отец насторожился и тихо-тихо гребёт. Поднимает весла и опять осторожно опускает их в воду.

Но не медведи это кричали, а лоси: самцы призывали в лесу самок. Отец-то сразу догадался, но до поры до времени нам ничего не говорил, боялся испугнуть голосом зверей.

Никогда не забуду эту ночь, как будто сама тайга взбесилась и кричала медвежьими голосами.

Нахрачи, хотя и село, но манси называют его Мот-ус. Мот-другой, ус-город. Мот-ус – другой город.

Тобольск манси называют Тупл-ус. Но не надо думать, что Нахрачи чем-нибудь напоминают Тобольск, Ханты-Мансийск и другие города, которых я узнал позже. Село как другие села. Дома на берегу реки. Но зато мы увидели с братишкой Андреем не на берегу, а на воде здание с множеством окон и огромной черной трубой. Это был пароход.

Вот и окончился наш водный путь. Прошло четыре дня, и только осталось у нас в памяти, как мы плыли по Малой Юконде в Большую через озеро Сор, которое уже покрылось льдом, слышали рев и топот лосей в лесу.

Отец привязал лодку и повел нас к своему родственнику на квартиру. Он прожил с нами две недели, ожидая, когда станут реки и замерзнут болота, и пошел по замерзшей дороге пешком.

Пришли мы в школу и оказалось, что плохо мы говорим по-русски. Намного отстали от русских школьников. Усердно надо заниматься, чтобы их догнать.

Стали мы ходить к учительнице на дом.

Чему учили нас в школе? А чему учат всех ребят. Учили тому, что, кроме маленькой деревушки, что стоит на клочке земли, окруженном со всех сторон шумящими, пенящимися потоками, есть большой мир: моря, реки и города с большими-большими домами.

Чему нас еще учили? Учили нас, как разумно живет человек на нашей родине, как покоряет он реки, заставляет слушать себя речные пороги, строит дома в тайге, а в пустыне разводит леса, садит деревья.

Озеро Сахалтур

Не могу я забыть, сколько горя, нужды и страданий пережил мансийский народ, прежде чем правда Ленина, принесенная

к берегам таежной Юконды на могучих крыльях сказочной птицы таукси, дала моему родному народу светлую и счастливую жизнь,

Горькими слезами народа, горячей кровью передовых борцов за Советскую власть и народное счастье омыты берега Юконды.

Помню, какой ненавистью и звериной злобой встретили Советскую власть местные богатеи, кулаки и шаманы и какое страшное событие произошло на озере Сахалтур во время коллективизации.

Случилось это летом 1931 года.

Весна выдалась на редкость дружная и полноводная. И когда после весеннего разлива вода схлынула, земля буйно зацвела. В тот год так сильно распустились багульник, черёмуха, рябина и шиповник, что заросшие берега речек Харьмы и Васкалтыньи ослепительно белели, будто запорошенные снегом, а в бору склоны холмов пламенели в красновато-лиловой кипени.

Стоял ясный июньский день. В Карыме происходило необычное оживление.

К устью Харьмы при впадении ее в Малую Юконду подчаливали десятки лодок. Возле сельского Совета собирались рыбаки с женами и детьми, приехавшие из соседних селений. Предстояло большое собрание. Это собрание волновало всех от мала до велика. На обсуждение выносилось решение райисполкома и райкома партии об облове озера Сахалтур, богатейшего рыбного водоема.

Озеро Сахалтур считалось священным, и из поколения в поколение его единственным хозяином признавался шаман. По старым законам никто не имел права ловить рыбу в этом священном озере. И не было в старое время среди манси человека, который посягнул бы нарушить древний обычай.

Шаман Костя – последний хранитель этого озера – тоже поспешил приехать на собрание и занял место в кругу кулаков и подкулачников.

В детстве у меня и у моих сверстников никто не вызывал такого страха, как Костя-шаман.

Внешне его облик был страшно уродлив. Его лицо походило на лицо большого деревянного идола: плоское, как блюдо, с узкими глазами, с желтым цветом кожи, изъеденной оспой; нос приплюснутый, с ноздрями, плотно приросшими к верхней губе, переносицы у него не было совсем; под подбородком, как мешок, отвисал зоб (по поверьям, в зобу у него жила лягушка). Когда он разговаривал, то гнусавил, и его зоб издавал странный шум с присвистом. Одно ухо у него было сморщенное и маленькое, как пельмешек, а другое – большое и оттопыренное. Видимо, сама природа исковеркала его и отдала народу для устрашения. Перед камланием он наедался мухоморов и, пьянея от них, дико прыгал; на поясе звенели гвозди, медные побрякушки и медвежьи зубы. А когда приходил в экстаз и начинал вызывать духов, брызгал изо рта пеной и издавал страшные звуки. И не удивительно, что многие из отсталых колхозников отказывались ехать на облов озера Сахалтур. Они боялись гнева шамана и тех несчастий, которые он обещал вызвать на них в случае, если они нарушат старый обычай.

Костя-шаман жил на берегу озера Сахалтур, имел свою избушку, устроенную на подпорках.

Озеро Сахалтур было большое. Оно тянулось на десятки километров в верхнем течении Юконды. Плоские берега его скрывались в зеленой осоке и в камышах. Девственные леса окаймляли его со всех сторон, как бы охраняя своими густыми непроницаемыми ветвями от завистливого взгляда. Дно озера было запружено намокшими стволами вековых сосен, кедров и лиственниц, корягами и сучьями.

Узенькими и опасными тропами, проложенными среди топей и болот, пробрались к нему русские рыбаки во главе с уполномоченным райисполкома, неся на себе провизию, невода, пилы, топоры и рыболовные снасти. Но оказалось, что без участия всего народа облов озера Сахалтур провести невозможно. Невода рвались, и громадные жирные караси уходили обратно в озеро.

И когда весть о том, что районные организации решили обловить озеро Сахалтур, дошла до шаманов и кулаков, они повели агитацию среди населения за отказ от участия в раскорчевке

и Очистке берегов озера. Их агитация взволновала всех манси. «Не дадим коммунистам осквернять святое озеро. Не дадим осквернить святую воду», – нашептывал старикам и старухам шаман Костя, разъезжая по юртам перед собранием. Кулаки, опираясь на авторитет шамана, надеялись вызвать недовольство в народе и, прикрываясь им, хотели сорвать выполнение государственного плана по рыбозаготовкам. Надеялись они также на то, что нанесут этим материальный ущерб молодому колхозу и оттолкнут от него колеблющихся колхозников и упорствующих единоличников.

Народ все подходил и подходил к лужайке, где расположились собравшиеся.

Лишь в полдень, когда солнце стояло в зените, открыли собрание. Вперед выступил председатель сельского Совета коммунист Василий Алагулов и, стерев с лица пот, громко сказал:

– Слыхали, поди, что райисполком и райком партии обязали нас обловить озеро Сахалтур, а улов сдать государству в счет плана по рыбозаготовкам?

– Как не слышать! – прошипел в толпе шаман Костя. – Хорошая новость не скоро доходит, а худую-то на полслове ветер подхватывает да в уши несет!

Тут же заговорили кулаки:

– Учи, что нам теперь-то делать. Неужто поступимся святым-то озером?

Громче и увереннее заговорил шаман:

– За озеро нам, народ, надо грудью стоять. дело это вековое. Не дай господи сплющить нам. Перед богом ответ за наши грехи дадим.

– Известное дело; надо гумагу прежде читать, что написано в ней про святое озеро! – раздались голоса.

– Читай гумагу, послушаем, что пишут! – решило собрание. Громко и отчетливо выговаривая каждое слово, прочитал Василий Алагулов решение районных организаций об облове озера Сахалтур, Слушая его, народ, казалось, затаил дыхание, и несколько минут по окончании чтения все молчали.

Первым заговорил, гнуся, Костя-шаман:

– Что-то я в толк не возьму, зачем понадобился облов святого озера? Других озер, что ли, мало?

– Озеро святое принадлежит Косте-шаману, по завету предков оно ему принадлежит. Не нами это заведено, не нам и отменять! – проговорил кулак Крутиков и, чувствуя, что собравшиеся прислушиваются к нему, продолжал. – Так пошто же казна у своих детей добро отымают? Слыханное ли дело, чтобы мать у своего ребенка грудь отнимала, оставила бы своего голодом да подпустила к ней чужого.

И тут из толпы кто-то выкрикнул, обращаясь к председателю колхоза коммунисту дяде Ананию, который сидел за столом президиума:

– Вот ты, Ананий, законы шибко знаешь, тогда и растолкуй: пошто же деды и отцы Кости-шамана владели этим озером, казна до сего времени не трогала, а теперь, при Советской власти, отбираете его у Кости?

– При Советской власти это озеро никогда не принадлежало одному Косте-шаману, – спокойно ответил дядя Ананий. – А не отобрано оно государством в колхоз и оставалось в пользовании шамана потому, что в районе не знали об этом озере...

– А теперича знают? – в один голос закричали кулаки Крутиков и Свяжин Семен. И тут же добавили: – Пиши, Ананий, постановление: озера Сахалтур нет. И делу конец!.. И если простой люд туда ступит, погибели ему не миновать, простому народу дорога туда отрезана! – угрожающе взмахнув рукой, закончил Семен Свяжин.

Народ заволновался. И в этот момент я услышала полный гнева, проникнутый человеческой правдой голос моего отца:

– Нет, народ, умолчать об этом озере нельзя. Обманывая власть, мы обманываем сами себя. А как мы выполним план, если не обловим это озеро? По советскому закону все угоды теперь принадлежат народу и передаются они колхозам в вечное пользование. Так что ж, выходит, мы будем защищать интересы шамана и подрывать интересы государства и народа? Я за то, чтобы идти всем народом и обловить святое озеро!

В шуме собравшихся все отчетливее слышались голоса бедняков – членов Карымского колхоза – в поддержку моего отца:

– Правду, истинную правду говорит Панкратий Михайлович! Зачем нам скрывать? И мы согласны поехать туда на облов рыбы...

Большинством голосов собрание вынесло решение провести облов святого озера Сахалтур, и бригадиром облова правление колхоза назначило моего отца.

В помощь колхозу из Нахрачей приехала бригада гослова. Всего на облов озера Сахалтур собралось более ста человек.

Помню, как мы с мамой собирали в путь-дорогу отца и старшего моего брата Санка. Все очень переживали и боялись, что с отцом и братом случится несчастье. Особенно сильно волновалась мама. Она принадлежала к тем людям старшего поколения, которые унаследовали глубокую веру в своих идолов и молились русскому богу. Уединившись в амбар, мама вынула из заветного сундучка семейных божков, угощала их и упрашивала смилостивить гнев духов, охраняющих покой святого озера.

Над Юкондой вспыхнули первые лучи подымающегося из-за леса солнца, а бригада рыбаков ещё до зари, вытянувшись длинной цепочкой, осторожно пробиралась пешком по болотам, топям и холмам, преодолевая множество речек, к берегам таинственного озера, в водах которого веками размножалась рыба, но до сих пор она никогда не была достоянием народа. И ничего страшного не случилось ни с отцом, ни с братом, ни с теми людьми, которые пошли к священному озеру, расчистили его дно для неводьбы и вычерпали из его светлых вод десятки тонн первосортного карася. Озеро Сахалтур дало растущим мансийским колхозам богатейшие рыболовецкие угодья.

Страшное случилось потом, через месяц. Шаман Костя, собрав вокруг себя фанатически настроенных сородичей среди которых были и женщины, подстерег в тайге группу рыбаков и уполномоченного гослова. Многих избил до полусмерти, а над уполномоченным учинили расправу. Привязали его полумертвое тело к нартам и вместе с нартами бросили в озеро. И в тот же день ночью в Карыме прогремел зловещий выстрел. Из окна

своего дома кулак Крутиков в упор застрелил моего дядю, председателя Карымского колхоза Анания Семеновича Алагулова.

И когда народный суд судил этих злодеев и вынес им суровый приговор, много людей прозрело, многие поняли, кто является подлинным другом мансийского народа, а кто его смертельным врагом.

Давно это было. Но народ не забыл, и в песнях своих он хранит память о тех, кто отдал жизнь свою за счастье народное, за светлую жизнь молодого поколения, за землю, которая по воле великой партии коммунистов по-матерински щедро раскрыла перед ним свои неисчислимы богатства.

Ханты-Мансийск

Когда окончила я семилетку, отец сказал мне:

– Поезжай в Ханты-Мансийск. На фельдшерлицу выучишься. Меня, старика, лечить будешь.

Собрались на берегу провожать меня родные. Все плачут. Я одна не плакала, думала, увижу большой город.

До села Нахрачи доехала на осиновой лодочке, а там на пароход села. Дивное здание это с множеством удобных кают поплыло по широкой полноводной реке.

Я восемь дней прожила в каюте, думая о том, как не похож этот красивый большой плавающий дом на маленькую узкую лодку, выдолбленную из осины или кедра. Но и лодку, и пароход сделал человек, а я до сих пор не перестаю изумляться, когда вижу красивый дом на улице, быструю машину, самолет, картину или статую – дело человеческого ума и рук.

Ханты-Мансийск стоял в тайге. Ели. Кедр. Пихты. А на берегу Иртыша на горе – дома. Пни там и тут. А люди корчуют пни, пилят бревна. Дома, магазины строят. Вот что я увидела, когда сошла с парохода на берег.

Учиться я поступила в педтехникум.

В Ханты-Мансийске прожила четыре года. На моих глазах пустыри и лесные поляны превратились в улицы.

Заболеешь, пролежишь дома неделю или месяц, выйдешь из дома – и не узнаешь улицу. Ведь недавно торчали здесь пни и валялись гнилые сучья, а сейчас дом стоит. С чудесной скоро-

стью рос и расширялся во все стороны Ханты-Мансийск, город мой, столица нашего таежного края. Помогали и мы – учащиеся педтехникума строить свой город. Частенько мы устраивали субботники, поправляли дорогу, прорубали просеки в лесу, корчевали пни.

Возле Дома народов Севера разбили мы сквер. На языке народа манси нет лова «сад», люди Крайнего Севера никогда не садили деревья возле своих домов. Помню, как я посадила первое дерево. Немало лет прошло с тех пор, и маленькое-маленькое деревце, которое я посадила вместе с подругами, выросло, стало деревом.

Любила я свой город. По вечерам во всех домах горело электричество, и девушки, вернувшись с работы, пели песни. Пели песни девушки, и я пела. О чем? Это не я пела, а сердце пело в груди, как поет весной в лесу птица.

В Ханты-Мансийске, конечно, был прекрасный клуб, кино. Никогда я не забуду, как потух свет в зале и на освещенном полотне появились люди. Все это очень походило на сон, на сказку походило, которую рассказывала мне в детстве бабушка, куря свою длинную-предлинную трубку.

Но вот наступило лето. И я уехала домой на каникулы. Отец был немного огорчен, что я на учительницу учусь, а не на фельдшерицу. Он в душе питал большое уважение к медицине. Но что поделаешь? Пришлось ему с этим примириться.

Лето прошло быстро. А лето следующего года, когда я перешла на третий курс, провела уже не дома, а на практике. Послали меня на пионерскую работу в деревню Сартынью Березовского района. Жила я в пионерском лагере в палатке. И лето прошло, как птица пролетела, быстро-быстро.

Много вопросов задавали мне пытливые, любознательные ребята манси. И на многие из их вопросов не умела я ответить, слишком мало знала сама.

Встречаются люди, которые любят всякую старину. За что они ее любят, я до сих пор не могу понять. Разве можно любить болезни, нищету, обман, грязь, холод?

В раннем детстве и я застала остатки этой старины, далёкого прошлого. В те времена особенно тяжело жилось женщине.

Все лежало на ее слабых плечах. Кто рубит в лесу огромные лесины, кто везет бревна, привязав их к волокушам? Она, женщина, мать детей. Кто возит сено для скота? Мать возит, женщина, хозяйка. Кто выделывает кожу, а из кожи шьет обувь и одежду для мужа, для всей семьи? Жена шьет, мать, женщина. Кто готовит обед, нянчит детей?.. А муж вернется с охоты, лежит дома на нарах и курит трубку, день курит, два, полеживая на нарах или на шкурах в юрте.

А если забеременеет женщина, все считают ее нечистой. Выгоняют ее из дому рожать в холодную лачугу возле самого леса, где-нибудь на окраине поселка, где бегают волки и зайцы. А в этой лачуге нет ни пола, ни стула, ни стола, ни печки. На земле валяется охапка мха или травы. Вот сюда и ложится женщина. И живет она в холодной хижине семь-восемь дней. Двери крепко-накрепко заперты, и никто не имеет права зайти к ней, кроме старой бабки, которая принесет еду и уйдет.

Были когда-то такие обычаи и времена, были и никогда больше уже не вернуться. Теперь женщина рождает в больнице. А сколько женщин руководит колхозами, сельсоветами, работают учительницами, заведуют магазинами, мастерскими.

Прощай, Юконда!

Как это случилось, что я попала в Ленинград? Послали из Ханты-Мансийского педагогического училища четырех молодых людей в Ленинградский институт, народов Севера учиться. С ними и меня.

Грустно было на душе. Не хотелось уезжать из родных, знакомых и любимых мест.

Села в лодку и поплыла по родной, знакомой Юконде, с ее белыми песчаными берегами.

Высокие стройные сосны, кедры, пушистые ели и пихты махали мне на прощанье своими ветками, курчавые березки, осины шелестели, что-то хотели, видно, сказать. А ветер насвистывал в кустах о будущей моей жизни. Сначала плыла я на своей осиновой лодочке, потом на катере плыла, затем на пароходе, а с парохода вышла и села в поезд.

Поезд шел с Дальнего Востока. Много пассажиров возвращалось домой из разных экспедиций. Но меня этот поезд привез в будущее. Так мне хочется назвать и Ленинград с его улицами, и Институт народов Севера, где под одной крышей собрались юноши и девушки двадцати языков и наречий.

Под этой гостеприимной крышей прожила я несколько лет. Что делала? На этот вопрос можно ответить одним словом: училась.

Изучала я курс марксизма-ленинизма, работала в комсомольских кружках, занималась с отстающими. Учась и работая, я жила в необыкновенном городе, о котором в тайге песни поют, поют песни и рассказывают сказки. Вот и моя жизнь стала песней, сделалась сказкой.

Вот чукча Вуквол, вот ненец Варницын, вот Болтунов Сеня, вот Комбагир, Трофимов, Попов Гриша, Аня Дедикова, эвенкийская девушка, выступавшая на всех институтских вечерах – товарищи и подруги мои. Весело, дружно жили мы все под одной крышей, представители двадцати народов, комсомольцы и комсомолки. И когда, а это случалось часто, ответит кто-нибудь хорошо на вопрос преподавателя, доклад хороший сделает, придет первым на лыжных соревнованиях, душа радовалась у всех за успех одного, так дружно мы жили.

От дней, о которых я сейчас рассказываю, отделяют меня суровые годы, и многих из тех, чьи громкие, веселые голоса звучали в коридорах института, нет уже в живых. Всех лучших своих юношей, смелых стрелков, неутомимых лыжников, послал институт защищать город Ленина, счастье и независимость любимой Родины. И много сейчас песен сложено про тех, Кто отдал жизнь, как смелый юноша Аким Самар, защищая свою любимую Родину.

В Ленинграде прожила я до февраля 1942 года и вместе с ленинградцами пережила самые трудные месяцы блокады.

Копала окопы, дежурила на крыше, тушила зажигалки, работала в госпитале

Учу в той школе, где училась сама

Зиму, весну и лето провела в Омске. Сначала работала в бюро пропусков в облисполкоме, а потом... Потом пароход повез меня туда, где течет Малая Юконда и студеная быстрая Васкалтынья.

В Ханты-Мансийске получила я направление в свою родную деревню, в Хармпавылскую школу.

Буксирный пароходик «Гончаров» ушёл в Нахрачи. Только доставил он меня в Нахрачи, как стала река Конда. И вот я иду пешком по замерзшим речкам и болотам, иду домой по забытым тропам. Немудрено и забыть! Столько лет прошло, как покинула эти места.

Иду и иду, то взгляну на дерево, то на звезду, что мерцает в небе, а сама думаю, как бы не сбиться. Иду и иду, не останавливаясь. А вот озеро. Лед еще тонок, под ногою гнется, трещит. Неужели провалюсь, погибну? Быть не может!

Подошла к родной деревушке поздно ночью. Сердце забилося в груди. Край мой! Земля моя родная! Горы и речки мои! Подхожу к дому, где прошло мое детство.

И страшно стало мне. Дом стоит одинокий и пустой. Стекла в рамах выбиты. И оттуда темнеет... безлюдье, пустота. Подхожу к крыльцу, а дверь покосилась. На дворе мороз. Взошла луна. И лес при лунном свете был как черная-черная стена.

Что случилось? Где братишка Сережа? Где сестра Рина?

Но никогда не надо преждевременно отчаиваться. Все были живы и здоровы. Старший брат выстроил новый дом, и там жили всей семьей. Не буду описывать их удивление и радость, когда встретили меня, как целовали, обнимали и расспрашивали.

Для всех ребятишек поселка, для всех школьников и школьниц мой приезд был большой радостью и сюрпризом. Ведь приехала я преподавать физкультуру, и откуда приехала? Оттуда, где каждый школьник, в сущности, военный и герой, защитник Родины и города, приехала из осажденного и непобедимого Ленинграда.

Я организовала два кружка: юных стрелков и кружок ПВХО. Винтовку взяли под расписку в Рыбкоопе на временное

пользование, достали и малопульку. На берегу реки Васкалтыньи выбрали удобное место для тира, разгребли снег, отмерили расстояние для мишеней, сделали засечку на деревьях, прикололи мишени, постелили солому на землю и приступили к самому увлекательному – к стрельбе в цель.

Девочки и мальчики увлеклись «военным делом». Приходили на берег Васкалтыньи родители и старики поглядеть, как стреляют ребята, приносили малопульки и сами стреляли в цель.

Но, кроме военного дела, преподавала в школе литературу и русский язык. Времена были военные, суровые, и самим педагогам, и учащимся приходилось заботиться о школе и интернате, запасать дрова, пилить и колоть их.

Случилось со мной. однажды в лесу маленькое происшествие, небольшое несчастье. Пилили мы с директором школы Варварой Георгиевной толстый сухой кедр, но он с комля не упал на землю, а повалился и верхушкой застрял между двумя березками. Мы решили отпилить чурку. Стали пилить нависший кедр, пилу зажало; ударили по комлю топором и вдруг дерево упало. Я отскочила, но было уже поздно, дерево придавило мне ногу. На счастье мое, там, где я лежала, оказались кочки, и они задержали дерево, спасли меня. Школьники подумали, что меня убило деревом, заплакали. И мне пришлось пересилить боль и рассмеяться, чтобы они поверили, что я жива и, в сущности, невредима, если не считать ушибленной ноги.

Повезли они меня домой в санках, поминутно спрашивая, не больно ли мне. Ну, а хоть и больно, так что? Плакать, что ли?

И вот лежу я в постели. В постели лежу или сижу за столом на колхозном собрании. Пришли колхозники навестить меня и рассказывают о делах своих. Рассказывают и покуривают трубочки. Дымно в комнате, шумно возле моей койки. Председатель колхоза сидит, спорит с моим дядей-бригадиром рыболовецкой бригады.

Участвую и я в их споре, высказываю свое мнение.

Все мне известно: и как выполнили рыбаки свой план, и сколько денег собрали на постройку танка.

– Послушайте! – говорит моя сестра гостям. – Ведь больная она, хоть не шумели бы, что ли!

А я смеюсь и думаю про себя: «Шумите, шумите, друзья мои, рассказывайте громче о делах своих, шум этот ваш дороже мне больничной тишины».

Поправилась я и пошла снова в школу. В этих стенах училась сама, годы пролетели, как птицы, и стала я учительницей, но где-то в сердце не погас, тлел уголек детства моего, и, глядя на ребяташек, не могла я скрыть нежность свою к ним, ведь учительница – это вторая мать. Глядя на ребяташек, ласково улыбалась я.

Наступила весна. Прилетели утки, гуси, захлопали крыльями над озерами в камышах. Реки заговорили вдруг, студёные ручьи запели свою весеннюю песню. Ветви на деревьях покрылись листьями. Посмотришь в прозрачный поток, где вола звенит по камням, а там в глубине плавают темные рыбки. Идешь по тропе в лесу, а пихты трогают тебя пахучими ветвями, осины шелестят, шепчут мне что-то в ухо.

Думай о природе, человек, вдыхай свежий лесной воздух, слушай крик уток в камышах, но не забывай о самом главном.

Не забывала я ни на минуту о тех, кто защищает Родину, о Ленинграде не забывала. В клубе собирала я колхозников и ребят, рассказывала о победах Советской Армии, о ленинградцах рассказывала я. А когда начался лов рыбы, вместе с колхозниками работали и мы, учителя, ставили запоры, тянули невод, солили рыбу.

Суров наш далекий край. Тропу, занесенную снегом, вспоминаю я. Вокруг метет пурга, а я иду и иду, проваливаясь в сугробы. Ни зги не видно. Ветер свистит, стынут губы. И стынущими губами зову я, кричу, зову и зову; и вот, кажется, и голоса нет в груди. А ветер свистит.

Впереди ничего не видно. Никто не откликнулся на мой голос. Иду дальше, падаю, встаю, и вот уже нет сил идти. И снова зову тех, кого ищу. Два школьника, не спросив разрешения у воспитательницы, ушли из интерната домой, чтобы повидаться с родными и провести выходной день дома. А до их дома двадцать километров. И началась пурга. Нехорошо поступили эти два школьника, неразумно. Но сейчас не об этом думаю я. Не сбились ли они с пути? Живы ли?

Ветер свистит. Деревенеют щёки и руки. Но я иду и иду...

Оглядываясь на прошлое, вижу я не только эту тропу, вижу и ребят-школьников. веселые голоса слышу я, как сейчас. Не заблудились они, нашла я их.

Идут дни. Суровые студеные зимы сменяются долгожданной весной. Звенит вода и лед в тающих речках и озерах. Птицы кричат, славят весну, поют песни.

Пою и я о тебе, юность моя, край мой, берега Малой Юконды, где шелестят осины, шелестят листья на ветвях, когда дует ветер и гонит волны.

Голос отца

Весну и лето этого года я работала директором Карымской неполной средней школы.

Каждый вечер в конце учебного года засиживалась в школе дольше всех. Дел было так много, что переделать их за день не успевала и оставляла на вечер ту работу, которая требовала тишины и сосредоточенности.

Я любила эти вечера. После того как затихнут беготня и говор учеников или донесутся до моего слуха последние осторожные шаги уборщицы да гулко стукнет дверь школы, – значит, и уборщица и истопник ушли домой, – И тогда во всей школе я оставалась одна. Времени на подготовку к урокам было так мало, что приходилось захватывать ночь. Школа отнимала у меня много сил и времени. А домашние дела?.. После смерти матери забота о брате, сестре да о приголубленных мною сиротках легла на мои плечи. Дорога была каждая минута!

В мае после занятий ученики на пришкольном участке сажали картофель, сеяли овощи. А старшеклассники вместе с учителями заготавливали дрова для школы. Тучи гнуса и надоедливый комариный писк преследовали нас на валке, распиловке, колке и укладке дров в поленницы. Но все работали в защитных одеждах: в накомарниках, сохнях² и рукавицах, и работа у нас спорилась.

² Сохни – лёгкая обувь с брезентовыми голенищами.

Интернатские дети (те, которые не покидали школу во время летних каникул) все лето ухаживали за посевами в огороде: пололи морковь, турнепс, окучивали картофель. А на болоте Рептхгальх собирали морошку, голубицу, чернику. Повар Фирулева готовила из ягод вкусный кисель и незабываемое мансийское кушанье нялмпол³.

Летом из Нахрачей я привезла стройматериалы: кирпич, стекло, мел. Переложили печи, побелили потолки, застеклили рамы. Девочки вымыли полы. В школе стало уютно и чисто. И наша школа была готова к встрече учеников в новом учебном году.

Вот уже и конец августа. Великаны-кедры под тяжестью созревающих шишек все ниже и ниже склоняют свои пушистые ветви. А в лесу – тишина... Только запасливые рыжехвостые белки, серые птицы ронжи да маленькие зверьки бурундуки с полосатыми спинками лущат шишки и таскают кедровые орехи в гнезда и потайные норки. В иные дни налетает ветер. Он срывает листья с березок, осин и тальников. В такие дни кедровые шишки с гулом падают на землю. Дети собирают их в кошелки, а то и прямо в подола своих рубашонок и, чтобы очистить их от липкой серы, варят в котле или жарят на раскаленных углях костра. А затем, подложив калачиком под себя ноги, садятся в кружок и щелкают орехи, извлекая оттуда жирные янтарные ядрышки.

Потемнели отяжелевшие гроздья брусники. То там, то тут они запестрели в бору ярким цветным ковром, похожим на замысловатый мансийский орнамент.

А в кустах?.. В кустах возле озер, речек и курей все еще полетному заливаются птицы, крикают утки, гогочут гуси, курлычут журавли и плачут лебеди.

Дыхание родного края, его многоголосые звуки наполняют мое сердце радостью, и исчезает усталость в руках и в ногах! А сердце поет... Мансийские мотивы и слова замечательных песен моей бабушки сами собой приходят на память:

³ Нялмлол – густая каша из ягод и рыбы.

«Гуси-то летали,
Утки-то плавали...
Берега моей дорогой Юконды
По одной стороне текут золотой водой,
По другой стороне текут серебряной водой.
Как утиная нога, изогнутое весло мое.
С двадцатью заплатками юркая лодочка моя...»

Последние дни августа выдались хмурыми, холодными. Провлинные дожди попеременно с мокрым снегом заливают болота, поляны и улицы деревень. За окном беснуется ветер. Упругий дождь хлещет в стекла...

В одну из таких ненастных ночей раздался громкий стук в дверь. Младший братишка Сережа с тревогой взглянул на меня. Стук повторился. Я быстро встала с намерением открыть дверь.

– Не ходи, Мотя. Я сам открою, – сказал Сережа и, решительно отстранив меня, побежал к двери.

На крыльце послышался разговор, и вслед за Сережей в дом вошел молодой человек в длинном брезентовом плаще. Плащ был мокрый, и струйки воды стекали на пол. В молодом человеке я сразу узнала почтальона. – Вам, Матра Панкратьевна, телеграмма-«молния». Из Ханты-Мансийска.

Когда я проводила почтальона и быстро вернулась в дом с нераспечатанной телеграммой в руках, братишка Сережа и сестренка Рина стояли передо мной в такой позе, которая без слов говорила: «Ну, скорее же! Что там написано?»

С волнением я развернула телеграмму и прочла вслух: «Окроно просит вас срочно прибыть в Ханты-Мансийск для работы в педучилище преподавателем мансийского языка. Руководство школой передайте завучу Анисимовой Ольге Павловне. Выезд подтвердите телеграммой. Завокроно Непомнящих».

Села я за стол и задумалась: «Так это неожиданно. Как же мне быть? Что делать?..»

Сразу выехать в Ханты-Мансийск я не могла. Первоклассники из дальних деревень еще не прибыли в школу. Да и кто из родителей в такое ненастье решится пешком привести в школу своих детишек-малолеток? Деревни эти от школы находились

далеко за болотами, таежными речками и озерами, разбросанные друг от друга на расстоянии двадцати и более километров.

И решила я сначала доставить детей в школу, нормально начать учебный год и лишь после этого выехать на работу в Ханты-Мансийск.

Утро. Оно мрачное и холодное. Надеваю на себя физкультурные брюки, бродни, ватную куртку, теплый платок. Беру с собой спички, топор. И отправляюсь в путь одна с волнующими меня мыслями. Мне немного грустно. Жаль, очень жаль расставаться с милой моему сердцу Юкондой! И в то же время радостью наполняется мое сердце, когда начинаю думать о Ханты-Мансийске, о новой работе в педагогическом училище. Ведь я буду готовить молодую смену учителей для мансийских детишек. Значит, там я нужнее, чем здесь. Сердце мое, жизнь моя принадлежит народу. В этом великое счастье!..

Я иду все дальше и дальше. Переправляюсь на паузке через Юконду. Подхожу к курье Сартэнворэй. Спускаюсь по чуть заметной тропе в низину, поросшую мелким тальником и березками. Перебегаю ручей. Поднимаюсь в самый красивый бор с красивым названием Яхальмпальсуй, где с обеих сторон обступают тебя стройные золотистые сосны-великаны, а под ногами белый-белый, словно покрытый инеем, узорчатый мох...

Солнце уже близится к закату. Но сегодня его не видно. Серое небо с тяжелыми дождевыми тучами лишь на самом горизонте окрасилось слегка в светло-лиловый цвет. Быстро падает темнота. Деревья-великаны, приветливо смотревшие на меня при дневном свете, выглядят теперь мрачными; они сплошной стеной наступают справа и слева. Темные стены все плотней и плотней сдавливают меня, и только сверху над самой моей головой виднеется дыра в небо. Иду и слышу стук сердца и стук своих шагов. Впереди ночь. Мне становится страшно. Успею ли я добраться до ближайшей деревни Ленгурьи? Впереди еще нужно преодолеть речку, которая после проливных дождей, наверное, разлилась. Но нельзя терять самообладания. В жизни может быть еще тяжелее. И меня в этот трудный момент воодушевляет образ моего родного отца – знаменитого мансийского охотника, честного и отважного человека. Словно наяву я слы-

шу его голос, идущий откуда-то издалека вместе с шумом ветра. Я начинаю импровизировать, и песня, которую я пою, делает меня мужественной. Лесное эхо повторяет мою песню, и кажется мне, что я не одинока в этой урманной глуши, наполненной всякими неожиданностями и страхами. И моя песня звучит всё тверже и тверже:

«Слышу голос его –
ого-го-го-го-ого-го...
Он бредет по дремучему бору.
По болотам и топям он смело идет.
Вдоль просторных озер он шагает.
И широкие реки ему нипочем.
Слышу голос его –
ого- го-го-ого-го...»

Вот наконец и речка. Ищу переправу. Но переправы нигде нет. От речки до деревни Лентурья – рукой подать. Но почему не слышно лая собак в деревне?

И я решила переправиться через речку вплавь. Вступаю в холодную воду. Осторожно иду по песчаному дну и вдруг ощутила под ногой обрыв. Вздогнула. Подалась назад. С минуту думаю: Плыть или не плыть?.. И тут какая счастливая неожиданность: из-за мыса речки на лодке вынырнул запоздалый рыбак. В темноте сразу я не различила силуэта человека. От неожиданности вскрикнула, вообразив, что сбоку ко мне подплывает огромный бурый медведь. Рыбак тоже сначала вздрогнул, но тут же понял, что перед ним стоит человек, промокший до нитки, испуганно озирающийся по сторонам с ясно выраженной надеждой, чтобы ему помогли.

– Кто это? Кто? – с тревогой спросил рыбак.

Ухватившись за борт лодки, я выбралась на берег. И когда рыбак узнал, что за человек стоит перед ним, с сожалением сказал:

– Вот беда! Напрасно ты шла сюда, Матра Панкратьевна. В зимней Лентурье сейчас никого нет. Все выехали в летние юрты. Там и рыбачат, орехи да ягоды собирают.

– Как же мне быть?

– Как быть?.. Садись в лодку.

Ночь. Ветер. Волны. Но все это уже позади. На следующее утро, собрав своих учеников, я из летних Ленгурских юрт на лодке поплыла в Красный Яр, а оттуда с новым пополнением в Турпалы, из Турпал в Луговую. Колхозники на собрании в помощь мне выделили еще двух провожатых.

И вот мы снова пути. Путь наш идет из Луговой в Карым. Мы идем через боры, преодолеваем топкие болота, прыгаем с кочки на кочку, перебираемся через маленькие речки и ручьи, а там, где особенно трудно и опасно, берем наших малышей-семилеток на руки или сажаем за плечи и переносим их на сухое место. Маленькими стайками порхают возле меня детишки. Звенят вокруг их радостные, тонкие голоса. Щебечут они, как птенчики. Радость моя! Счастье мое!

Седьмого сентября семнадцать первоклассников впервые переступили порог Карымской школы. Для них началась новая жизнь здесь, в той школе, где когда-то и я семилетней девочкой с бьющимся от волнения сердцем, с боязливыми, но полными любознательности глазами, не знавшая ни одного слова порусски, сделала первый шаг к свету, знаниям и науке.

Педучилище

Как только сошла я в Самарово с парохода на пристань и вступила на берег могучего Иртыша с мутно-глинистой водой, вспомнила тропу, ведущую через гору в Ханты-Мансийск. Вспомнила годы моей жизни и учебы в Ханты-Мансийском педагогическом училище.

Юность моя, звучная, как тонкие льдинки на Малой Юконде в ранние осенние заморозки!..

Как сейчас, слышу посвист литовок – острых кос на лугу летним утром с серебриющимися на солнце слезинками холодной росы, перестук топоров в тайге, звонкую дробь каблуков на вечерах студенческих в педучилище, а в каникулы – шум деревенских свадеб, песни, веселье...

Как сейчас вижу зимы юности моей с искрящимися снежинками, мягкими и белыми, как песцовый пух, и будто вдыхаю я в себя неуловимые запахи снежных цветов на стеклах про-

мерзших окон, гонкий аромат весенних подснежников, выбивающихся к свету, теплу из-под рыхло-пористого снега.

Город мой, Ханты-Мансийск! И ты тоже, словно подснежник, вырос в глухой дремучей тайге. И я счастлива, что не только видела, но и помогала тебе в твоём рождении...

Мою задумчивость прервал мужской голос:

– Граждане, кто тут Карымские?

– Мы! – слышался голос Сережи, который вместе с Ринной сидел на берегу возле багажа.

– Да не вы мне нужны, а учительница...

Я подошла к мужчине, поздоровалась. Он оказался возчиком. Его прислала за мной директор педучилища Нина Андреевна Бельская.

– Вот и хорошо. А где ваши вещи?

– Вот они.

Да и какие там вещи? Весь наш багаж состоял из старинного бабушкиного сундука да старого, выдавшего виды потрепанного мешка с картошкой.

Возчик быстро погрузил наш багаж на телегу, попутно прихватил вещи и других пассажиров, прибывших на работу в Ханты-Мансийск, и, сказав нам, чтобы мы не отставали тронул лошадей.

И не по узкой тропе, как когда-то, а по широкой торной дороге подымаемся мы на гору, затем идем некоторое, время вдоль дороги. И по бокам дороги теперь не лес глядит на нас, а новые дома глядят своими глазами-окнами из-за ажурных занавесок, да кивают нам яркими головками поблекшие цветы из палисадников и огородов, провожает нас неведомый нам, жителям тайги, скрип колодезных рычагов и звон ведер на железных цепях.

Лес отступил далеко от дороги. Вот и спуск с горы. По ее склону навстречу нам бегут новые дома, так широко разросшегося за эти годы города Ханты-Мансийска. Новые деревянные дома одноэтажные и двухэтажные, с железными и кирпичными трубами. Из труб вьется сизый дымок, незаметно растворяющийся в синеве прозрачного осеннего неба.

И только там, вдали, где кончаются здания, виднеется редкий лес да широкая сверкающая лента Иртыша, вливавшего свои воды в великую сибирскую реку Обь. Какая ширь! Какая красота!..

Здравствуй, родной мой, самый красивый среди всех других городов, молодой, растущий деревянный город Ханты-Мансийск!

Здравствуй, юная столица моего таежного края!

Вот мы уже и в центре города. Идем по деревянным тротуарам. Сворачиваем на улицу Комсомольскую к общежитию учителей педучилища. И снова начинают тяготить меня сомнения: справлюсь ли я со своей новой работой? Ведь я не имею законченного высшего образования? У меня нет опыта работы в средней школе, да и знаний, как я чувствовала, у меня недостаточно. Поэтому очень неуверенно, с робко бьющимся сердцем переступила порог общежития, где для меня уже была приготовлена просторная светлая комната. Но когда увидела я приветливые лица встретивших меня людей – моих старших товарищей по работе, дружески настроенных ко мне, – сразу как-то легко стало на сердце; поняла я, что эти люди помогут мне, и все будет хорошо!

Мы быстро разобрали принесенные вещи, затопили печку, вскипятили чай, наскоро поужинали. После утомительной дальней дороги я спокойно легла в теплую постель и заснула крепким безмятежным сном.

На следующий день я пошла в педучилище.

Еще издали увидела я пышно разросшийся сад и подумала: неужели так разрослись те деревья, которые и я сажала пять лет назад, весной 1938 года перед окончанием учебы в педагогическом училище?.. Да, эти деревья за пять лет стали высокими, стройными, их кроны дотянулись до окон второго этажа, и отделены они были от тротуара остроконечным деревянным палисадником. Когда подошла я вплотную к родному мне зданию педагогического училища, с бьющимся от волнения сердцем я вошла в садик, села на скамейку возле танцевальной площадки с потемневшим от времени дощатым настилом. Села. Задумалась. И мысли перенесли меня в тот тихий июньский вечер, когда мы, выпускники педагогического училища, отмечали счастливей-

ший из дней нашей жизни. Нас было двадцать человек, которые, как ласточки, выпорхнули из своего родного гнезда и разлетелись в разные стороны. С каким волнением получали мы в тот вечер дипломы! Сколько было хороших напутствий! С какими волнующими речами мы выступали сами! А после торжественной части мы с приглашёнными гостями и нашими любимыми учителями вышли сюда, в этот наш садик, вынесли скамейки, вот на этой самой деревянной площадке танцевали под гармонь, играли и пели до самого утра. Тогда июньская ночь была светлой, лишь ненадолго зашло солнце, а потом снова стало светло, как днем.

Вспомнилось милое, светящееся тихой улыбкой лицо первого директора, нашего педучилища Степана Филипповича Пестова и приветливое лицо его жены Анны Ильиничны, лучшей методистки базовой школы. Она руководила практикой будущих учителей и умело передавала нам опыт своего учительского мастерства. Где-то они теперь?

А какими интересными были уроки географии Степана Филипповича. Он научил нас практически пользоваться метеорологическими приборами, измерителями температуры и направления ветра. Мы научились пользоваться компасом и ходить по азимуту, узнавать направление по солнцу и звездам...

Игорь Петрович Игнатов преподавал нам педагогику. Он научил нас любить свое дело, увлекательно рассказывал о великих русских педагогах Ушинском, Каменском. Он улыбался нам всегда доброй, сердечной улыбкой, и его ласковый взгляд из-под светлых очков согревал наши сердца и наполнял их большой любовью к детям.

Словно наяву вижу я перед собой лица наших дорогих учителей. Они остались для нас примерам на всю жизнь. Все это я особенно остро переживала, когда, поднявшись по лестнице на второй этаж; шла по коридору, направляясь в кабинет директора педагогического училища. Меня волновала мысль: достойна ли я быть учителем педагогического училища и сумею ли я, подобно моим учителям, посеять добрые семена в сердцах моих учеников?

Вот и кабинет директора. Вхожу. И не могу скрыть своей радости. Передо мной мои учителя: директор – Нина Андреевна Бельская и завуч – Мира Моисеевна Ханина. Те же самые мои родные учителя, только чуть постарели, но жизнерадостные, веселые, смотрят на меня так приветливо и душевно, что от волнения я чуть не заплакала.

Поделилась я с ними своими сомнениями, своими переживаниями. И когда говорили они со мной, то почувствовала я в словах этих добрых, душевных людей столько заботы и внимания, что стала верить в свои силы. А они обещали мне помочь во всем.

Мне поручили вести занятия по русскому языку и литературе на подготовительном отделении за шестые и седьмые классы и в педучилище – мансийский язык и методику родного языка.

Очень трудно было мне не только на первых порах, но и на протяжении всего учебного года.

Много готовилась к урокам, писала конспекты по каждому предмету в отдельности. По мансийскому языку в то время не было учебников для педучилищ. Приходилось пользоваться учебниками для начальных школ и самостоятельно разрабатывать вопросы грамматики родного языка.

Все мои планы, конспекты накануне проверялись моими товарищами и друзьями Ниной Андреевной и Мирой Моисеевной, и на уроки я шла уверенной в себе и твердо знающей материал.

Незаметно наступила зима. Холодная. Морозная. Бывало, поздно вечером возвращаюсь я из педучилища домой. Снег под ногами скрипит. Луна морозкового цвета тускло освещает мой путь. А в работе моей сколько волнующих минут!

И вся моя жизнь полна событиями, в которых столько светлого вдохновения, бурей налетающих мечтаний, и эти мечтания, ты, юность моя, одевала в цветные одежды и придумывала такое, отчего по ночам часто мне не спалось...

Каждый день вхожу в светлые, просторные аудитории. В этих же аудиториях я училась со своими сверстниками. Как сейчас, слышу их голоса. Вспоминаю, как пели и играли на гитаре Хина Пухленкина, Миша Казанцев, Коля Свешников, Гри-

ша Бабкин, Мила Рогина, Хуланхова Лена. Как дружно мы жили тогда и с какой страстью боролись за переходящее Красное знамя курса. Мы ведь в течение трех лет не выпускали из своих рук этого Красного знамени, и в соревновании наш курс был всегда впереди, и по успеваемости, и по поведению, и по выполнению общественных поручений. Теперь, вот за этими же партами, сидят такие же, как и мы когда-то, любознательные юноши и девушки. А перед ними я – их учительница. На меня устремлены десятки глаз, темных, блестящих, как горячие угольки. Биение их сердец передавалось мне, и казалось, что и они в это время слышат биение моего сердца.

На уроках я старалась привить им любовь к своему родному языку и к языку нашего старшего брата – великого русского народа. Через родной язык раскрывала перед ними тяжелое прошлое мансийского народа, его радостную, хотя и суровую жизнь в наши дни, когда советский народ в ожесточенной борьбе отстаивал свободу и независимость своей Родины. Мы читали и пересказывали сказки о замечательном герое мансийского народа Эква-пыгрисе, и его образ, достойный подражания, воспитывал в моих учениках высокие моральные качества – любовь и беззаветную преданность народу, Родине.

В библиотеке педучилища, кроме сказок про Эква-пыгриса была еще одна любимая всеми книжка – «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, переведенная на мансийский язык. Эту сказку мы читали по ролям, и у моих учеников появилось желание инсценировать ее. Более месяца мы готовили постановку сказки о рыбаке и рыбке в кружке художественной самодеятельности. А потом нас пригласили в Дом народов Севера, и мои ученики имели такой огромный успех, вызывали такую бурю аплодисментов в зрительном зале, что старику, старухе и золотой рыбке пришлось не раз ещё выходить на сцену и повторять наиболее интересные эпизоды из сказки.

В зимние вечера я ежедневно посещала общежитие учащихся на улице Комсомольская, занималась с отстающими, следила за подготовкой уроков, организовывала коллективные чтения художественной литературы на русском и мансийском языках. Сильное впечатление произвела на моих учеников книга

Г. Байдукова «Через полюс в Америку», изданная на мансийском языке. Как сейчас вижу перед собой счастливые лица Ендыревой Фаи, Храмцовой Кеи, Гындыбиной Дуси, Енизарова Саши, которые с напряженным вниманием вслушивались в каждое слово этой прекрасной книги, повествующей о героическом подвиге советских летчиков Чкалова, Байдукова и Белякова. Потом мне не раз приходилось слышать, с каким восхищением они рассказывали своим товарищам об ответе Валерия Павловича Чкалова одному американскому дельцу:

– Вы богаты, мистер Чкалов?

– Да, очень богат.

– В чем выражается ваше богатство?

– У меня 170 миллионов.

- 170... чего – рублей или долларов?

– Нет. 170 миллионов человек, которые работают на меня так же, как я работаю на них.

Выделяла время и на общественную работу среди населения. На «десятидворках» – в одном из прикрепленных ко мне десяти домов собирались местные жители, я читала им газеты, рассказывала о событиях на фронте, в стране, за рубежом.

В тяжелые годы Отечественной войны жизнь в педагогическом училище текла строго размеренно, она была содержательной, интересной и яркой.

Коллектив учителей и коллектив учащихся составляли одну дружную семью, и в этой семье каждый знал свое место и находил свое призвание.

Радостно было смотреть на наших учеников: манси, ханты, коми и русских – жизнерадостных девушек и юношей, которые, как молодые побеги под лучами весеннего солнца, тянулись вверх к знаниям, к культуре и к облагораживающему их труду.

С глубокой любовью они относились к урокам пения и музыки. Ведь на этих уроках они впервые за многовековую историю жизни народностей Севера овладевали нотной грамотой, и не на слух, а по нотам не только пели и воспроизводили на различных музыкальных инструментах мотивы своих национальных песен, но также исполняли и произведения великих композиторов Чайковского, Бетховена, Штрауса.

Музыкальный кабинет педучилища имел пианино, оркестровые скрипки, мандолины, домбры, балалайки, баян, гармоники и несколько национальных музыкальных инструментов: тумран, гусь, санквальтап. Гордостью училища были два оркестра: домброво-балалаечный и духовой. И в дни торжественных праздников, и на вечерах художественной самодеятельности, и на демонстрациях звучала чудесная музыка, какой никогда не слышали наши деды, отцы и матери. А мой ученик Роман Секов искусно играл на санквальтапе с тремя струнами из тонких оленьих жил, и под его музыку мансийские девушки Дуся Гындыбина, Катя, Соня и Лена Вингелевы танцевали мансийский танец «Сбор черемухи» и пели мансийские лирические песни. С особым волнением в сердце слушала я песню о Ленине в исполнении сводного хора манси, ханты, коми и русских под аккомпанемент домброво-балалаечного оркестра. Как же мне было не волноваться! «Песня о Ленине» – мое первое литературное произведение на мансийском языке. Эту песню теперь поют не только на сцене, но и в далеких мансийских юртах по Сосьве и Конде, и моя песня стала достоянием музыкальной культуры моего родного народа:

Он прогнал нищету и невзгоды
Из наших мансийских селений.
Нашим детям просторные школы
Он построил, дедушка Ленин,

Большой любовью в педучилище пользовался спорт. В педучилище работали различные спортивные секции: лыжная, гимнастическая, легкоатлетическая, шахматная, стрелковая. В городских и окружных спортивных соревнованиях спортсмены педагогического училища часто занимали первое место.

Я страстно любила лыжи. И вечерами, после занятий, или в выходные дни вместе с учащимися совершала лыжные вылазки. Мы уезжали на лыжах в лес, катались с гор. Обозревали живописные окрестности Ханты-Мансийска. Бывало, как только войдешь в лес, сразу встречают тебя одетые в белые кружева деревья. Тысячами алмазов сверкает снежный покров на елях, соснах и лиственницах. В воздухе искрятся ледяные пылинки.

И вдыхаешь в себя с каким-то особым упоением чистый холодный воздух северной тайги.

В зимние каникулы мы организовывали лыжные походы по окрестным деревням, пробегали на лыжах по триста и более километров, выступали перед колхозниками с докладами и концертами художественной самодеятельности.

Быстро и незаметно летело время. Словно белокрылые озерные чайки, промелькнули передо мной две весны и две осени, когда я провожала отлетающих на юг и встречала возвращающихся с юга на север перелетных птиц моего родного края – уток, гусей, лебедей.

Весна и осень. Эти времена года в жизни педагогического училища казались мне особенно близкими, особенно дорогими моему сердцу. Весной и осенью природа щедро раскрывает перед человеком свои богатства и говорит ему: «Бери их!». Но чтобы их взять, нужно много работать. И мы работали. Работали не покладая рук. Работали на опытном сельскохозяйственном участке и в подсобном хозяйстве педагогического училища, на полях колхоза им. Чкалова в с. Перековка. Мы шефствовали над этим колхозом и помогали ему сеять и убирать урожай.

Под руководством учителей биологии Анны Семеновны Никишиной и Ларисы Андреевны Величко учащиеся педучилища весной 1943 года разбили фруктовый сад. Посадили первые 25 вишен, несколько яблонь, кусты малины, крыжовника. Каждое деревце, каждый кустик имел своего шефа, который после окончания училища передавал своего «воспитанника» – деревце или кустик ученику младших классов.

С каждым годом разрастался наш фруктовый сад. Каким красивым было его весеннее цветение. Сколько счастья нам поставили первые плоды, собранные осенью с его ветвей. Мы с гордостью смотрели на наш сад. Ведь в то время фруктовый сад педагогического училища был одним из самых северных садов Тюменской области.

На опытном сельскохозяйственном участке сажали картофель, капусту, помидоры, корнеплоды, сеяли овес, подсолнухи. Подготовку к работе на участке начали после зимних каникул. Подвозили навоз, золу, минеральные удобрения в мастерских

изготавливали ящики для рассады, торфо-перегнойные горшочки. Проверяли семена на всхожесть. Весной после занятий учащиеся, организованные в звенья и бригады, с веселыми песнями отправлялись на работу в свой огород или на подсобное хозяйство, а осенью любовно собирали плоды своих трудов.

В столовой педагогического училища на всю зиму хватало овощей, выращенных руками учащихся и учителей нашего дружного, трудолюбивого коллектива

На берегу Иртыша в предутреннем тумане вспыхивали огоньки костров. Возле костров собирались на рыбный промысел рыболовецкие бригады нашего педагогического училища. Промысел рыбы начинали перед восходом солнца. И часто случалось так, что уже на завтрак в столовой нам подавали свежую рыбу. Что может быть вкуснее ухи с золотисто-янтарным наваром, приготовленной из трепещущих окуней, чебаков и ершей?! А рыбный пирог с запеченным в нем жирным язем и хрустящими на зубах сочными корочками?! А нельма или осетр!.. (когда улов оказывается наиболее удачным) – все это делало меню столовой разнообразным и вызывало в нас чувство горячей благодарности к рыбакам нашего коллектива, которые часто, недосыпая, мокли в воде под холодным осенним ветром для того, чтобы все мы были сыты и здоровы.

Шли дни, месяцы, годы...

С каждым днем жить становилось все радостнее и веселее. Все ждали великого дня победы. И этот день наконец пришел. Мы узнали о нем утром 8 мая.

А 9 мая Ханты-Мансийск торжественно отметил День Победы всенародной демонстрацией.

День 9 мая выдался яркий. солнечный. На площади колыхались красные знамена. Гремела музыка духовых оркестров. Я шла в колонне педагогического училища. И казалось мне, что я переживаю свое второе рождение. Нет слов, которыми можно было бы выразить нахлынувшие на меня чувства радости, счастья и всколыхнувшейся в моем сердце горячей любви к людям, окружавшим меня, – к тем людям, с которыми два года я жила и работала, работала, не жалея сил, и все для того, чтобы скорее наступил долгожданный день нашей победы.

В декабре 1945 года наш Ханты-Мансийский национальный округ праздновал пятнадцатилетний юбилей своего рождения.

Незабываемым на всю жизнь остался для меня день 15 декабря. В этот день я вместе с моими товарищами по работе радостной и счастливой возвращалась из здания окрисполкома. Нас наградили медалями «За доблестный труд в Великую Отечественную войну».

А осенью 1946 года осуществилась моя давняя мечта. Я получила путевку в Ленинградский государственный университет и, окрыленная светлыми надеждами, поехала в город Ленина продолжать образование.

Путь в большую жизнь

Город сказки. Город мечты. Город-герой.

Снова вижу тебя!

Ты не успел еще оправиться после тяжелых лет войны. То здесь, то там твои здания стоят некрашенные, с обвалившейся штукатуркой. В некоторых местах окна забиты фанерой, и видны на стенах пробоины и глубокие царапины от осколков бомб и снарядов.

Вперегонки с ветром мчусь я на автобусе по твоим прямым, просторным, светлым, но чуть-чуть унылым улицам.

Вот и Васильевский остров: Нева, Дворцовый мост, Университетская набережная и совсем рядом, немного влево – здание Ленинградского университета, а в нем – Северное отделение. Мой новый дом. Моя новая жизнь.

В окружении старых друзей – инсовцев я вхожу в студенческое общежитие.

Через высокие окна широким потоком вливается в комнаты осеннее солнце. На улице холодно, но снега все ещё нет. Дрожат и трепещут в солнечных лучах пылинки. За окнами – глубокая осень...

По вечерам, когда со взморья дует западный ветер, я прислушиваюсь к плеску вол и мне чудится, что они говорят о чем-то между собой. Не о моей ли судьбе говорят? Или о судьбе моих сверстников-северян и северянок?

О. если б я могла понять язык ваш, волны родной моей Невы?! Я б обняла вас и сказала, как хорошо жить всем народам на советской земле!

Свежий невский ветерок, как любящая мать, ласково треплет мои волосы, гладит и голубит их, и кажется мне, что Нева улыбается и нежно обнимает меня своим дуновением, и снова я дома, а вокруг – родные и близкие люди.

Я люблюсь огнями ночного Ленинграда. В их дивном сиянии, при мягком свете прожекторов, Зимний Дворец, Адмиралтейство, Петропавловская крепость и весь ансамбль строений с прямыми и зубчатыми стенами, с лепными фигурами на крышах выглядят величественным монументом, будто бы высеченным одними руками из одного материала.

А Дворцовая площадь!

И до этого много-много раз проходила я по ней, с чувством глубокого волнения ступала на ее камни. Это было до войны в дни революционных праздников и народных гуляний. Но теперь; после всего пережитого мною за минувшие годы, именно здесь я испытываю неведомое для меня раньше чувство внутреннего самосознания, и сердце мое наполняется гордостью за великий советский народ: ведь только он своей самоотверженной борьбой, своим героическим трудом спас культуру прошлого, отстоял настоящее и дал жизнь будущим поколениям.

Мне предстояло закончить три курса университета, чтоб завершить высшее образование по филологической специальности. Ещё три года учебы в трудное послевоенное время.

Днем мы слушаем лекции, а на ночь отправляемся на товарные станции выгружать картофель. В летние каникулы трудимся на строительстве – восстанавливаем разрушенные дома, работаем в библиотеках, выезжаем в колхозы на сооружение районных гидроэлектростанций.

С далекой таежной Юконды я принесла на берега красавицы Невы звучную мансийскую речь и горячую любовь к своему родному языку, зародившуюся в моем сердце с детских лет, когда я лежала с бабушкой на оленьих шкурах и засыпала, очарованная ее песнями и сказками. Ты же, Нева, – самая мудрая среди рек, текущих по необозримым просторам Родины, совершила

благородный подвиг, сделав мое сердце крепким, как твои гранитные берега, а ум мой зрелым, как спелые ягоды черной смородины на берегу моей дорогой Юконды.

Я страстно тянулась к знаниям, и Ленинградский университет широко открыл передо мной путь в науку.

Моими учителями были большие ученые – люди с глубоким умом и добрым русским сердцем – профессора Вера Ивановна Цинциус и Владимир Дмитриевич Бубрих.

Это они возбудили во мне интерес к науке, помогли поднять из недр родного языка самоцветы народной речи, – и тогда по-иному стала я осознавать переливчатое звучание слов, разнообразие их грамматических форм, богатство значений, сплетающихся и расходящихся между собой, словно веточки на вечно зеленеющей лиственнице. А когда мне становилось трудно, они протягивали дружескую руку и уверенно вели меня вперед.

Это они, как садовники, любовно взрастили из молодых побегов цветущий сад – целое поколение современных учёных по угро-финским, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским языкам.

Я счастлива, что моими учителями были эти славные люди.

Конец июня 1949 года. Белые ленинградские ночи. Выпускной вечер. Я сдала государственные экзамены. Защитила дипломную работу по грамматике родного языка и получила диплом. Вторая весна в моей жизни. Весна моей зрелости. В руках у меня направление на работу в Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена.

Когда я пишу эти строки, от того времени меня отделяют двенадцать лет жизни. Двенадцать лет упорного труда и учебы.

А что со мной произошло за эти годы?

Если бы о жизни своей я рассказала бабушке, матери и отцу, – для них все это было бы сказкой, несбыточной мечтой. Видеть меня фельдшерницей или учительницей был предел их понимания человеческого счастья. Не могли они допустить мысли, что их маленькая дочка так далеко улетит из своего родного гнездышка, с берегов Юконды к берегам Невы, и войдет в большую жизнь, в светлый мир науки; что на тридцатом году жизни окончит университет, станет ассистентом высшего педа-

гогического учебного заведения, а затем старшим преподавателем кафедры языков народов Севера и аспиранткой, пишушей диссертацию о сложных словах кондинского диалекта мансийского языка.

Да и самой мне иногда многое в моей жизни кажется чудесным сном.

Не могу я скрыть ни от людей, ни от самой себя волнения, когда в моих руках оказывается книга «Мансийский язык» – учебник родного языка для педагогических училищ и вузов или «Мансийско-русский словарь» с лексическими параллелями из кондинского диалекта мансийского языка. По этим книгам изучают мой родной мансийский язык учащиеся Ханты-Мансийского педагогического училища, студенты и учителя, партийные и советские работники на местах. Эти книги известны за границей – в Венгрии, в Финляндии, в Германской Демократической Республике, о них написаны рецензии и отзывы видными специалистами по угро-финским языкам. А ведь в создание этих книг вложена большая доля и моего труда.

О себе ли только пишу я это? Нет, не только о себе. Я пишу о людях северной земли моего поколения. Пишу о всех тех, которые, как и я, в свое время учились в педагогических училищах или Институте народов Севера, а вместе с ними пишу и о своих учениках, об общей нашей судьбе, о счастье нашем.

Не одна я, а десятки и сотни, подобных мне людей, представляющих разные языки и наречия нашего Севера, трудятся в научно-исследовательских институтах, в педагогических училищах, в средних и начальных школах, в художественных студиях, в консерваториях, театрах, занимают руководящие посты в партийных и советских органах. Эвенк Василий Увачан стал профессором, ханты Николай Терешкин и нанай Сулунгу Оненко – научными сотрудниками Института языкознания Академии Наук, Иван Истомин – известным ненецким писателем, нанай Коло Бельды – талантливым артистом, саха Григорий Попов – председателем исполкома Таймырского национального округа.

А мои ученики! Те, которые когда-то учились у меня в педагогическом училище, теперь сидят в институтских аудиториях и слушают мои лекции по фонетике, морфологии, синтаксису,

лексикологии и диалектологии мансийского языка. Они повторяют путь, пройденный мною. И я делаю все, что в моих силах, для того, чтобы они пошли дальше меня и превзошли свою учительницу. А те, которые уже окончили педагогический институт или годовичные курсы повышения квалификации учителей северных школ, Фая Ендырева, Нина Яркина. Оля Хатанзеева, Петя Кимлобозов, Наташа Вингилева, Коля Садомин, Анастасия Сайнахова, Валентин Тандалов, Виктор Илькин, Октябрина Вахрушева и многие другие мои ученики, сейчас работают в школах Конды, Сосьвы, Оби и в Ханты-Мансийском педагогическом училище. Я записываю для них на магнитофон уроки мансийского языка, напеваю на пленку свои новые песни, и мой родной мансийский язык звучит в эфире, передаваемый радиостанцией Ханты-Мансийска.

Но еще большая радость закипает в моем сердце, когда вижу я, что выросла молодая поросль поэтов и прозаиков из народов Обского Севера. И среди них одаренные поэты и писатели: манси Юван Шесталов, ханты Микуль Шульгин, Прокопий Салтыков и Роман Ругин, ненцы Леонид Лапцуй и Иван Юганпелик.

Каждый год в начале апреля, в одной из аудиторий института раздается звук школьного звонка. Это «последний звонок» для выпускников-пятикурсников, зовущий их на торжественную встречу, «Последний звонок» является встречей и расставанием беспокойных друзей-студентов друг с другом и с любимыми педагогами. Волнующе звучит музыка школьного вальса. Эта музыка у всех присутствующих рождает воспоминания о детских и юношеских годах, о годах, проведенных в стенах института, о счастливой студенческой жизни: она вызывает чувство радости и чувства грусти и печали, больших и светлых надежд. А я, их учительница, растроганная, говорю: «Счастливого вам пути. Поезжайте в самые отдаленные уголки нашей Родины. Смело прокладывайте дороги всему передовому, новому, несите людям свет знаний, помогайте им овладеть богатством духовной культуры. Везде и всюду будьте желанными гостями, агитаторами и пропагандистами великих идей коммунизма. Обзаводитесь семьями, стройте свою жизнь

крепко, надежно. Учитесь сами и учите других жить по-коммунистически».

Весна шагает по моей северной земле

Весна шагает по моей северной земле. Весна обновленной жизни. Весна человеческого счастья. Весна коммунизма.

Предания и сказки моего народа донесли до наших дней мечту о счастье.

Но это счастье было призрачным, подобно лесным светлячкам, излучавшим свет только в весенние ночи и гаснувшим с наступлением утра. Весенних светлячков старые манси считали упавшими с неба звездочками счастья. Обрести же счастье мог только тот человек, которому удалось бы найти не гаснущий по утрам светлячок.

И вот однажды моя мама в дни своей юности увидела на берегу таежной речки светящиеся звездочки, с трепетом в сердце собрала семь звездочек, завязала их в уголке головного платка и, не смыкая глаз, стала ждать рассвета. И когда перед восходом солнца она развязала платок, ее охватил ужас. Она увидела, что звездочки счастья вдруг превратились в червячков с желтыми пупырышками на животе. И решила тогда моя мама, что раз погасли ее небесные звездочки, значит счастья ей в жизни не будет.

Да, так, пожалуй, и было бы, что не только моя мама, но и я, и современная молодежь, и весь мансийский народ не нашел бы в жизни своего счастья, если бы не пришла к нам на Север Советская власть, если бы идеи Ленина не были претворены в жизнь под руководством Коммунистической партии.

Радостно писать о том, что жизнь развенчала старые поверья и что моя мама, в прошлом темный и забытый человек, увидела частицу настоящего счастья. Случилось это тогда, когда наша семья вступила в колхоз, а мама стала посещать ликбез, научилась расписываться и читать печатный текст. Работала она в колхозе пекарем. Была ударницей труда. Вырастила шестерых детей. Всем им дала образование. И поняла она, что и для нее настал век счастья и радости на земле.

Над моей северной землей, над берегами таежной Юконды теперь еще ярче стало светить Солнце Счастья, зажженное Ве-

ликой Октябрьской революцией и разгоревшееся с еще большей силой в послевоенные годы и особенно после XXII партийного съезда, который утвердил новую Программу Коммунистической партии Советского Союза.

Куда бы ни бросила я свой взгляд в своем родном Кондинском крае, всюду вижу огромные преобразования, вижу новую жизнь, вижу светлые лица людей, лучше, чем слова, рассказывающие о счастье моего народа.

Там, где когда-то в таежной глуши, по берегам речек и озер, на окруженных со всех сторон водой островках ютились одинокие юрты и маленькие дымные паулы рыбаков и охотников, теперь выросли новые поселки объединенных колхозов, совхозов и лесопромышленных предприятий со школами, клубами, больницами, магазинами, столовыми, банями и электростанциями, с радио и телефонной связью, с улицами, вытянувшимися на километр и более, со множеством одноэтажных и двухэтажных жилых домов, с населением, исчисляющимся сотнями и тысячами человек. И географическая карта красавицы Концы обогатилась наименованиями новых поселков-городков: Луговая, Половинка, Урай, Назарово, Три-Конды, Ново-Кондинск. А старые Нахрачи стали называться Кондинском.

На месте мелких разьединенных колхозов со слабой экономической основой рыболовного и охотничьего промыслов, сбором орехов и ягод организовались мощные колхозы совхозы, и они успешно развивают новые отрасли сельскохозяйственного производства – животноводство, клеточное звероводство, а в южных районах выращивают зерновые культуры: рожь, пшеницу и кукурузу.

Раньше рыбак и охотник только брал от природы ее богатства и ничего не возвращал ей взамен. Теперь же колхозы и совхозы сами занимаются разведением пушных зверей: чернобурых и серебристых лисиц, голубых песцов, а естественные запасы диких пушных зверей ежегодно пополняются ондатрой, норкой и высокосортным баргузинским соболем.

Раньше манси почти не потребляли овощей, молока, животных жиров, часто болели цингой. Теперь колхозы и совхозы

в изобилии производят все эти продукты, обеспечивают ими не только себя, но и население северных районов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов.

Веками дремавшая тайга родного края наполнилась новыми звуками: свистом электропил, гулом моторов, гудками паровозов на узкоколейных железных дорогах, шумом и скрежетом тракторов, подъемных кранов, бульдозеров и экскаваторов.

Могучую технику дала Родина моему народу, и он повеял ее в наступление на тайгу.

И тайга, отступая перед человеком, бросает к его ногам миллионы кубометров первосортной древесины, плывущей по темноводной Конце, на великие стройки коммунизма.

А когда к устью реки Аха ляжет железнодорожная магистраль Тавда-Сотники, сооружение которой в ближайшее время будет закончено, тогда промышленное освоение лесных богатств Кондинского края приобретет еще больший размах, и Конда в недалеком будущем станет одним из крупнейших центров лесозаготовительной и лесообрабатывающей промышленности в Севера-Западной Сибири. А как сократятся расстояния, отделяющие мой родной Кондинский край от промышленных и культурных центров страны! Мощные тепловозы по стальным рельсам помчат тысячи людей к Свердловску, а оттуда в любую точку моей необъятной Родины.

Открытиями величайшего значения для расцвета экономики Кондинского края ознаменовались годы послевоенных пятилеток. В недрах девственной тайги найдены громадные нефтегазоносные площади – тысячелетиями хранившие молчание подземные кладовые с неисчислимым запасом нефти и газа.

В верховьях Конды – в Шаиме и Мулымье – вздымаются вверх буровые вышки, а газ и нефть, как загнанный в клетку зверь, рвется в скважины. И недалеко то время, когда по запаянным трубопроводам на тысячи километров потечет нефть и газ моей северной земли, чтобы, подобно свежей крови, влить новые силы в тело Родины, чтобы дать больше пищи, света, тепла и одежды советским людям, строящим великое здание Коммунизма.

Как белокрылые лебеди плывут красавцы-теплоходы по Оби, Иртышу, Конде и Сосьве; стремительно обгоняют их сверхскоростные надводные «ракеты», словно Оперенные стрелы, несущиеся к устью Оби и обратно; быстроходные речные трамваи и катера бороздят мелководные речки и озера, по которым когда-то манси плавали только на лодках, рас-trачивая силы свои и время на преодоление встречного течения и бурно ревуших завалов... А в небе! Быстрее острокры-лых ястребов летают «крылатые лодки» – самолеты, стреко-чущие вертолеты – новые птицы моего родного края, и их го-лоса слились с напевом родных мансийских песен и вошли в жизнь моего народа, как мечта сказки о свершившемся сча-стье.

Как время в своем полете не имеет границ, так же безгранична и мечта человека в его стремлении к счастью. И в этом бесконечном движении к счастью мой маленький мансийский народ видит свой завтрашний день не только на земле, но и за ее пределами, в мире звезд и небесных планет. И он, как любящий сын своей матери-Родины, с восхищением устремляет свой взор в небо, в космические дали с немеркнущими звездочками счастья, запущенными с Земли руками советских людей. И как все люди доброй воли, он рукопле-щет нашим героям космоса – звездным братьям: Юрию Гагарину, Герману Титову, Андриану Николаеву и Павлу Поповичу, которые открыли новый век в жизни человечества – век космических полетов. И не один, а много, очень много мансийских юношей и девушек вынашивают в своих сердцах мечту полететь еще дальше – к Луне, Марсу, Венере, зажечь в космических далях новые звездочки коммунизма и прославить свою Родину выдающимися подвигами первооткрывателей неизведанных таинственных миров.

В языке моего народа слово «мир» имеет значение «народ».

Какое замечательное совпадение!

Сам народ называет себя тем словом, которое является самым дорогим, самым близким, самым волнующим для всех честных людей земли, которые страстно любят мир и глубоко ненавидят войну.

Мир на земле – это счастье для всех людей, для всех народов и самое большое счастье для моего маленького мансийского

народа, который в прошлом испытывал на себе невыносимый гнет царизма и теперь ясно осознал, какой величайший подвиг совершили Ленин, Коммунистическая партия, снявшие с его ног оковы колониального и капиталистического гнета.

Вот почему слово «мир» так дорого каждому манси. Вот почему мой мансийский народ так предан миру и высоко подымает голос протеста против поджигателей новой мировой войны, против империализма и колониализма. Вот почему мы все свои силы отдаем благородному делу – торжеству мира над силами войны, торжеству коммунизма.

И, выражая непоколебимую волю мансийского народа к миру, я, как и мой народ, верю в светлое будущее человечества и заявляю в один голос с поэтами моего родного края:

«Чтоб от атомных взрывов земле не гореть,
Чтобы не было в мире другой Хиросимы,
Поджигателям скажем сурово: «Не сметь!»
Мы в стремлении к миру неодолимы».

(Ю. Соловьев. «Наш голос»)

Тысячи километров отделяют меня от берегов бурно текущей Юконды, где провела я годы своего детства и юности. Но невидимые нити крепко связывают меня с моим родным мансийским народом.

Эти нити идут от моего сердца к сердцам моих дорогих учеников и дальше – к сердцам маленьких мансийцев, которых учат и воспитывают мои бывшие ученики.

Я счастлива, когда мой голос воодушевляет их на радостный труд, и они беззаветно отдают свои силы на воспитание достойной смены строителей коммунистического общества.

Пристально смотрю я на восток и вижу, как берега моей дорогой Юконды озаряют золотые зарницы – золотые зарницы коммунизма.

Пусть эти зарницы разгораются все ярче и ярче. Мы теперь хозяйева своей судьбы, сами своими руками строим ее.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН НИКОЛАЕВИЧ

Тайна сорни-най

Сергей шел по заброшенной, еле заметной охотничьей тропе. Снег похрустывал под лыжами. Ветви деревьев сверкали под лучами низкого зимнего солнца. Смоляной пастой кедрового бора пьянил. Впереди бежала Музгарка. Хвост у ней калачом, уши наострены. Из ветвей курчавого кедра вылетела ронжа⁴ и затрещала на весь лес. Музгарка остановилась, прислушалась, но лаять не стала. Знает, умница, цену этой птице.

Выпорхнул из ельника рябчик, осыпав с ветвей радужный бисер. Музгарка радостно взвизгнула, но остановилась, поглядев на хозяина.

«Птицы растревожили душу собаки, – отметил Сергей. – Давно не ходили на охоту. Соскучилась, бедная».

Похрустывал снег под лыжами. Шагать бы вот так и смотреть на деревья, нарядившиеся в причудливые кружева снега, и слушать тишину леса, и говор таежной речки на перекате, и задорный лай собаки, идущей по следу медведя. Дышалось легко и свободно, и, казалось, ничто не мешало Сергею думать. На охоте всегда хорошо думалось. А подумать ему было о чём. На свете прожито тридцать семь лет. Может, половина, а может, и большая часть жизни уже позади. Кажется, многое должен знать, понимать. Правильно оценивать. И тем по менее каждый день ставит все новые и новые задачи. Большие и маленькие. И надо их решать. И не кому-то, а самому.

На днях Сергея пригласил начальник управления «Юграгаз: Спиридонов. В кабинете, большом и светлом, непрерывно звонили телефоны. Спиридонов то брал трубку чёрного телефона и говорил с кем-то о неполадках в водоснабжении посёлка, то, не торопясь, тянулся к белому телефону и, выслушав, спокойно и просто объяснял кому-то важность быстрой сдачи в эксплуатацию бани.

⁴ Ронжа – кедровка.

И ни слова о газе. Точно это не управление крупного газопромышленного хозяйства, а небольшое учреждение, которое занимается лишь бытовыми и житейскими делами.

Сергею редко приходилось встречаться со Спиридоновым. У рабочего человека свои дела и масштабы, у начальника, разумеется, дела и масштабы другие. Правда, несколько раз Сергей обращался к нему как депутат областного Совета, куда избрали его два года назад. Но то были деловые, очень короткие встречи. Сегодня Спиридонов вёл себя иначе, даже не как начальник, а как старший товарищ, требующий совета.

– У нас тут возникла одна идея... Своего рода эксперимент. Не попробовать ли нам на новом хантыйском промысле так укомплектовать кадры, чтобы большая часть их состояла из людей местных? Скоро будет новый выпуск ПТУ. Там учатся ребята ханты, манси, ненцы. Это – будущие операторы, слесари... Конечно, пошлём туда и опытных людей... Как вы считаете, возможно это или нет?!

– Почему же невозможно, – почти машинально сказал Сергей.

– В таком случае ещё один вопрос. Кому-то надо поехать туда и возглавлять этот важный участок... В общем, заведующий промыслом нужен. Мы тут посоветовались и решили предложить эту должность вам. Как вы смотрите?

Всё что угодно ожидал Сергей, но только не этого. Он засмущался, как мальчишка. Спиридонов успокоил его:

– Не торопитесь. Подумайте. С семьёй посоветуйтесь. Только имейте в виду: рано или поздно с газом и нефтью, со всеми богатствами этой земли, придётся работать вам, кореным жителям...

В это время зазвонил телефон. Густые чёрные брови Спиридонова нахмурились, на добродушном лице появилась озабоченность.

– Сейчас приеду! – сказал он в телефонную трубку, вставая из-за стола.

– Когда все обмозгуете – приходите, – сказал он Сергею на прощанье и крепко пожал руку.

В коридоре управления Сергей встретил Веньку, давнего своего приятеля. Он куда-то несся с какими-то бумагами, но, увидев Сергея, остановился.

– Слышал, друг, слышал, – весело похлопал по плечу. – Тебя того! На повышение! Оно, конечно, почёт большой, деньги. Но ведь на Север предлагают, не на юг...

А дома?.. Сказал – и столько упреков пришлось выслушать от жены, что даже растерялся.

– Хватит, – всхлипывала жена. – Никуда больше не поеду. Только устроились, только получили квартиру! А там опять жить в вагончиках, толкаться в очередях. Проклятая, я, что ли? Да о детях хотя бы подумал. Здесь музыкальная школа... Тебе что, славы захотелось?..

На следующий день Сергей утвердительного ответа начальнику не дал, а попросился в отпуск, лелея где-то в подсознании надежду: если па берегу «священной речки» предков не созреет решение, то, во всяком случае, он успокоится. К тому же ему давно очень хотелось на зимнюю охоту.

И вот теперь он шел по лесу и думал: «Повышение в должности. Раньше бы радовался. А теперь... Остаться на обжитом месте или ехать осваивать новый промысел? Быть оператором компрессорной станции или самим заведующим промысла? Говорят, высокие стремленья – удел молодости. Но ведь и теперь... Разве жизнь потеряла интерес? Может, только сейчас и настает время разгадывать настоящие загадки? Жизнь... Почему она так устроена?»

Медведь выскочил из белой чашобы и – замер. Его желтовато-черные глаза смотрели напряженно-пристально. Сергей как будто окаменел. Он не замечал надрывного визга собаки, не ощущал дремавшее в руках ружьё. Но вот медведь шевельнулся, взревел – и Сергей, очнувшись, вскинул ружье. Когда пороховой дым рассеялся, поляна по-прежнему сверкала в лучах скупого зимнего солнца. Медведя словно и не было. Но удалявшийся лай Музгарки говорил о том, что все было наяву, и тотчас в сознании промелькнуло: «Раненый медведь... опасен».

И рука потянулась к патронташу за новым патроном.

Медвежий след уходил в густой валежник, туда, где светлая гарь переходила в дремучий урман⁵. Деревья там стояли плотно, будто взявшись за руки. Казалось, эти великаны не пустят никого в свою глухую чашу, где живут вековые лесные тайны.

Отец Сергея был лесным человеком. Он соблюдал законы и поверья тайги, как дед и прадед, и как все старые манси, считал медведя своим лесным собратом, потому и назвал его просто – Вортолнут – «В лесу живущий». Он старался не вступать с ним в поединки и ненужные ссоры. Для него медведь был не зверь. Но он хорошо знал, что если обидеть медведя, то в нем проснется звериное...

Сергею с раннего детства запомнился «медвежий праздник»⁶ в глухой таежной деревеньке, куда его мать возила в гости.

В большом доме народу было так много, как в лесу деревьев. Люди сидели на скамейках, расставленных вдоль стены, и на деревянной кровати, на шкурах и циновках, постеленных на пол. В дальнем углу стоял «священный стол». На красной скатерти, среди дорогого сукна и шёлка сидела «Медвежья голова». В ушах серьги с драгоценными камнями, на груди – бисер, на голове разноцветные ленты... Перед чёрной «Медвежьей головой» – бутылка спирта и рюмка, старинная, позолоченная, искрилась в тусклом свете керосиновых ламп.

С одной стороны стола сидел охотник, «приведший» Лесного духа на человеческий праздник. С другой стороны – шаман с санквалтапом⁷ в руках. Тронет струну – люди пляшут, поют. Молвит слово парни и девчата, старики и женщины замолкают, вслушиваются в сказания волшебной старины.

В дом входит охотник, с головы до ног обвешанный мехами лисиц, соболей, горностаев. Становится посреди дома и под звуки санквалтапа начинает петь:

На седьмом небе растят Медведя – Нуми-Торума сына,
В светлом доме лелеют Медведя – духа лесного.
В изголовье подушки высокие кладёт он, –

⁵ Урман – возвышенное место с высоким хвойным лесом.

⁶ «Медвежий праздник» – ритуальное игрище охотников по случаю охоты на медведя.

⁷ Санквалтап – пятиструнный музыкальный инструмент.

Они ему кажутся ниже, чем палые листья.
В изголовье подушки низкие кладёт он, –
Они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Это поёт Кастан-хум, ведущий медвежьего праздника. Семь ночей и дней он поёт историю Медведя. Семь ночей и семь дней Серёжа смотрел, слушал, а иногда плясал вместе с другими ребятами перед священной «Медвежьей головой». Ему казалось тогда, что люди, боги, звери – все вместе собрались в этом доме, чтобы играть в одну и ту же игру – жизнь. Всё было просто, и не нужно было искать ответа на сложные жизненные вопросы.

И сейчас, глядя на медвежий след, петлявший в густом валяльнике, Сергей почувствовал, что угасшие, казалось бы, в его душе таёжные легенды предков вновь оживают. И оживают, обогашённые новым временем. Он вспомнил одну из них...

Лежит Медведь под корнем кедра. Лежит, потягивая то одну лапу, то другую. Хочет встать – падает. Больно бокам – земля твёрдая. Лежит спокойно – земля даже мягкой кажется. Глаза закрываются. И жизнь опять сливается со сказкой. А в сказке та же самая жизнь. Те же радости и болезни, сомнения и думы.

Вдруг Медведь слышит: что-то треснуло. Открыл глаза. Рядом Росомаха. Скалит зубы. Облизывается.

– Ты меня хочешь съесть?! – простонал Медведь.

– Такого чёрного, тощего, вонючего?! – брезгливо фыркнула Росомаха. – Да я лучше буду голодна.

– А что ты со мной собираешься делать?

– Гм!словно ребёночек! Всё умею делать! Всё!

– Даже можешь сказать, почему я стал таким?

– Могу. Ведь когда-то я была Богиней. Теперь простая лесная шаманка.

– Пошамань, пожалуйста! Узнай, почему я стал таким.

– Раз так просишь... ладно уж. Покамлаю.

Повернувшись в сторону самого высокого дерева, Росомаха трижды поклонилась, потом отвесила ещё четыре поклона на четыре стороны света. Затем, подняв глаза к небу и наострив уши, что-то забормотала. То ли шумел ветер, то ли она обща-

лась с богом на высоком языке, но сначала ничего нельзя было разобрать. Но вот сквозь высокое и божественное постепенно услышал Медведь обрывки земного, понятного...

Э-ке-лэ-лу-лу! Э-ке-лэ-лу-лу!
Небо. Земля. Вселенная. Мир.
Звери, как люди, по лесу гуляют.
Люди, как звери, в шкуры одеты.
Квакает лягушка. Мамонт песни поет.
Ворона каркает на черном дереве.
Черное дерево падает от белой вьюги.
Умирает вьюга под лаской солнца.
Родятся струи, ручьи, реки.
Пробиваются травы из-под льда
Листочки трепещут, расправляя бледно-зеленые крылья.
Самцы на полянах токуют, поют, галдят,
стараясь перепеть, перекричать друг друга.
Самки вертят хвостами,
красуясь разноцветным своим опереньем.
То длиннохвостые самки в моде,
то из-за короткохвостых идут друг на друга.
Зверь точит зубы, тренирует лапы,
растит мускулы, вертит хвостом.
Человек вооружается.
Вооружается ножом, топором, стрелой, копьем,
мечом, ружьем, ракетой, бомбой.
Бронзовый щит. Каменный меч.
Железный занавес. Свободный мир.
Пластмассовые птицы. Космическая эра.
Человек крылат, могуч, велик.
Зверь за решеткой,
в раю зоопарка пытается родить зверенышей.
Решетка железная. Век атомный.
А самки по-прежнему вертят хвостами.
И снова бой.
На фестивалях, рингах, олимпиадах.
На земле и в небе, на льду и под водой.

Шайбу! Шайбу! Шайбу!
Богиня танца, Королева красоты, Мисс Вселенная.
Шахматист, боксер, мудрый дельфин, говорящая обезьяна.
Корабли плывут, летят.
Летят к Луне, Марсу, Венере.
Человек крылат, могуч, велик.
Вечное земное притяжение.
Ностальгия.
Запах Родины.
Язык матери.
Сказки дедов.
Призраки предков.
Призраки белые, черные, красные, желтые.
Кичатся призраки своим происхождением,
крича в газетах, по радио, в телевизор
о своих белых, черных, желтых достоинствах.
Зреет битва не на жизнь, а на смерть.
Прозревают боги.
Белые, черные, желтые боги
в своих кабинетах-святилищах,
обставленных модерн-мебелью,
предлагают свои модерн-о спасения мира.
Мир кружится в бешеной пляске.
Кружатся спутники, спортсмены, газеты.
Газеты ревут о рекордах, нефти, машинах.
Лошадь дичает, живым ископаемым бродя по степи.
Машины прожорливые жаждут нефти.
К черным и белым континентам тянутся жирные
щупальца нефтепроводов.
Чёрный труд, белый отдых.
Города, дворцы, стадионы, виллы, яхты, нейлон, холодильник,
золото, доллар, валютный кризис, водка, опиум,
сигареты, нагие женщины, рыжие бороды,
лохматые шкуры. Снова шкуры, шкуры, шкуры.
Люди, как звери.
Звери, как люди...
Бах! Бух! Трам! Тарарах!

Вниз! Вверх! Вверх! Вниз!
Кружится! Кружится! Кружится! Кружится!
– Э-ке-лэ-лу-лу! Э-ке-лэ-лу-лу!

Росомаха долго шаманила. Вспотела вся. Глаза покраснели.
– Так вот, дружище! – кончив петь-камлать, произнесла она. – Ты, конечно, ещё не дорос до высокого божественного слога. И мало что понял. Я попытаюсь теперь объяснить простыми словами: ты нарушил заветы и наставления жизни. Ты глумился над человеком... Потому и потерял свой облик. Хочешь, перечислю все твои грехи? Но сначала уплати за камлание...

2

Сергей как сейчас помнил то далёкое утро. Проснулся поздно. Лучи солнца струились в паутиных сетях запылённого окна, в приоткрытой щели двери. В день большого солнца оно будет долго-долго гулять по синему небу, рассыпая щедрые лучи знойной и томительной улыбкой. А ночью склонит золотую голову на грудь камня-Урала, вздремнёт синичьим сном и снова поплывёт по голубому июньскому небу. Этот день для Сергея всегда особенный.

– В день большого солнца я нашла тебя! – говорила мать. – В день большого солнца тебя ждут большие думы. В день большого солнца тебе приснится твоя судьба. Быть ли тебе охотником удачливым или рыбаком, быть ли тебе женатым и с детьми или стоять на ветру одиноким кедром...

Никакие сны в эту ночь ему не снились. Не думал он и о судьбе. Только статья, которая печаталась с продолжением в местной газете, уводила в свой сказочный мир. Называлась она: «Тайна Золотой бабы». Под большими буквами заглавия был ещё и подзаголовок: «По следам удивительной загадки».

Снова и снова перечитывал Сергей загадочные строки:

«...1936 год. Манси Данила Сургучёв предложил приёмщику рыбы Антону Кадулину заглянуть в «шаманский амбарчик». Он сказал, что старики привезли самого сильного «золотого идола». Но старик ошибся. В «шаманском амбарчике» оказались «подарки» главному «золотому богу». Данила рассказывал Ан-

тону о шаманах «Золотой бабы». Тот заинтересовался и стал расспрашивать однофамильца Данилы – Григория Сургучева. Люди шептались, будто бы он – один из главных хранителей «Золотой бабы». Но Григорий твердо сказал, что «Золотая баба» спрятана на островке среди гиблых топей. И никому не отыскать туда дороги...»

– Не отыскать дороги! Не найти им нашей Сорни-най! – сказал резко старик Илья-Аки, когда Сергей ему прочитал статью.

Илья-Аки жил в старом, заброшенном пауле⁸ в двух километрах от нового селения, построенного колхозом. Он наотрез отказался расставаться с землей предков. Его паул тонул в лесу, и только одна река, тихая, как задушевная песня, ласкала взгляд и звала прогуляться. Берега ее, заросшие девственным лесом, в своей дремучей тишине хранили, казалось, какую-то важную тайну старины.

Его юрта стояла у старого засохшего кедра, утопая в кустах черемухи и ивы. Недалеко от юрты – амбарчик на двух столбах. Он стоял над седыми мхами под сенью сосен и, поднявшись над землей, недосягаемый для мышей, росомех и медведей, точно прислушивался к вечному шуму леса. Если пройти по узенькой, едва заметной тропинке, то можно увидеть еще такой же амбарчик, а за ним покосившуюся юрту, в которой уже никто не живет. Но громадная морда⁹, брошенные олени санки, обросшие уже пыреем, конусообразный дровяник, возвышающийся среди кустов смородины, говорят о том, что здесь когда-то кипела жизнь.

И с этой жизнью Илья-Аки не хотел расставаться.

Он был какой-то странный: то исчезал на месяцы, то появлялся в деревне. То молчал как рыба, то, наоборот, становился болтливым, навязчивым. Колхозники не обращали на него внимания. Они строили дома, ловили рыбу, ходили на охоту за сободем. В последнее время старик зачистил в избу-читальню. Он часами слушал хрипловатый голос радиоприемника, просил перевести на мансийский язык содержание статей в газете. По-

⁸ Паул – деревня.

⁹ Морда – рыболовная снасть, сплетённая из корней.

том рассуждал. У него обо всем было свое слово. А в один из таких дней он вдруг заговорил «шаманским языком»:

О, Сорни-най!
Полуночная священная богиня,
Полуденная солнечная героиня,
Ты снишься им.
Это хорошо!
Ты не даешь им покоя.
Чего же желать лучшего?..

Все, кто был в это время в избе-читальне, смеялись над чудачеством старика. Все знали, что Илья-Аки никакой не шаман. Но с чего это он так заговорил? Давно нет шаманов в краю манси. А он поет какую-то непонятную молитву:

Золотая наша мать,
Ты не знаешь, что ты золотая.
Если кто будет ползать перед тобой –
Не привыкай. Не верь!
Любовь наша к тебе не на золоте держится.
Сердце есть у нас.
Сердце жене сияет.
Его не видно...
Золотая наша мать, ты не знаешь,
Что ты золотая.
И своим незнанием
Ты охраняешь себя и нас...
Священная наша богиня,
Мы тоже не знаем, где твои золотые сокровища,
Мы молимся лишь душе твоей золотой...
Своим неведением и мы
Спасаем свою душу...

Сорни-най... Это слово Сергей слышал почти каждый день. Его часто произносила мать. Уронит ли что-нибудь, оступится ли, обязательно вздохнет: «Сорни-най!» Это, наверное, как русское «О боже!», которое не сходит с уст деревенских старух. Но разве Сорни-най и «Золотая баба» одно и то же? Откуда это

взял старик? В газете об этом даже намека нет. А может, тот, кто пишет статьи о «Золотой бабе», не имеет представления о Сорни-най, и потому ищут ее не там, где на самом деле может она находиться? И почему «Золотая баба»?

Сорни – по-мансийски «золото». Най – «героиня». Сорни-най – «Золотая героиня». Может, просто придумали легенду о прекрасной женщине? Не мечта ли это о красоте и доброте? Но тогда почему манси веками так ревностно охраняли ее от постороннего взгляда? Пишут же газете:

«Старики Сургучевы скончались, и пока что никто не знает, кому передали они свое таинственное наследство. На безвестном островке, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная золотая женщина. Сколько поразительных событий, сколько страстей, сколько кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн! Вопросы, вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света? И почему так самоотверженно, так строго хранили ее люди? Где же взяли эти бесхитростные, радужные и добрые охотники и рыболовы столько упрямства и ловкости, чтобы из века в век сохранять свои святыни от жадных рук?»

«Может, и на самом деле в "Золотой бабе" таится что-то очень важное? Не заняться ли разгадкой этой тайны? – вот о чем подумал Сергей в то далекое утро. Он еще раз хотел перечитать статью, но в это время веселой гармоникой запел пароход. Как и все манси, Сергей с тех пор, как помнит себя, любил этот мелодичный голос. Пароход как счастье, приходит и уходит. Что привез он сегодня?»

Когда Сергей прибежал на берег Сосьвы, пароход уже отчаливал. Все жители деревни были здесь. Все они удивленными глазами глядели на людей в одинаковых зеленых спецовках, которые возились у громоздких вещей, сваленных на берег.

– Приехали. С тяжелым железом. Копаться, наверное, будут. Искать... Все равно не найдут ее, если она этого не захочет! – язвительно шепелявил Илья-Аки, искоса поглядывая чуть-чуть раскосыми глазами, поблѣкшими, как осеннее небо. Высокий, худощавый, он стоял в стороне от людей, как одинокий старый кедр. Кудрявые черные волосы с белым налетом се-

дины были сзади заплетены в коротенькие косички порыжевшим шерстяным шнурком.

Смугловатое, безусое лицо, затянутое сетью слабых морщинок, казалось, было бесстрастным. Он говорил, обращаясь к Сергею:

– Не в первый раз приезжают. Еще со сказочных времен они ищут в нашей земле сокровища. В легендах туманится то время...

Сергей молча слушал старика и вновь припоминал строки из газеты, где говорилось о скандинавских викингах, ходивших за сокровищами в страну «белого безмолвия».

«В 1023 году ватага викингов, которых вел знаменитый разбойник Туре-Хунд, или Торир-Собака, совершила поход в Биармию. Так в давние времена называли скандинавы обширную область, подступающую к устью Северной Двины. Здесь жили язычники – ханты и манси. Они поклонялись таинственной богине. Ее называли Юмала, или Йомала, Одна девушка полюбила Туре и показала ему дорогу к святыне. Перед изумленным викингом предстала статуя из золота необычайной красоты. Обнаженная прекрасная женщина с кроткой улыбкой держала в руках большую серебряную чашу. На шее богини сверкало драгоценное ожерелье.

Жадность охватила викинга. Ночью он сорвал с шеи золотой богини ожерелье. Хотел похитить и тяжелую статую. Но язычники отстояли свою святыню. Они укрыли ее в северных лесах...»

Сергей думал над строками газеты и над словами Илья-Аки: «На что он намекает? Неужели на то, что и сегодняшние приезжие вступили на эту землю, чтобы похитить её сокровища? Глупый старик сравнил геологов с разбойниками-викингами!..»

Сергей был уверен, что это геологи. Люди точно в такой же одежде несколько лет назад появились в Березове. Недалеко от интерната, на берегу реки они поставили тогда небольшое деревянное сооружение и стали «бурить землю». Около них всегда вертелись малыши, с любопытством расспрашивая их о загадочном занятии. Ведь отцы таёжных ребяташек никогда не за-

нимались таким «чудным делом. Ходить вот за зверем – дело, достойное мужчин! А зачем копать в земле? Детям, несмышленишкам, ещё простительно: они хоть строят сказочные чумы из сырого песка и глины. Ну а взрослым людям – зачем заниматься такими глупостями? И что найдешь в холодной и грязной земле?.. Уж не ищут ли они «старину»?

Интересовался «странными людьми» и Сергей. Только не так, как малыши и старухи. Он поглядывал на них издали, чтобы не привлекать внимания. Хотелось и ему подойти, потрогать их чудную машину, сверлящую землю. Хотелось поговорить с геологами. Но какая-то предательская скованность, стеснительность, как цепями, держала его всегда на расстоянии от этих загадочных интересных людей.

И вот снова геологи появились в его деревне.

«Что они будут здесь делать? – думал Сергей. – Опять бурить на берегу реки? А может, в тайгу пойдут?..»

«А что, если пойти с ними?!» – вдруг осенила его мысль. Работать, а в свободное время искать ту самую золотую богиню. Она где-то здесь, в тайге. А в институт он поступит потом, когда откроет тайну Сорни-най.

Стать историком – была мечта Сергея. Жизнь шла ему навстречу. Ему предложили учиться в Ленинграде. Но желание совершить открытие уже завладело всей его душой, и оно неотступно напоминало о себе.

В детстве и ранней юности кедровый урман всегда навевал на Сергея какое-то волшебное состояние. Ему чудилось, что он в жилище лесной богини Миснэ. Над головой – высокий шатер. Раскидистые ветви с густой сизо-зеленой хвоей закрывают небо. Но деревья, как благородные великаны, стоят на почтительном расстоянии друг от друга. Кедровники лишь издали кажутся непроходимой чащей. Под ветвистыми кронами – просторный шатер, где гуляет ветер, как добрый носитель свежести. Здесь нет сырости и удушливости кондовых смешанных лесов с непроходимыми чащами и завалами.

Кажется, по кедровому бору прошлась лесная хозяйка и прибрала все кругом в ожидании желанного и дорогого гостя. Миснэ – богиня ожидания. Она вечно ждет. Ждет своего един-

ственного и желанного. Кто ей приглянется – того околдует своими чарами, заворочит так, что он становится невидимым среди обыкновенных людей. Ему она дарит свою любовь и все сокровища леса. Но взамен она требует внимания только к себе, запрещая всякое общение с людьми.

Не о таком счастье мечтал Сергей, но для него Миснэ была почти реальностью еще с самой колыбели, еще с первых свиданий с этим таинственным и волшебным лесом. Однажды ему показалось, что она рядом. Это случилось в то лето, когда появились в деревне геологи.

На краю деревни, на песчаном берегу, где обычно вились дымки рыбацких чумов, теперь красовались зеленые палатки. По вечерам здесь так же, как и у рыбаков, приезжавших каждое лето на промысел с верховьев Сосьвы, горели костры. Но песни были совсем другие. Звенела гитара, а не пятиструнный мансийский санквалтап. О чем-то таинственном, зовущем вдаль говорила она. Сергею порой казалось, что поют для него. По вечерам он любил гулять в прибрежном сосняке, вслушиваясь в новую мелодию Севера. Но подойти, присесть рядом, запеть вместе с ними он не мог. Какая-то тайная сила удерживала его. Рядом с ними он робел, замолкал. Может, потому, что там была девушка?

За местом притонения невода геологи построили сооружение, загадочное для манси. Вытащат рыбаки невод, порадуются плеску рыбы в мотне, уложат серебряную сосвинскую сельдь в бочку со льдом и не спеша идут к странным людям, которые зачем-то вгоняют в землю железную трубу.

Смотрят удивленно, качают головами.

– И что может быть на пустынном берегу, где рыскают собаки! – воскликнет кто-то из них.

И собаки поглядывают сытыми глазами на странных людей. Они тоже ничего не понимают. В земле живет горноста́й – знают это собаки. Только летом у горноста́я плохая шкурка – знают это собаки. Зачем тогда летом копать в земле – не понимают собаки. Летом без горноста́я хорошо: рыбу ловят хозяева, – точно знают это собаки.

Летом люди становятся рыбаками, до усталости возятся у воды. Собаки по сухому бережку прохаживаются, трясут красными языками, добычу ждут. Хорошо летом собакам: ходить на охоту не надо.

Вечером, когда большое летнее солнце уходило за деревья, а рыбаки, повесив невод, расходились по домам, жизнь на берегу не замирала, как раньше. Там играл огонь костра, плясали его языки под мелодичный звон гитары.

Сорни-най – так зовут огонь манси. Золотой богиней величают. Кому же поклонялись древние? «Золотой бабе», запрятанной в лесу, или золотому огню? А может, просто девушке, такой же золотоволосой, как та, что сидит у этого костра?

Ее звали Светланой. Сергею хотелось быть на месте этого веселого гитариста. Сидеть рядом с ней. Смотреть в ее глаза...

Но его отделяли от нее не только тридцать шагов и колючие ветви сосен, за которыми он притаился, наблюдая сказочную, почти недоступную ему жизнь...

Разве нет у манси красивых девушек? И сказки о волшебных лесных женщинах – Миснэ – разве хуже?

Миснэ... Сказочная женщина. Живет она в дремучем лесу. Невидимкой приходит в деревню, где живут рыбаки и охотники. Не всякому юноше она заглянет в душу, навеет мечты о любви. Но кого она посетит – у того сердце проснется. И он увидит дверь в счастливую жизнь... И Сергею может улыбнуться такое же счастье. Ведь тайга – рядом с домом. И сказки еще живут. И мансийские дедушки нет-нет да улыбнутся лукавыми глазами. Все сказочно и возможно...

Однажды он увидел ее почти нагой, в одном купальнике. Она бежала по узкой песчаной косе, рассыпая брызги. Даже в вечернем сумраке золотились ее волосы и светилось белое тело. Высокая грудь, тонкая талия, стройные красивые ноги. Летели брызги, летела она, хохоча и визжа. Следом за ней – незнакомый бородач. Они носились как шальные по песчаной косе, брызгаясь водой, кидаясь мокрым песком, осыпая друг друга непонятно-веселыми словами. Потом она бросилась в струи темноводной Сосьвы и поплыла, словно большая рыба.

Глядя на это, Сергей словно онемел. В краю манси девушки другие. И они любят нежную летнюю воду, и они любят плавать веселыми рыбами. Да только не на глазах у всей деревни, а где-нибудь в сторонке, подальше от любопытных.

В кино Сергей видел цветные южные пляжи. Там женщины и мужчины, как жирные гуси, сбросившие перья лежат на песке. Странно. Но все же понятно. Юг. Море... А здесь, на берегу таёжной Сосьвы, где жужжат комары, Сергею это показалось диким. «Никакая она не богиня!» – подумал он, охваченный каким-то неясным чувством. И побежал прочь от берега. Сосновые ветки хлестали по лицу, трещал сухостой под ногами, звенело вечернее небо в ушах.

Однажды утром Сергей ехал с ночной рыбалки. Калданка его двигалась по спокойной глади реки еле-еле. Она была полна рыбы. Золотые язи сияли под лучами большого утреннего солнца. Серебряной чешуей сверкали сырки, мясистые муксуны и даже нельма. Улов оказался на редкость удачным. Всю короткую летнюю ночь Сергей слышал трепетный треск воды и выбирал рыбу из сетей. Был он словно в каком-то богатом сказочном мире. В белом сумраке июльской ночи плескались рыбы. Они без усталости шли в его сети. Он их выбирал, и казалось, нет им конца. «Все же, наверное, хорошая примета, когда к человеку идет рыба, – подумал он. – Не всякая черная мелочь вроде ершей, окуней, чебаков, а рыба настоящая, белая!...»

Довольный уловом, он не спеша то поднимал, то опускал в воду весло. Весло у него было голубое, разрисованное узорами. И легкую лодочку-калданку он сам разукрасил цветным мансийским орнаментом. Теперь она, полная рыбы, тяжело плыла по течению. Разморенный и усталый, пригретый утренним солнцем, он задремал. Волшебный мир опять плыл перед ним, как в сказке, которую он слышал от старика Ильли.

В спокойной заводи, расчесывая золотые волосы, сидела Она. Нет! Не Светлана, а сказочная Миснэ. Не таежная богиня, а Водяная Миснэ. Увидев его, она нырнула в воду. Лишь волосы ее колышутся да гребень плавает. Чего они все убегают от меня? – думает Сергей. – Страшный я такой, что ли?» Наклонился к воде, взял гребень и в карман положил. Сделал все так, так в

той сказке. Вдруг почувствовал, что лодка стала еще тяжелее. Оглянулся назад: на корме сидит девушка удивительной красоты. Это сама водяная царевна. Платье ее переливалось золотистыми чешуями язей. Косы ее сверкали серебряными струями. Глаза ее туманились вечерними озерами. Вся она сияла, как вода на солнце. «Сама водяная царевна захотела плыть с человеком в одной лодке – в одну жизнь. Хорошо или плохо это? – думал во сне Сергей. – К счастью или к горю это? И смогу ли я быть достойным ее?»

Водяная Миснэ, спокойная и ясная, как плес, сидела на корме калданки и улыбалась ему загадочной улыбкой. Она не походила на Светлану. Она казалась близкой и доступной, как рыба, вода, тайга...

От легкого толчка калданки о дерево, которое торчало из воды, Сергей проснулся. Кружились струи, сияло солнце, и совсем недалеко виднелась деревня. Там девушка с коромыслом на плечах несла ведра с водой. Недалеко от берега дымилась баня. «Кто в такую рань растопляет баню?» – подумал почему-то Сергей.

Но это была реальная жизнь, со всеми странностями и непонятностями. И в лодке лежали настоящие рыбы. Не было только той сказочной Миснэ, которая приснилась Сергею...

Не решался Сергей заговорить с геологами, ждал, когда они начнут собираться в тайгу. Но геологи не спешили. И решимость Сергея становилась все зыбче, и всё реже приходил он на берег. Кончилось лето, и белые северные ночи сначала потускнели, потом словно оделись в чёрный бархат, стали темными, длинными. Наступило время сборов в школу. Старшеклассники скоро поедут в Берёзово. Снова уроки, книги, любимые учителя. Хорошо! Только мать почему-то не понимала этого. В прошлом году она не пускала его в школу.

– Сынок, тебе уже семнадцатый год, – говорила она со слезами в голосе. – Останься! Зачем сидеть с книгами? В твои годы отец приносил не только серебряную рыбу, но и золотой зверь не уходил от него. Как ты можешь не повторить дорогу отца? Зима придет. Снежок выпадет. Оживет тайга. Следы зверей заиграет. Весёлым собачьим лаем зазвенит. Ты не сможешь не

пойти на зов тайги. Я знаю. Глаза твои загорятся, как у твоего отца. Будет снег хрустеть. Будет зверь у ног. И у меня вновь помолодеет душа. Я буду провожать тебя на заре, как отца твоего. Не уходи к книгам, душа моя. Оживи душу. Повтори отца, ласка моя!..

Она говорила, будто молилась. В усталых глазах ее стояла та же мольба. Преждевременные глубокие морщины на ещё не старом лице, седоватые волосы в черной косе, казалось, просили о том же. Сергею было жаль ее. Она была одинока и больна. Отца он помнил плохо. Его увез белый пароход в белый туман. В белом тумане, как во сне, иногда возникал его образ. И тут же таял.

Но волчьи глаза Гитлера, которые он увидел в газете, сверкали как наяву. Они напоминали о зле и жестокости. Уничтожить его – вот было главное для всех, кто ушёл воевать. И для отца, и для других. Но с войны не все возвращаются. Не вернулся и отец. И мама плакала. Сергей помнит эти слезы. От них ему было душно. Но он не плакал. Крепился, как мужчина. Зато подолгу сидел тихо-тихо, забившись в темный угол. Он думал об отце, который пошел бить врагов.

А с мамой он ездил на рыбалку. Он видел, как ей было тяжело. Помогал. Все мальчишки помогали своим мамам добывать рыбу. Всем мамам было тяжело, поэтому Сергей не плакал. А вода холодная. А рыбачить надо. Даже босиком. Где взять обувь, если все для фронта? И мамы добывали рыбу. Даже самую золотую.

В усталых глазах матери стоит мольба: «Останься!» «Что же делать? – думал Сергей. – Может, пойти в счетоводы, как предлагает председатель колхоза? Или стать охотником, как хочет мама?».

Председатель колхоза, зная настроение матери, не раз уже предлагал Сергею стать колхозным счетоводом. Обещал отправить на курсы в окружную школу колхозных кадров, а потом и «теплый заработок». Задумывался Сергей об этом предложении. И каждый раз становилось ему как-то не по себе: женщины будут работать, а он – молодой и сильный – будет цифрами в теп-

лой конторе играть. Нет, предложение председателя колхоза его не прельстило.

«Лучше уж быть охотником! – думал он. – Только ведь засмеют ровесники. Скажут: учился, учился, а дальше охотника не пошел! И старики съязвят: «И зачем столько лет смотрел в книгу, если умные люди тебе не доверили ничего, кроме ружья?»»

«Мы, старые манси, – скажут они, – ружье и без книги умной держать умели... А ты?»»

Да и учителя обидятся. Начиная с первого класса, маленькому северянину говорили они о его высокой цели – получить высшее образование. И все ребята мечтали стать учеными, учителями, врачами...

Кто-то подумывал о профессии инженера. С малых лет всем прививалась мечта о сказочном Ленинграде, где в «чудесном чуме» – Институте народов Севера – дети неграмотных рыбаков и охотников становятся «большими людьми» своего таёжного народа. Мечта стать «большим человеком» жила в душе Сергея. Сам он хотел стать историком. Может быть, первым историком своего народа.

Но болезнь матери, грустные глаза, умоляющий голос...

В прошлом году он все-таки уехал учиться – надо было заканчивать десять классов, а в этом остался дома. Может быть, еще и потому остался, что надеялся уйти с геологами в тайгу. Не воспользовался льготной путевкой в Ленинград, в институт.

И дождался. Глубокой осенью в деревню приехала новая партия геологов. Но это были совсем другие. Они собирались идти в тайгу. Им очень был нужен рубщик. И Сергей наконец решился. Сам пришел.

– Орудовать топором умеешь? – спросил не то серьезно, не то в шутку старший. Сергей в ответ кивнул головой.

Почему он так, без раздумий, согласился? Может, потому что в той же конторе колхоза, куда вызвал его председатель, видел ее, Светлану? Может, он уловил на себе ее взгляд, загорелся надеждой, что там, в тайге, он будет ощущать на себе синий свет её глаз?

На следующее утро он с ними уже шагал по тайге. Но Светланы не было.

Не знал он ещё, что кроме полевых работ у геологов есть конторы, управления, лаборатории...

3

Сергей продолжал идти по следу...

Когтистым мужиком величали манси в старину медведя. И верно: на снегу – следы, будто человек пошёл босиком. Отчётливо видны отпечатки ступни и пальцев. Этого медведя, которого он ранил, видно, подняли из берлоги талые воды. Неожиданная оттепель с ливневым дождём растопила обильно выпавший снег. А может, люди потревожили?..

Где-то здесь, в густой чаще, в глубокой яме, под нависшими корнями опрокинутого дерева, была его берлога. Уж не к ней ли он идёт?

Впрочем, кто его знает. Разве угадаешь, как поведёт себя раненный хозяин тайги. И зачем он только выскочил на поляну? Но жалеть теперь было поздно – надо идти дальше по следу медведя. Это – закон охоты.

И вспомнилось Сергею история медведя. Она у него своя, такая же, как у соболя или у белки, человека или росوماхи. История длинная, как жизнь и сказка. Вот как рассказывал её Сергею Илья-Аки.

Не в тайге дремучей родился первый медведь, а на небе. Не в берлоге прошло его детство, а в доме небесного отца Торума. В углу каменного дома с золотой дверью, в мягком гнезде, устланном собольими, звериными мехами, пригрезились ему первые сны волшебной жизни. Звали его Сыном Неба.

Однажды Торум, собираясь на охоту (а бог, как настоящий манси, был охотником-соболятником), говорит сыну:

– Я пойду в тайгу к своим звериным ловушкам, а ты, сынок, не выходи за золотую дверь нашего дома! Ноги твои слабые, и руки не набрали ещё силу. Если услышишь за дверью шум – не обращай внимания. Суетливый шум – не для твоего божественного слуха.

Подпоясался Торум соболиным поясом и ушёл.

Лежит Сын Бога в своём гнезде – ноги-руки потягивает. Потянет ногу – смотрит, выросла, потянет руку – чувствует си-

лу. Идёт к двери, вслушивается. Где-то шумят, поют, смеются. Звонко поют, весело смеются. Сын Неба ударяет по железным замкам и, взломав ворота семи серебряных заборов, оказывается на шумной улице небесного селенья. Но в этот миг он вспоминает наставления отца. И сын Неба с грустью плетётся в своё мягкое гнездо.

Приходит Торум с дальней дороги. Сняв свой пушистый соболий пояс, замирает в своём кресле из мамонтовой кости.

Закипел уже котёл со звериным мясом, и чай из душистых трав уже дымится, а он, хмурый, сидит, не проронив ни звука.

– Отец мой! Почему ты молчишь, не молвишь даже слова? – спрашивает сын.

И Торум открывает двадцатизубый рот свой и говорит:

– Почему я молчу? Ты же не послушался меня, нарушил мои наставления. Поломал не только замки, но и ворота серебряных заборов. Я же просил тебя этого не делать.

И от стыда великого Сын Неба прячется в своём углу, зарывшись в мягкие шкуры...

На второй день, уходя на охоту, Торум опять поучает:

– Прошу, малыш, не ломай больше замков. Помни мои слова. Не ходи туда, где суета и шум. Сна тебе хорошего! До свидания!

Ушёл отец – скучно стало. Как ни мягка постель – лежать в ней вечно – мука, а не счастье. Встаёт Сын Неба, по дому прохаживается. Шевельнёт ногой – в ней сила резвится, шевельнёт рукой – в ней мощь играет.

Прислушивается у двери – оживают уши. Где-то опять поют, шумят, смеются. Звонко поют, весело смеются.

«Неужели есть где-то другая жизнь?» – задумывается он. И какая-то неведомая сила ведёт его через серебряные заборы и железные замки к этому шумному миру.

Глазами чёрными, как спелая смородина, видит: ребята играют.

Счастливый, не чуя ног, мчится к ним. Только те почему-то, увидев его, с визгом и плачем разбегаются. А побойчее из них говорят такие дерзкие слова:

– Какое чудело! А мы думали, что отец наш Торум за семью серебряными заборами, золотыми дверями нянчит порядочного сына. А оказывается, у него не руки, а лапы, в лапах не ногти, а когти, ноги кривые, косматые, зубы острые, как копыя, голова мохнатая, лицо волосатое... Смотреть страшно на такое чудело!..

И не только мальчишки разбегаются, увидев его, режут коровы, кони, как шальные, пускаются вскачь...

С удивлением смотрит на все это Сын Неба. Думает. Вдруг на память приходят наставления отца, и бежит он в сторону родного дома.

В одном месте под ногами что-то треснуло. Посмотрел: дыра. Взглянул и чуть-чуть не ослеп: там сияла земля синевато-зеленым сиянием.

«Вот бы мне в той красоте бродить-гулять!» – подумал с завистью он. Опечаленный, поплелся в каменный отцовский дом, со слезами бросился в свою мягкую постель из собольих и звериных шкур, а когда вернулся Торум, на его хмурость и негодование ответил так:

– Отец мой! Я, правда, поломал замки железные и золотую дверь. Но подумай сам: семь лет, семь зим я валяюсь в мягкой постели. Руки мои скучают без дела, ноги мои соскучились по дальней дороге. Уши мои слышат смех и веселье других. Я и пошел на этот шум жизни. Да только как увидели меня – с плачем, с ревом, с визгом разбежались не только ребяташки нашего небесного селенья, но и коровы рогатые, лошади с хвостами-метлами увидели мне что-то страшное, будто я какое-то пугало, а не божественное создание.

Посмотрел я тогда на свои руки, – правда, они не похожи на руки других, а какие-то шерстистые, когтистые лапы, и лицо мое не белое...

О, отец мой! Как я плакал. Раньше думал, что я такой же, как ты, бог. И умом похожий на тебя, и телом похожий на тебя, и глазами синими, как у тебя, и лицом румяным, как у тебя, и руками без шерсти, как у тебя, и волосами, выщипавшимися на голове, как у тебя. А оказалось, я совсем другой. Почему, скажи, я другой? Почему ты меня лелеял в своем каменном доме? Почему ты меня прятал за семью серебряными заборами? Почему не

отпускал меня играть с детьми нашего небесного селенья? Не потому ли, чтобы они меня не видели? Кто я? И кто они такие? Почему они все походят на тебя, а я какой-то другой? У кого, отец мой, лучше вид? У меня или у них?! Они бегут от меня – будто я такой уж страшный. Может, мне от них убежать? Тогда, быть может, подумают, что они страшнее меня?

Для чего ты меня родил на свет? Не для того ли, чтоб надо мной смеялись другие? Отпусти меня, отец светлый, на зеленую землю. Там в тени зеленых деревьев я не увижу божественных разнеженных детей. Никто там меня не будет дразнить. И убежать от меня, как от пугала, и смеяться над моим видом звериным никто не будет!

Лишь деревья будут моими друзьями...

О, если бы ты отпустил меня на эту красивую землю! Какое блаженство испытал бы я, гуляя по зеленому ковру, окутанному синевато-розовой дымкой!..

– Сынок мой, – говорит Торум, – нетрудно мне тебя отпустить. Да вот попадешь в нужду, без еды и питья поживешь, комары да мухи покусают – познаешь горе жизни, обратно в небо будешь проситься, я могу и не услышать. Молящихся на земле много.

У Торума – бога Верхнего мира – была кузница. И кузнецом он слыл отменным, а не только судьей и наставником духов и людей. В своей небесной кузнице Торум отковал золотую люльку и серебряную цепь.

– Ложись в люльку. В золоте тебя покачаю и отпущу на землю, если ты выдержишь испытание.

Опускает Торум с седьмого неба золотую люльку. Звенит цепь серебряными рублями, с облаков спускаясь.

Дунет ветер горластый с белым голосом северным – в край горячего лета относит люльку. Дунет ветер горластый с желтым голосом южным – в ледяное море, в край зимы относит.

Между небом и землей болтается она, то поднимаясь на гребни облаков, то падая в бездну жизни.

– Эй, отец мой, меня укачало! Либо вниз опусти меня, либо подними наверх!

На седьмое небо втащил его Торум.

– Почему не опустил ты меня на землю? – спрашивает с удивлением Сын.

Молчит отец. Взглядом велит лечь обратно в мягкое соболье гнездо. Но в мягкой постели по-прежнему не спится. В изголовье подушки высокие ночью кладет он – они ему кажутся ниже, чем палые листья. В изголовье подушки низкие кладет он – они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Выходит на улицу. А на небесной улице все так же, как на земле. На одной стороне дворцы стоят, на другой – покосившиеся хижины и дырявые чумы. По одной стороне толстые и жирные идут, по другой стороне – тощие, как тени. Одежда у одних расшита золотом и серебром, у других одежка на рыбьем меху.

Идет Сын Неба по улице. Увидев его, лошади ржут, коровы ревут. Ребятишки плачут, разбегаясь перед ним. А те, что постарше, строят рожицы и дразнятся. Лишь одна девушка прошла мимо, не проронив и звука. Она окинула его спокойным синим взглядом и величаво поплыла дальше. Золотые волосы золотыми струями струились и по круглым плечам, и по высокой груди. И вся она светилась, как изваяние.

– На кого ты пялишь глаза?! – усмехнулась старуха, опираясь на кривую палку. – Это ведь не девушка, а дух. Дух Золотой богини. Она сама-то на земле. А здесь только дух, золотая тень ее. Потому она и не посмеялась над твоим несчастным звериным видом. А ты думаешь...

Старушка скривила в усмешке беззубый рот и поковыляла дальше...

Озадаченный Сын Неба ночью снова пошел к отцу.

Торум спал сном глубоким и крепким, как глубокий корень кедра. На цыпочках подкрался Сын к божественному трону. А трон этот из мамонтовой кости. Яркими звездами на нем блестят драгоценные камни... Рядом с троном лежит серебряный посох с золотыми узорами.

Берет Сын в руки посох, смотрит на один конец и сквозь него видит Средний мир: счастливую землю. А земля яркая, как зеленое сукно. И думает: «Вот бы мне в этой земной красоте пожить!»

Но рядом – бог. В его руках не только этот посох, но и судьба. Слезы катятся из глаз... Просыпается Торум и говорит:

– Опять ты за свое!.. Отпущу тебя. Да только знай: попадешь в нужду и горе – не вини меня. И еще запомни: увидишь на земле ловушки, поставленные человеком на других зверей, не трогай, обойди их за три дерева; увидишь избушку на дереве, где охотники хранят припасы и добычу – не трогай ее, обойди за четыре дерева; увидишь могилу – за пять деревьев обойди ее. Умер человек – в духа превратился. Человек – твой брат. Он – труженик земли. Будь и ты тружеником. Мои утренние поучения, мои вечерние наставления хорошенько запомни. В шумные места, обжитые людьми, не ходи, веселые места, облюбованные людьми, оставь им. Если ты не нарушишь мои заветы – тогда я тебе придумаю питание, достойное твоего божественного происхождения. Если все исполнишь – будешь счастлив счастьем всех живых...

Семь дней и ночей слушал Сын длинные отцовские наказания. Потом лег в золотую люльку. Зазвенела цепь серебряным звоном, громом загремела люлька, качаясь между белых облаков. Покачив люльку семь ночей и дней между севером и югом, Торум спустил Сына на землю.

Золотая люлька, прильнув к земле, успокоилась. Лишь голова Сына продолжала кружиться. То ли от длительного спуска и качки, то ли от счастья.

С сознанием первой победы выходит Сын Неба из отцовской колыбели. Ему хочется петь и смеяться, и идти, идти по сказочно прекрасной земле.

Только ступит сюда – топь, туда ступит – вода ржавая брызжет. Сделает шаг – вязнут ноги. Не синевато-розовой дымкой окутаны деревья, а тучами комарья и мошкары. Они кружатся роем, жужжат, жалят острыми жалами. От них нет спасения ни в сосновом бору, ни в черемушьей гриве. Семь сосновых боров обошел он, в семи черемушьих гривах побывал, но нет нигде никакого лакомства. В соснах колючие иголки, у черемух – зеленые, костяные ягоды, и шишки на кедрах не созрели. А желудок, как голодный дух, кричит и требует пищу. И ноги куда-то бегут, бегут, стараясь развеселить глаза. Глаза, устрем-

ленные в неведомую даль, смотрят, хотят удивиться. А из них льются лишь слёзы. Они падают и блестят хрустальными росинками на листьях, травах, во мху. Блестят лужи, ручьи, озера, реки... Так много в этой земле воды... Не от слез ли?..

Земля оказалась не такой, как смотрелась сверху.

Может, издали все видится не так?..

Много дней и ночей бродил Сын Неба по топям болот, по дремучей тайге, по гарям с обугленными, искореженными деревьями. Однажды вышел к берегу лесной речки. Речка звенела, играла струями, искрилась. Она, живая и веселая, поманила его к себе.

На пологом берегу, усеянном мелкой галькой, стояли сооружения из бревен. Рядом с ними шевелились какие-то странные существа, не похожие ни на богов, ни на белых жителей небесных селений. Священный Сын Неба подошел к одному из таких существ. Только хотел он протянуть руку ему, чтобы поздороваться, как тот отпрянул от него, как от страшилища, спокойно оторвался от земли и полетел в сторону леса. Обиженный, Сын рванулся вслед, взмахнув лапами, но тут же плюхнулся на землю.

– Кто вы такие? – спросил он уже на расстоянии, боясь спугнуть других. – Мы – глухари. Птицы, – сказал один из них, с опаской поглядывая на него. – А ты кто?

– Я Сын Неба!..

Черные птицы зашумели, заливаясь в глухарином смехе. Потом, взмахнув большими черными крыльями, дружно поднялись над землей и растаяли то ли за зелеными деревьями, то ли в синем небе.

Сын Неба носился по берегу, кувыркался, пытаясь взлететь. Но снова и снова падал на землю. А на ней – камни. Они кололись и болью отдавались в теле.

Шерстистые, тяжелые лапы не походили на легкие и могучие крылья птиц...

Вдруг Сын Неба увидел еще одного глухаря. Он махал крыльями, кричал, стонал.

– Что ты делаешь? – спросил его Сын Неба с удивлением.

– Видишь: пытаюсь высвободиться. Бревно тяжелое. Придавило.

– А как ты под ним оказался?

– Оно не лежало, а было чуть приподнято. Под ним камушки, которыми мы, глухари, любим лакомиться.

– А-а!

– Не разглядел я, глупый, ловушку. Человек поставил.

– А это кто такой?

– Ты не знаешь человека?!

– Не знаю.

– Узнаешь!

– А для чего он вас ловит?

– Вот странный! Чтобы есть. На земле все друг друга едят...

– Значит, и я тебя могу съесть?!

– О, не надо, не надо! – замахал крыльями глухарь. – Будь добр, освободи меня!..

– Нет уж! Раз все едят друг друга – и я тебя съем.

Схватил птицу, разорвал на кусочки. Напившись горячей крови, насытившись пахучим мясом, он зашагал дальше. Но в сытой душе его вдруг зашевелилось что-то. Вспомнил про наказ отца не трогать ловушки, поставленные человеком, и как-то неловко стало. Но приятное ощущение сытости взяло верх. Сын Неба зашагал быстрее, стараясь уйти подальше от своих неприятных ощущений и воспоминаний...

В одном месте зоркие глаза его остановились: перед ним стояла чудо-избушка. Не на земле она стояла, а на дереве. Толстый ствол кедра служил ему ножкой.

– Что это? – спросил он синичку, которая здесь летала.

– Лабаз, – ответила она.

– Кто его сделал?

– Человек.

– Опять человек? Да кто же он такой, если весь лес занял?!

– Ты что, не знаешь человека?! О-го!..

– А для чего ему этот лабаз? Что он, на дереве живет.

– Нет, он живет на земле. В земляном или деревянном доме. А в лабазе он хранит свою добычу. Чуешь, как пахнет сушеным лосиным мясом. А печень лосиная ка-ка-я-я!

И правда, ноздри так и щекочет вкусный запах. Хочется отведать... «Увидишь избушку на дереве – не трогай ее», – выплывают в памяти священные слова отца. Вспомнив его завет не трогать сделанное чужими руками, Сын Неба возвращается назад, обходит четыре дерева, но его ноги снова почему-то идут в ту же сторону. Покружившись раза три вокруг избушки, он не выдерживает и тяжелой лапой выламывает легкую деревянную дверь, тянется к вкусной вяленой печени лося. Большой звериный язык его наслаждается волшебными запахами пищи, сотворенной умелыми руками человека.

Насытившись, Сын Неба поплелся дальше. День идет, ночь идет. Только почему-то в желудке начал крутиться, кричать ненасытный дух голода. Почему он так быстро пробуждается? Может быть, пищей, добытой другими, насытишься, да лишь на короткий миг? Может, чужая добыча дает лишь запах, но не силу и здоровье?

Однажды на поляне, вокруг которой росли самые высокие деревья. Сын Неба увидел такую же избушку. Только она была понаряднее. Слюнки потекли от предчувствия вкусной еды. Побежал. Вскрабкался. Разломал дверь. Но вместо лосиного мяса он увидел какие-то существа, напоминавшие духов, которых видел он на улицах небесных селений. Они также были разнряжены в меха. И глаза у них, как застывшие льдинки. И сидели они вдоль стены, как мертвые.

– Что это за избушка? – спросил он зайчика, который скакал рядом.

– Это капище. Люди сюда приходят. Молятся. Приносят жертвы.

– Кому?

– Духам. Богам леса и воды, неба и земли... Вон их сколько этих идолов еще на земле стоит.

И правда, вокруг поляны стояли деревянные чурбаны. Лица их напоминали лицо Торума. только были грубее, будто наспех вырубленные...

– И этим идолам поклоняется человек, который умеет приготовить такое вкусное сушеное мясо? Не верю! – промолвил Сын Неба, вздыхая.

– Не веришь? Напрасно! Еще не то узнаешь!..

Рассердился Сын Неба, схватил зайца за хвост. И в когтистой лапе его пушистый заячий хвост остался. Улизнул косою. С тех пор у зайцев лишь маленький хвостик торчит... Рассерженный Сын Неба разрушил капище, разбросал идолов и пошел дальше.

А еще через несколько дней холодным утром на холмике меж деревьев священный Сын Неба увидел какое-то странное строение, врытое в землю. Тяжелой лапой разбросал бревна. В рубе стояла лодка. В лодке лежало существо, похожее на небесного отца. Такие же лицо, волосы, руки. Только глаза закрыты. Он лежал, будто спал.

– Небесный отец мой, Светлый Торум! Почему ты лежишь здесь?! Вставай! – взмолился Сын.

– К-хе! Нашел тоже отца! – рявкнула Росомаха, появившаяся невесть откуда рядом с Сыном Неба. – Это же мертвец! Умерший человек!

– Человек?!

– Он самый!..

– Такой смиренный?!

– Смиренный... Нашел тоже... В могиле и ты будешь лежать смиренным. А знаешь он какой?!

– Какой?!

– А такой! Узнаешь еще! Бегать от него будешь, как чумной. А не убежишь – поймают. Вытащит сердце твое, снимет шкуру. Голову на стол поставит. Будет извиняться перед тобой, что убил. Высокие слова станет говорить в честь тебя, а меж тем будет лакомиться твоим мясом.

– Ух ты! – рассердился Сын Неба такой наглости росомахи. Схватил ее за пушистую шкуру – она под кусты. Убежала. Лишь клочок шерсти в когтях остался. С тех пор росомахи не так уж пушисты. И мех у них не мягкий, висит клочками, будто изодранный...

– Съесть меня? А почему я его не могу съесть? Тогда первым съем человека...

– Вот это дело! – подбодрял дух голода, который уже крутился и вертелся в желудке. Своей пляской он затоптал слова высоких отцовских наставлений, вспыхнувшие мгновение в памяти. Зычному крику желудка послушались чуть покрытые шерстью руки, которые, хватая белое человеческое тело, превращались в звериные когтистые лапы. И хватая человеческое мясо, зубы вырастали, превращаясь в длинные и острые клыки... Так Сын Неба стал медведем.

Сергей глянул на медвежий след, который петлял по снегу, в душе его молнией сверкнули видения этой сказки... Некоторые их считают нелепыми, даже глупыми. Когда-то и Сергей считал так же. Но с некоторых пор он изменил к ним свое отношение. В природе ведь нет ничего, что можно было бы приписать случайности. Законы природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а, следовательно, и способ познания сути вещей, каковы бы они ни были, должен быть познанием законов природы. В сказках живут представления людей о природе, о бытии. В них kloкочут те же загадки и таинства, ставятся, порой очень остро, те же вопросы, что нередко возникают и в окружающей жизни.

А Сергей хотел не только познать таинственную жизнь своих предков, но и понять себя в этом сложном мире.

4

Музгарка лаяла. Она то бросалась всей своей собачьей яростью в сторону, куда вели следы, то, жалобно взвизгивая, прижимаясь к ногам охотника, словно прося защиты...

Сергей и сам не знал, что делать. Ноги его будто онемели. Не мог шагнуть вперед, и повернуть назад не было сил. А ведь все совсем недавно казалось так просто: охота – прогулка, жизнь – веселое путешествие по доброй и прекрасной планете – Земле. Мечты остались витать в розовой дымке юности. Земля была под ногами. Каждый шаг по ней – испытание.

...И первое серьезное испытание пришло к нему в тот холодный осенний день, когда он сам пришел к геологам и согла-

сился идти с ними в тайгу рубщиком. И отправился Сергей не с ружьем в руках, а с топором. Древние манси ходили в тайгу с топором, но в их руках топор гулял по деревьям лишь в случае великой надобности. Воткнутый за широкий пояс, он спокойно дремал, терпеливо ожидая, когда перед хозяином явится неожиданная преграда.

Теперь топор тоже был в руках у манси. Только он был словно крылатым: с утра и до вечера летал и летал, срезая деревья на пути прямых и узких просек, которые именовались геологами теодолитными ходами. Сергей рубил и большие, и малые деревья, не обращая внимания на своих новых старших товарищей. У каждого было свое дело и инструмент. Но главным инструментом здесь был теодолит. Еще со школьной географии Сергей знал, что теодолит. Ещё со школьной географии Сергей знал, что теодолит – это угломерный инструмент, с помощью которого производятся измерения на местности, для отображения земной поверхности на картах. Однако смутно представлял себе назначение и цель работы своих товарищей, которые оказались совсем не геологами, а геодезистами-топографами. Это первые люди, которые будят тайгу. По их следам пойдут геологи – разведчики недр. Они-то и скажут: действительно ли это гиблая и бесплодная земля или есть в ней свои сокровища?

Бесплодной называли эту землю в старых книгах, которые валялись на чердаке интерната, где учился Сергей. Пропыленные, посеревшие от времени, с красивыми иллюстрациями внутри, они словно таили какую-то загадку жизни, канувшую в прошлое. Сергей больше всего любил те книги. В них было много рассказов путешественников о земле. В одной из них он прочитал печальные строки о своем крае. Тайга представлялась автору этого сочинения безмолвным лесом, где нет ни трав, ни птиц, ни насекомых. Углубляясь в лесную чашу, тот путешественник всегда испытывал ужас. Мрачной пустыней казалась ему тайга, где нет ни одного живого существа, лишь ветер проносится по вершинам деревьев, нарушая гробовую тишь.

«Жутко и угрюмо в урмане, – писал путешественник. – По обеим сторонам дороги высятся громадные сосны, ели, пихты и кедры, достигающие нескольких обхватов толщиной.

В глубине чащи виднеются гигантские стволы упавших деревьев, гниющих там в продолжение многих лет. Кругом царит мертвая тишина. Ни зверя, ни птицы. Разве только иногда где-нибудь, в глубине леса, прозвучит дятел, нарушая гробовое молчание, да скрип подгнившего дерева возмутит эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныние на душу...»

Тайга!.. Нет, это не безмолвный лес, не безжизненная и угрюмая чаща, где нет ни одного живого существа. Под сумрачными ветвями есть дерн и трава, мох и ягоды. Есть мох и трава – есть и жизнь. Вот жучки ползают, ящерица юркнула и спряталась в корнях пихтача. Муравьи-работники куда-то спешат. Нет-нет да выпорхнет какая-нибудь пичужка, таежная птичка-невеличка. И рябчик свистнет, и качнёт ветви лиственницы взлетевший глухарь. Струною звонкой звенит какое-то дерево от ритмичного стука дятла, и кедровка-ронжа о чем-то невозможном вещает таежному миру. Тени деревьев лежат как мертвые, если нет ветра. Тайга и правда угрюма. Но для Сергея она вовсе не печальна. Вот стоит пихта. Тонкое, высокое дерево. Кора у него гладкая, будто отполированная. Рядом с толстыми корявыми деревьями красуется как девушка, накинувшая на плечи легкую, прозрачную шаль. Ее синевато-зеленая листва выделяется среди мрачных деревьев, которые к ней подступают. И зачем рубить такую? Хрупкое это дерево. Ничего не сделаешь. В костре даже не горит, а шипит. Стройная пихта своей синевато-зеленой листвой оживляет тайгу, красит ее своим необычным светом. Она создана, наверное, для красоты.

В лучах скупого осеннего солнца, каким-то чудом пробившегося сквозь сумрачную листву, засверкало лезвие топора, и белыми птицами полетели щепки. Дерево, казалось, стонало, но продолжало упорно стоять. По гладкой коре скользнула прозрачно-янтарная капля смолы. Сергею на мгновение она показалась слезой. Но пляска топора не прекратилась. Еще удар, еще – и красавица пихта с шумом и треском повалилась наземь. Еще одно дерево убрано с пути. Звенел топор Сергея, летели щепки, как подкошенные, валялись и ползучая сосна, и можжевельник, и мелкий пихтач, и ельник. А по откосам холмов, по берегам

таежных ручьев падали липа, клен, рябина, ольха, ива, осина, береза и черемуха...

Свалил он и лиственницу – священное дерево манси. На ее ветвях старики развешивали белые и черные тряпочки – знаки жертв, принесенных духам тайги. Почему это дерево священное? Может, потому, что лиственница лучше других выносит и зимнюю стужу, и летние ночные холода, от которых другие деревья страдают больше, чем от мороза? А может, потому лиственница для таежников священна, что она одна веселой воздушной каймой обнимает топкие болота, где надолго замирает жизнь?..

Но когда перед Сергеем могучим богатырем встал сам красавец кедр, рука его дрогнула. Как вкопанный стоял он с приподнятым топором, не решаясь ни ударить, ни опустить свое оружие. Великаном стоял кедр среди тонких и чахлых деревьев. Что остановило Сергея? Может, богатырская стать этого дерева? Мягкую траву топчут люди, не задумываясь, а перед силой – склоняют голову. Не эту ли поговорку он вспомнил? Но разве Сергей и его товарищи слабы перед каким-то деревом? Нет! Почему же тогда он оробел? Может, потому, что и это дерево для манси священно? Но Сергей комсомолец. А комсомолцы разве могут быть суеверными? И кто нынче придерживается отсталых обычаев предков?

Где-то на вершине, в колючей зелени ветвей сварливой бабой затараторила ронжа, и в тот же миг кто-то ударил Сергея по голове. Он отскочил от кедра, чуть не бросив топор. Оглянулся вокруг. Товарищей рядом не было. «Кто же подшутил?» – подумал он, озираясь вокруг.

На вершине кедра тревожно затрещали ронжи, откуда-то слетевшиеся к этому дереву, словно почувствовали опасность, нависшую над их кормильцем – вечнозеленым кедром.

Во мху, рядом с Сергеем, лежала большущая шишка. Он поднял ее. Отщипнул смолистую кожуру, и на него взглянули крупные зрелые орехи. И ему показалось, будто они просили его из своей колыбели: «Щелкай нас, щелкай, только батюшку нашего не вырубай!...»

Так вот оно что! В зеленой тени густых ветвей кедра – тяжелые шишки. В шишках – сочные орехи. «Шишки есть – белка есть, белка есть – соболь есть, соболь есть – жизнь есть» – так говорят в тайге. Кедр – начало всех начал. Из кедра охотник может сделать широкие лыжи, и не страшны ему тогда глубокие снега. Выдолбит рыбак из цельного ствола лодочку – и покорны ему широкие плесы. Дерево это не коробится, не трескается и не гниет. Белое и легкое, оно крепко и долговечно... «Стол из кедров всегда полон яствами» – так в народе говорят. Хорошее дерево кедр. Зачем же тогда его губить? Сергей ничего из него делать не собирается. Зачем зря портить такое добро? «Но ведь это дерево стало на пути просеки, – бегут по новой тропе мысли Сергея. – Оставишь кедр – остановится просека. Зачем тогда надо было ее начинать, если останавливаться где-то на середине? Но кедр – для манси священен. Другие народы богаты и сильны железом. Лодки у них железные, нарты у них железные, крылья у них железные. И разве какой-то кедр для них что-то стоит? Только он может помешать их прямой и дальней дороге. Просека из-за него остановится. Не будет просеки – не будет карт. Геологам не пройти. Земля по-прежнему будет казаться гиблой и бесплодной... Хотя красив и вечен кедр – надо будет его рубить!..»

Засверкало стальное лезвие топора, белыми птицами полетели щепки. Стонало вековое дерево, кричали растревоженные ронжи, из густых ветвей выскочила белка и стрелой полетела на ветку соседнего дерева. А таежное эхо повторяло и стук топора, и плач ронж. Где-то далеко-далеко простонал одинокий филин. Молнией сверкнуло лезвие топора, затрещал таежный богатырь и с громом свалился наземь. Тайга стонала, не понимая, что происходит вокруг.

Сергею стало страшновато. Ему чудилось, что за ним из-за деревьев наблюдают духи. Они, недовольные, готовят ему кару. И в то же время он ругал и стыдил себя в душе, что он, комсомолец, поддается каким-то диким суевериям. Отгонял свои сумрачные мысли. Но, боясь за себя, за свои сомнения, рубил еще сильнее, стараясь заглушить страх. Было ему нелегко. Хотя он – комсомолец, но вековые традиции мансийской тайги, навеянные

в детстве рассказами Ильля-Аки и всей его отшельнической жизнью, давали себя знать.

Ильля-Аки... Частенько он брал маленького Сережу к себе в юрту. Юрта эта будто состояла из игрушек. По стенкам висели рыболовные снасти, ружье, лук с колчаном. Ружье было кремневое. К нему были привязаны отвертка, гайки, свистулька для приманки рябчика. Главным среди этих вещей был каменный божок. Знал Сергей: без него удачной охоты не будет. Из-за него Сережа боялся прикасаться к ружью. А так хотелось!.. Зато он без всякой боязни брал в руки лук с тугой тетивой и колчан из кожи оленя, в котором были стрелы с железными острыми наконечника ми самых разных размеров и фигур. Одни наконечники напоминали вилки, другие ножи, третьи были с зубцами. Сережа знал назначение каждой стрелы. Те, что в виде ножа, для зверя, стрелами с зубцами стреляют рыбу, когда она плещется в траве во время метания икры. Деревянной стрелой с шаром глушат белку... Много стрел было у деда. Много игрушек. Только не со всеми можно было играть. Сережа знал, что в сундуке, что стоит в углу дома за потемневшей занавеской, есть священные стрелы. Их вынимают только тогда, когда нужно обратиться к богам с молитвой за помощью на промысле. Сережа с Ильля-Аки частенько бывал на промысле. Там тоже все волшебное. Особенно у лесных озер, где ловились жирные золотистые караси. Уха из карася вкусная. Только там чуть-чуть жутковато. На темном зеркале воды лежало и светлое небо, и мрачный безжизненный лес, раскинув на сияющей глади уродливые ветви елей, сосен...

Ночь... Тишина. И вдруг в этой мертвой безжизненной тишине раздается пронзительный стон гагары. Вспугнутая неслышным всплеском подъехавшей лодки, она бросается с кочки в воду, точно злой водяной дух. Стоит зануть одной, как закричит другая. Мгновенье – и воет весь лес, стонет диким голосом озеро. А иногда ночную тишь нарушал филин. То залает, как собака, то разразится диким хохотом, то заплачет, как маленький ребенок.

В такие минуты Сережу охватывал страх, он весь съеживался в комочек... Ильля-Аки ругался на богов, говоря, что раз-

ве им внимания мало. Тут же бросал в воду монеты или срывал с одежды пуговицу, ниточку или шерстинку, бросал в сторону ближайшего берега, оказывая духам свое внимание. Как и Илья-Аки, Сергей тоже думал, что в образе гагары или филина скрываются злые духи, которые только и ждут, чтобы где-нибудь помучить человека, чтобы выманить у него жертву. В лесу Илья-Аки всегда смолкал, становился сосредоточенным. Он шел так, что почти не слышно было его шагов. И говорил он почти шепотом, таинственно объясняя внуку, где какой дух может обитать, кому нужно кланяться, оказать свое человеческое почтение. Часто на дереве он вырезал свою тамгу или вырубал несколькими взмахами топора лицо лесного божка с длинным носом, прося его помочь на охоте, а то и на стволе большого дерева творил изображение самого медведя, приговаривая:

– Образ ребеночка, нашего лесного дитяти, вырубим на этом дереве. Пусть смотрят прохожие люди, как мы любим его.

Потом он объяснял внуку, что рубит это не для себя, а для Сережи. Ему пусть улыбнется охотничья удача. Если человек, рубя изображение зверя на дереве, думает о себе, удачи ему все равно не будет. Следом за ними пройдет по лесу Мирсуснэхум, всевидящий дух, первый помощник верховного бога Торума, и снимет с дерева это изображение, чтобы неповадно было думать только о себе. У такого охотника уже никогда не будет удачной медвежьей охоты!.. Вытесав на стволе дерева шестиногого медведя, Илья-Аки скажет, глядя вверх мечтательно:

– Мирсуснэхум! Ты всевидящий, смотри! Я вырубил шестиногого ребеночка. Видишь, как он нас любит! На шести ногах стремится к нам. Мой внучек, нет, не побежит. Ни на шести ногах, ни на двух. Он, владеющий мастерски луком и стрелами, достойно встретит своего лесного брата! Мирсуснэхум! Лесной братец пусть осчастливит его охотничью дорогу!.. А я ему помогу...

Всякое бывало на охоте. Иногда не везло. Илья-Аки бросал стрелы – глухари спокойно поднимались в небо. Метал копье – зверь ускользал. Даже бескрылая белка и та приплясывала на ветке после очередного неудачного выстрела Илья-Аки.

Он останавливается наконец, задумывается, старается догадаться: за что его мучают так, что сделал не по-человечески, кому от него что нужно?.. И, не теряя времени, старается отделаться от внимания злых духов, кинув под дерево монету серебряную, посыпав табачку, повесив на ветку шкурку белки. Бывало так, что ничего у него с собой уже не было. Тогда Илья-Аки бросал под дерево свой последний охотничий нож... Зато после этого, чуть поругав назойливых духов, чувствовал себя независимым и благоразумным. Пропадала забота. Снова появлялись спокойствие, уверенность. Охота после этого действительно была почти всегда удачной. В такие минуты Илья-Аки запевал песню, восхвалял свою стрелу и лук, и доброго духа, который подарил ему ценного зверька и весь этот чудесный лес, с его священными лиственницами, кедрами, березами, елями, в которых нередко живут души умерших богов, людей, всю эту щедрую тайгу, населенную духами в виде соболей, белок, куниц, орлов, бобров, медведей, лосей, оленей, выдр... Он пел о небе, где живут высшие боги, пел о земле, где рядом с настоящими людьми уживаются твари, пел о воде, как о вечно льющейся, неиссякаемой жизни, пел о мироздании, в котором все одухотворено, где все вечно, переходящее из одного состояния в другое, о слабом человеке, песчинке в этом огромном и сложном мире... Сереже было страшно. Он тоже себя чувствовал частицей этого мира. И его детская душа была соткана из этих ощущений, из картин то дикой, то пугающей, то прекрасной природы...

И когда он рубил кедр – священное дерево манси, – некоторые ощущения детства вновь ожили в нем. Но он рубил, понимая уже кое-что. Ведь окончил среднюю школу. Аттестат зрелости в руках. Было нелегко. Но он рубил просеку. Для него эта просека была не только визиткой, по которой его товарищи, геодезисты-топографы, с теодолитом будут измерять местность, чтобы нанести все на карту. С каждой щепкой, может быть, отлетали языческие представления, наваянные таежным детством. Прорубив по намеченной линии до болотца или другой открытой местности, он обычно отходил назад и любовался прямым и стройным просветом в дремучей тайге, который сотворил своими руками. Созерцая этот зеленый просвет, он думал о жизни, о

своей дороге в ней. Эта просека представлялась ему то первой тропинкой к своей мечте, то дальней дорогой к разгадке тайн земли, ее невидимых сокровищ.

5

Сергей как сейчас помнил тот день, когда он сидел с новыми людьми у костра.

Плясало пламя, летели искры. В темном осеннем небе золотыми оленями бродили звезды. С таежной речки – вечной говоруньи – несло сыростью и прохладой. А от костра – большого и яркого – веяло теплом и запахом вареного глухаря. Совсем как на охоте. Но не о глухаре и соболе говорили у костра

– И что занесло вас в эту дыру? Никак не пойму, что вы ищете?! – говорил человек с рябым лицом, со шрамом на щеке, с удовольствием потягивая из большой прокопченной кружки крепко заваренный чай, который он называл чифирем. – Я бы по собственной воле... Делом бы настоящим занялся.

– Что ищем? Каждому свое, Ермолаич. Кому – романтика, кому – нефть, – отвечал не то шутя, не то серьезно широкоплечий бородач, подбрасывая сушняку в костер.

Борода у него была густой и рыжей. Только серые глаза, в которых иногда загорались озорные огоньки, говорили, что он еще очень молод.

– Какая тут нефть! Гиблое место. Во все времена Сибирь была каторгой. Покусили вас комарики? А вот наступит мороз – будет вам тогда и романтика, – продолжал тот, которого бородач называл Ермолаичем.

Из этого разговора Сергей узнал, что сибирскую нефть ищут давно. Еще в начале века охотники и путешественники не раз заявляли о признаках нефти на Иртыше и Оби. Но первые же партии изыскателей убеждались, что за нефть принимал и обильную пленку железа, расплывшуюся по воде.

Да, Сергей в детстве видел такую пленку в болоте, где росла краснощекая морошка. Вода там была всегда ржавой, покрытой радужно-золотистыми обводьями. Это и называли ребята нефтью. И Сергей так же думал. Не все верили, что в суровом таежном краю есть нефть, и все же поиски ее уже начаты. Сер-

гей слышал, что и в других местах появились отряды геологов. По всей бескрайней тайге побежали просеки и визирки, а кое-где над вековыми деревьями поднялись железные великаны – буровые вышки.

Внимательно Сергей присматривался к своим новым товарищам. Они, как охотники, всегда были в дороге. Только говорили не о мягком золоте, а о черном.

Когда Сергей вслушивался в их споры, перед ним вырисовывалась уже довольно длинная, но не совсем еще ясная история поисков нефти, которая так волновала этих людей, будто они заворочены какой-то ещё неизвестной Золотой богиней.

– Пу-пу! – кричал Венька, выскочив на просеку из-за вывороченного корня кедра. – Ты убит.

– Нет. Я тоже выстрелил. Значит, оба ранены. Квиты, – отвечал Сережа, пробираясь сквозь заросли вдоль оврагов. Он только что полз от куста к кусту, чтобы незаметно подкрасться к противнику.

– Наверно, смешно смотреть на этих парней со стороны. Почти, можно сказать, мужчины. А разыгрались в «пу-пу!»

«Пу-пу!» – это игра в войну. В интернате все ребята играли. И Сережа почти до восьмого класса состязался с товарищами в зоркости и осторожности, меткости и находчивости, играя в разведчика, рядового бойца, командира.

– А мы играли чуть по-другому. Давай по-нашему, – предложил Венька. Он жил и учился в детдоме, в соседней деревне. У мальчишек военных лет, где бы они ни жили, была одна игра.

– Что ты?! Может, хватит? Потеряли там, наверно, нас – проговорил Сергей с беспокойством.

– Так уж и потеряли. Обеденный перерыв еще не кончился. Они, наверно, опять «жарятся» в карты. А мы отдохнуть не должны, что ли? Может, тогда пойдем в шахматы сразимся?!

В шахматы состязались они каждый вечер. А в «пу-пу» только сегодня, в первый раз. И то получилось как-то само собой. Овраг, поросший кустарником, просека, ручей, вывороченные корни деревьев... Прячься, подкрадывайся, бери живьем, стреляй...

С Венькой Сереже было хорошо. Он тоже нынче окончил школу. И вот вместе они работают в геодезическом отряде. К тому же одногодки, хотя, если быть точным, Венька не знал своего рождения. Когда привезли его из блокадного Ленинграда, было ему четыре года. Он помнил только своё имя. Фамилию пришлось ему придумать. Никаких документов при нём не оказалось. Назвали Венькой Ленинградским. Вспоминал маму, папу. Говорил про какую-то тетю Лену. Знал, что мама врач, а папа – геолог. Он был далеко-далеко, в какой-то сказочной Сибири. Искал там нефть. Потом с фронта приходили письма. Венька помнит, как мама их читала. Она почему-то плакала... Потом наступила сырая и тревожная ночь. Веньку рвало от какой-то страшной качки. За бортом бились свирепые волны и ревел ветер. В маленькой каюте, кажется, плыл весь Ленинград. Только мамы рядом не было. Была только тетя Лена... И она в ту ночь потерялась. Только не в Ладоге, а уже на спасительном берегу, когда земля стонала под взрывами... Дальше было как во сне. Долго-долго летела куда-то земля, пока не превратилась она в морозную зиму, с тихим-тихим снегом. Тетю Лену заменили воспитатели. Маму и папу никто не заменил. Зато у него стало много-много братьев и сестер. И дом у Веньки был большой-большой. Назывался он детдомом. Стоял на высоком берегу среди тихих кедров. Из разрисованного морозом окна была видна снежная даль реки. А весной здесь играла большая вода. Она плыла до самого горизонта и, казалось, там превращалась в высокое небо. Среди этого свинцово-синего моря воды плескались желтовато-зелёные островки тальника. К осени, когда уходила вода, они превращались в острова, где такая черная и сочная смородина. А на песчаных косах чернели утки, а в небе тянулись ожерелья гусиных стай. На кедрах созревали шишки. В шишках орехи, жирные и вкусные. А под кедром земля, то зелено-красная от брусники, то зеленовато-голубая от голубики, то зелёно-черная от каких-то черных ягод, которые ребята называют собачьими. А грибам в тайге той нет числа. Они всюду стоят, склонив набок тяжелые головы, будто умоляя снять... А зимой летят с горы санки, скользят по снегу лыжи и мечутся нескончаемой метелью звонкие школьные дни.

До седьмого класса Венька мечтал быть офицером. Может, потому, что, играя в «пу-пу», ребята нередко избирали его командующим. Только жаль, что не было настоящей офицерской формы. Фуражка со звездой. Китель. Золотые погоны. Мечта!..

Но в седьмом классе он вдруг получил письмо. От тети Лены. Она как-то его разыскала. Как и прежде, она жила в Ленинграде, куда вернулась сразу же после снятия блокады. А тогда в Новой Ладогe, при выходе на берег из канонерской лодки, на которой, оказывается, выбирались из осажденного города, она была контужена. Те адские бомбовые взрывы снились потом Веньке во сне. В длинных и обстоятельных письмах она рассказывала племяннику не только о тех трагичных и страшных днях, но и о маме и папе, даже о бабушке и дедушке. Мама погибла при взрыве бомбы, которая угодила в госпиталь, где она работала. Папа пал смертью храбрых, защищая родной город. Осталось от него завещание, в котором он, желая сыну расти большим и сильным, просил быть достойным своей великой Родины, продолжив незавершенное дело отца. Он оставил сыну какие-то карты, чертежи. Просил его разыскать в Сибири буровую, добурить скважину, бурение которой было прервано войной. И дедушка, оказывается, искал в Сибири нефть. Еще до революции. От него остались будто интереснейшие письма. Тетя обещала все это передать Веньке, когда он подрастет и приедет в Ленинград. А пока она кратко пересказывала их содержание. Даже по этому краткому пересказу видно было, какую интересную жизнь прожил дедушка. Он был ученым, геологом, путешественником. И погиб где-то за Уралом, в тайге, у большой реки.

Письма тети, которая обещала приехать и взять его к себе, как только поправится (она, видно, была тяжело больна), перевернули все мечты Веньки. Он стал теперь с жадностью читать книги, где говорилось о геологах, не пропуская ни одной статьи, связанной с этой профессией, ставшей казаться ему в высшей степени романтической и необыкновенной. У него теперь была ясная цель: стать разведчиком недр, выполнить завет отца и деда.

На территории детского дома в небольшой избушке жила ночная няня. У нее сын каждое лето с геологами ходил на Полярный Урал, где они искали хрусталь и еще какие-то полезные

ископаемые. С жадностью вслушивался Венька в его длинные, как зимний вечер, рассказы. Насколько правдиво говорил он, неизвестно. Но из его рассказов складывалась очень заманчивая жизнь, полная приключений. Это еще больше подзадоривало. Скорее хотелось ему окунуться в эту романтику...

Но вдруг тетя почему-то перестала писать. Сначала Венька долго и терпеливо ждал. Может, почта виновата. Или распутица северная, которая порой затягивается на месяцы. Но прошла распутица, настало лето, поплыли пароходы, а писем все не было. А его послания стали возвращаться назад. Тогда по совету старших он написал в домоуправление. Оттуда ответили, что тетя Лена внезапно умерла, еще зимой. После окончания десятого класса Веня поехал в Ленинград, чтобы разыскать завещание отца и письма бабушки. Но в той квартире уже жили другие. Они только сказали, что, когда переехали, ничего здесь не было, кроме старых газет и хлама, который выбросили на мусорную свалку. Венька не плакал. Но до слез было обидно. И, не увидев даже Невы, Эрмитажа, он в тот же день сел на поезд – и снова в Сибирь, горя надеждой найти самому завещанное. В Березове он устроился в геофизическую экспедицию рабочим топотряда. И – в тайгу. Здесь он и встретился с Сергеем Лугуем. Темой их бесконечных бесед и споров нередко становился вечный вопрос: «Кем быть?»

И это понятно, у обоих в кармане аттестат зрелости. Не вечно же им махать топорами да бродить по тайге рядовыми рабочими топотряда? Если они и пошли сюда – то у каждого, как им казалось, были довольно веские причины. Сереже хотелось нащупать след «Золотой бабы», а Веньке найти ту самую буровую скважину, которую не добурил его отец.

Как писала тетя, кратко передавая завещание отца, эта буровая находилась на берегу озера, напоминающего девичье имя Ира. В нём однажды рыбаки выловили вместе с рыбой траву, пропитанную нефтью. В этом глухом краю никогда никаких моторов не было. Значит, нефть из-под земли. Потому-то и начали на его берегу бурить. А находится это озеро в верховье таежной реки. Какой? Неизвестно. Их в этом краю – сотни, а озер – тысячи.

Искать! Каких бы трудов ни стоило! И – найти. А потом – учиться. Но вот в какой институт?

Венька доказывал, что настал век физиков и геологов. И никакие историки, философы, лирики не могут с ними тягаться.

– Физик! Сегодня это же бог! – восклицал он. – Изобрели ядерную бомбу. Сверхзвуковые самолеты. Скоро, быть может, в космос полетят ракеты. А кто творит эти чудеса? Век технической революции настает. Ты что, против революции? Если бы не завещание отца – и я бы в физики подался. Девушки наши в технические вузы махнули. Даже из них мало кто в педагоги пошел. А ты... А быть геологом разве плохо? Искать! Найти! Сделать открытие! Открыть тайну не какой-нибудь там призрачной «Золотой бабы», а месторождение настоящего черного золота! Это не только топливо! У Менделеева прочитал. Между прочим, этот знаменитый старик, оказывается, наш земляк. В Тобольске родился. И он предсказывал нам сибирскую нефть. Может, и моему деду помогал снаряжать экспедицию. А вдруг эту нефть открою я? Каково будет, а?!

Сергею трудно было возражать. Все это он по-своему понимал. Но ему казалось, что это не по нему. К тому же...

– Знаешь, о нашем народе ничего не известно. Сколько ни читал. И все... Историей своего народа займусь.

– Разве у твоего народа есть история? Мы уже учили: у малых народов родовой, первобытнообщинный строй.

– И все же кто мы такие? Почему народ наш маленький, а сказки большие? В них сколько событий, приключений, борьбы!.. А «Золотая баба»?! Вот уже шестьсот лет дразнит любопытность людей... Некоторые ученые предполагают, как написано в газете, что она была вывезена из Рима в четыреста десятом году, когда с племенами готов громили Римскую империю варвары, в числе которых были угры – предки современных манси и ханты. Четыреста десятый год... Почти шестнадцать веков... Разве это не интересно?

– Эти увлекательные рассказы, может быть, придумали писатели, газетчики и прочие бумагомаратели?

– Вот и хочу установить, насколько это соответствует действительности.

– И кому будет легче от этого?

– Мне.

– Что ж, может быть, ты и прав. Спорить не собираюсь. И все же... геология – вот это да! Не только романтика, но и нефть, газ... Вот что! Давай махнем в Свердловск. Там, говорят, есть горный институт! Я хочу стать геофизиком... Ты знаешь, что такое геофизика? Это – физика земли. Наука о физических свойствах земли. О физических процессах, происходящих в ней... В энциклопедии написано. Почти наизусть вызубрил. Наука эта молодая. Возникла в середине прошлого века. Хотя еще Ломоносов пытался «слушать землю». Ты вникни в это сочетание слов: «слушать землю». Романтично ведь, а?! Зачем мы рубим эти просеки? За нами пойдут сейсмоки, будут «прошупывать земную кору» взрывами. Серьезная наша работа. Это тебе не топориком стучать! Может, махнем в сейсморпацию? Им ведь тоже нужны будут рабочие... Во, идея!.. Как это я раньше не додумался?!

Кем быть? До встречи с Венькой было ясно – он поедет все-таки учиться на историка в Ленинград. А теперь? Теперь он был в сомнении. Но одно ему было известно точно: впереди у него большая и ясная цель – **учиться!**

Но сначала ему хотелось найти «Золотую бабу».

6

Все дальше и дальше от большой реки уходил геодезический отряд. Дремучий урман сменялся то болотами с карликовыми сосенками, то озерами с топкими, замшелыми берегами, то узкими таёжными речками, одетыми в пышную зелень кедровых и еловых рощ. В песчаных отмелях речек оставлял свои следы хозяин тайги – медведь, из густых еловых ветвей нередко выпрыгивала рысь, а в осеннем мареве болот каменными изваяниями стлы лоси. Эти неброские таежные картины Сергей наблюдал почти каждый день. Сюда, в эту зауральскую тайгу, вели все легенды о «Золотой бабе».

Сообщения о ней вновь появились в местной газете, которую, хотя и не регулярно, все же привозили в отряд. Вот что в них говорилось:

«Легенда легенде рознь. Многие из них возникли в уютном пересказе увлекательных книг, а потом оказались «привязанными» к определенному месту. Другие – просто сочинены фантазерами. Года три назад, размышляя над историей «Золотой бабы», мы обратили внимание на интересную деталь: на независимость источников легенды. Обычно удается проследить цепочку: один автор списывает легенду у другого или пересказывает ее. Здесь этого не было. По крайней мере четвертьма совершенно разными путями люди узнавали о «Золотой бабе».

Первый раз, еще в XIV веке, новгородские летописцы узнали о ней от монахов, ходивших в Пермь насаждать христианство.

Второй раз о статуе были получены более подробные сведения от служилых людей московского царя, которые в XVI веке составляли «дорожники» – описания торговых и военных путей русской земли, первую отечественную географию. Кто-то из пленных русских воинов, попав в Польшу, рассказал о «Золотой бабе» краковскому профессору Матвею Меховскому. С этого времени все карты и описания России, изданные в Западной Европе, – Вида, Мюнстера, Меркатора, Дженкинсона – повторяли это сообщение.

Но был третий источник, избежавший влияния шума, поднятого в XVI веке. Это – Сибирская летопись, рассказывающая о завоевании сибирского царства Ермаком, которая была написана Семеном Ремизовым. Один из атаманов Ермака по имени Иван Брызга, спускаясь вниз по Оби, дошел в 1582 году до Белогорья, где Обь сливается с Иртышом. Здесь он вступил в бой с племенами, объединившимися для защиты своей главной святыни – «Золотой бабы». Брызга получил какой-то выкуп, может быть – часть сокровищ, но самой статуи не видел. Летопись сообщает, что ее видел лазутчик, посланный Брызгой в стан местных жителей. К этому месту в летописи есть даже картинка. В 1584 году в жертву статуе был принесен панцирь, снятый с тела убитого Ермака.

Уже в XVIII веке в зауральские края попал еще один грамотный человек, киевский полковник Григорий Новицкий, посланный в Тобольск за участие в измене гетмана Мазепы Царю Петру Первому. В 1712 году Новицкий был послан на реку Кон-

ду следить за тем, чтобы обращенные в христианство местные жители – манси – не поклонялись старым богам. Новицкий передал нам вполне независимые от других авторов сведения о том, что где-то на Конде до сих пор служители в красных одеждах тщательно прячут от всех свою главную святыню – «Золотую бабу», которая кричит, «как дитя». Статуи Григорий Новицкий не увидел: его вскоре убили.

Позже на Конду, рискуя жизнью, приходили этнографы, охотники, краеведы, в частности путешественник Носилов. Древний обычай тяготел еще над местным населением, тайные тропы, ведущие к святыням, охраняли взведенные самострелы. Носилов услышал ложные, заматающие следы, рассказы, что «Золотую бабу» унесли куда-то на север. Три года назад, поверив Носилову, мы предлагали искать статую на полуострове Таймыр. Одна из статей была опубликована в газете «Комсомольская правда». Самолет доставил газету на Конду. И здесь нашелся школьник Алексей Сургучев, который написал в редакцию, что его отец, манси, видел древнюю статую как раз в тех местах, на которые указывали «дорожники», Сибирская летопись и рукопись Григория Новицкого «Описание о народе остяцком». Туда срочно выехал археолог, который собрал подробные сведения, хотя до указанного местными жителями пункта дойти не смог.

То, что видел отец Алексея, – это огромная статуя, изображающая женщину, видимо каменная, что само по себе удивительно, – кругом на тысячи километров нет таких скульптур. Она или называлась «золотой», или где-то рядом была спрятана настоящая золотая статуя – еще неизвестно, так как никому из ученых пока не удалось побывать в этих краях, которые почти недоступны летом – там дикая тайга и болота, зимой же надо идти на лыжах без дороги, и легко пройти мимо. Говорят, большая статуя сейчас повалена.

Мы не сомневаемся, что в самое ближайшее время новые исследования принесут разгадку древней легенды...»

В минуты отдыха, устроившись на мшистом пеньке или на только что сваленном дереве, Сергей предавался своим размышлениям о «Золотой бабе». Скучные газетные строки обрас-

тали мыслями, догадками. Видения прошлого витали над ним. Порою мерещилось, что все это видел сам. Вспоминал, как побывал еще мальчишкой в «святом урочище». Старики пошли туда, когда соболя совсем не стало. Принесли духу тайги жертвы и попросили его вернуть в мансийскую тайгу черного зверя, без которого оскудела охотничья тропа. А то святое урочище было недалеко от деревни на острове, где среди обыкновенных таежных деревьев могучим великаном возвышался кедр. Ему-то и поклонялись старики.

Старые манси и теперь отвешивают поклон огню и воде, камню и дереву. Нет-нет да и вспомнят и о Сорни-най.

Необычайный интерес людей, живших давным-давно, к вековой тайне его сумрачной земли, обострял внимание Сергея к окружающему миру. Он присматривался к деревьям, выделявшимся чем-нибудь, в камнях искал очертания той загадочной богини, в крике птиц порой ему чудился плач «Золотой бабы».

Однажды ему показалось, что он у заветной цели, к которой стремились многие веками.

Это случилось в верховье безымянной речки. Она вытекала из ржавого и топкого болота. Посреди болота зеленела роща. Издали Сергею показалась она женщиной с ребенком в руках. Как в одной из версий легенды. Над зеленым венцом ее золотились лучи заходящего солнца. Только была она не нагой, как в легенде, а в цветном платье. Наверно, это березки и осинки, которые окаймляли рощу, делали ее одежду яркой и пышной. А стоявшие вокруг высокой лиственницы, они смотрелись издали строгим орнаментом на платье. Вечерний ветерок приносил с островка какие-то странные звуки. Они были не похожи ни на лепет листьев, ни на шум хвои. Когда ветерок усиливался, звуки становились громче. Тогда они напоминали звон колокольчика на шее оленя-вожака. Но стоило ветерку замереть – замолкали и звуки. Таинственные звуки, необычайный вид острова среди непроходимого болота неожиданно уверили Сергея, что именно в таком месте могли укрывать «Золотую бабу» от постороннего взгляда.

На другой день работа никак не клеилась. Визирка, которую Сергей вырубал, не хотела идти дальше. Душа его уже была там, на островке. Но как до него добраться?

Пробовал пройти – чуть не утонул. Хорошо, что рядом были кочка и бревно, занесённое тиной. Они спасли Сергея. Присмотревшись, заметил, что к островку тянется редкая цепочка тихих кочек. По ним пройти было всё равно невозможно.

Островок так бы и сохранил свою тайну, если бы не лыжи, которые нашёл Сергей во мху под ветвями поваленной бурей ели, она когда-то красовалась у кромки болота. Лыжи были широкие, непохожие на те, на которых ходят по снегу. Нетрудно было догадаться, для чего они предназначались. Теперь уж Сергей был совсем уверен, что перед ним «священное место». Но здесь ли капище «Золотой бабы»? А может, это обыкновенное «святое урочище», каких немало на Севере? И к чему ему, манси, покушаться на святая святых предков, которое так почему-то берегли?

Впервые у Сергея было такое чувство. Может быть потому, что раньше всё было только преданием, легендой. А теперь это рядом. Стоит только пройти – и там Сорни-най, та самая «Золотая баба», которая волновала умы людей далёких эпох и сейчас не даёт покоя.

– Что ты делаешь? – раздался хрипловатый голос, когда Сергей из-под сухих ветвей и мха вытаскивал вторую лыжину. Он вздрогнул. Перед ним стоял Ермолаич.

– Вот та... «Золотая баба»! – пролепетал Сергей, точно испуганный ребёнок, показывая в сторону островка.

– «Золотая баба»? Та самая, что в газете?.. А не врешь?! – настойчиво допытывался Ермолаич.

– Может быть... Точно не знаю... Наверно, святое место...

– А ну, давай лыжи!

Сергей еще не видел Ермолаича таким. Глаза его заблестели. И весь он как-то преобразился. Рубил визирку не так. Чаше казался усталым, вялым. А сейчас будто его подменили.

– Чего ты как тетеря? Становись и ты! – указывая на лыжи, кончики которых торчали из-под сушняка, приказал Ермолаич.

Хотя лыжи были и широкими, но под грузным Ермолаичем вязли. Он их еле вытаскивал из шипящей топи.

Сергей пошел по цепочке кочек. Здесь место было более твердое. Его примеру последовал и Ермолаич.

Когда добрались до острова, Ермолаич приказал держаться сзади. Сам он шел осторожно, прислушиваясь к шуму деревьев. А шум этот был действительно необыкновенным. В шелесте хвои и листьев иногда что-то словно позвякивало. И это еще больше настораживало. Ведь и в легенде говорилось: «Золотая баба» то кричит, как дитя, то звенит колокольчиком, предупреждая, что она близко и к ней, священной, не следует подходить. Сергею то было жарко, то знобко. Колени слабли. Спотыкался на каждом шагу. Его охватил какой-то неведомый страх.

В нем снова ожили видения детства. И глуховатый голос старика Ильля-Аки, казалось, шуршал где-то у ног и просил не идти дальше. А другой, книжный голос твердил обратное. Ноги спотыкались. И все же он шел вперед по еле приметной тропинке, петлявшей между деревьями. Рядом с ней зияли глубокие ямы, заросшие зеленым ельником, травой, мхами. Из ям торчали колья, какие-то острые железяки, даже ножи на древках, покрытых кое-где мхом.

– Осторожно! Самострелы! – предупредил Сергей Ермолаича, который почему-то ускорил шаг и стал еще беспокойней. Про самострелы рассказывал тоже старик Ильля-Аки. Они бывают только на самых больших «святых местах», где самые именитые боги манси.

– Какие еще самострелы?! – буркнул Ермолаич.

– Обыкновенные. Лук. Стрела с кованым наконечником. Медведи, лоси от них даже падают.

– Да?! – удивился Ермолаич, озираясь вокруг.

– Может, самострелы еще не сгнили. Тетива у них из лосиных жил, просмоленная.

– Дикость!

– Может, вернемся? – вырвалось вдруг у Сергея, который теперь почему-то пожалел, что сказал Ермолаичу про «Золотую бабу».

– Э-эй! – протянул тот, обернувшись к нему. – Трусись. Не выйдет.

Он приказал вооружиться палкой и идти впереди. Сергей хотел возразить. Но Ермолаич так резко взглянул на него, что Сергей сразу понял: спорить бесполезно. Длинным шестом, который Сергей нашел тут же в траве, стал бить по каждой ветке, тянувшей колючие лапы к тропинке. Если самострел поставлен, то стоит лишь тронуть ветку, как зазвенит тетива лука, полетит оперенная стрела... Не зазвенела тетива лука, не полетела оперенная стрела, не «ожили» и колья в темных ямах, как ни ворошил их Сергей. Слетали с древков поржавевшие ножи. Истлела и тетива луков. И все же Сергей шел осторожно. Следом за ним – Ермолаич. Сергей чувствовал на спине его взгляд.

Наконец тропинка из-под темных ветвей выскочила к светлой полянке. Посреди поляны «упиралась в небо лиственница». Так говорят про высокое дерево в сказках. Эта лиственница действительно была сказочной. Сергей такого дерева еще не видел. Толстое-претолстое, втроем не обхватишь.

На ветвях, похожих на корявые руки великана, висели и рога оленя, и черепа лошадей, и какие-то чаши, и стрелы с железными и костяными наконечниками. На ветках мотались истлевшие кусочки каких-то шкур, тряпочек. На одном из них в лад с ветерком позванивал колокольчик. Под деревом валялись котлы, поржавевшие ведра, причудливые изделия из рогов, бутылки, каких Сергей и не видел. Местами дерево было обито жесью. На вершине чернело гнездо какой-то большой птицы. Вернее всего, орлиное гнездо. Орел – птица священная. И дерево, на котором вьет гнездо, тоже священное. И на стволе такого дерева не просто узоры вытесаны топором, а «священные знаки жизни». О жизни волшебной и обыкновенной, наверно, говорят эти узоры. Некоторые из них напоминали знаки, которые Сергей видел на дощечках Ильля-Аки. Старик пытался его учить. Сергей тогда посмеялся над ним. Разглядывая почерневшие от времени зарубки на очищенной стороне лиственницы, он теперь пытался что-нибудь вспомнить и угадать значение узоров.

Один из них показался ему знакомым. Грубо вырубленные штрихи напоминали «лягушку» – собственный знак старика.

У него он был отлит из меди. И просто на дереве, и на своих вещах он его нередко «рисовал». Но это был не только «кат-пос» – знак руки, которую ставил он на вещах и на русских бумагах. Для него он был священным амулетом, образом мифического предка. Илья-Аки не раз рассказывал миф о том, как от лягушки произошел его род.

Старик гордился своей медной лягушкой. Иногда он пел какое-то сказание в честь ее. Этот медный амулет на первый взгляд совсем не походил на лягушку. Какие-то изломанные линии, штрихи. Они напоминали «бессмысленный» орнамент, которым женщины украшали свои шубы и платья. Но, присмотревшись внимательней, можно было увидеть и длинные задние ноги, и лапы с растопыренными пальцами, и короткую, чуть изогнутую спину и голову... Такой же орнамент был вырублен на стволе этой лиственницы.

Ниже был орнамент, похожий на щучью челюсть. Чуть правее узоры напоминали то ли соболя, то ли еще какого-то таежного зверька. Летели по стволу крылатые рога лося. И маленький тетерев сидел, склонив набок голову. Больше всего на стволе лиственницы было узоров медвежьих лап. Такая пятипалая лапа вырезана и на рукоятке ножа, который остался от отца. Сергей слышал, что отцовский род идет от медведя. Были здесь и другие, совсем непонятные узоры. Может быть, это подписи людей, приезжавших сюда из других краев и речек? Неужели это на самом деле самая «большая святая земля», где хранился «главный идол Севера»? Так почему же нет капища?

– Ну! Где твоя «Золотая баба»? – пробурчал наконец Ермолаич.

– Вот дерево... святое, – растерянно пролепетал Сергей, оглядев поляну, где не было даже крошечного капища – избушечки, где обычно хранятся идолы, шкурки, одежда шамана.

– Сам ты святой!..

С этими словами Ермолаич нагнулся к дуплу, которое зияло темно-желтой пастью. Вдруг он торопливо стал что-то вытаскивать. Подойдя ближе, Сергей увидел, как он из кучи трухи выбирает какие-то сияющие вещи. Это были монеты, кольца, серьги, бусы.

Вспомнилось Сергею, как он сам бросал монеты в такое же дупло. Делал все так, как Илья-Аки наставлял. Тогда Сергей его слушался: не было у него еще школьного учителя. Это было в году, когда «тайга потеряла беличий след». Старики сказали, что надо идти на «святое место» и духам лесным жертвы пожертвовать. Лесным духам принесли в жертву петуха. А взамен попросили белок. Духам этим бросали монеты, серьги, кольца. Сергей сам это видел. Так было и в старину. Люди несли на «святое место» свои драгоценности и веру, а уносили надежду, что будет добыча и счастье.

Может быть, и это – обыкновенное «святое место», где никакой «Золотой бабы» нет? Может, люди просто поклонялись этому «колдовскому дереву», на вершине которого большая птица свила большое гнездо? Есть гнездо – птенцы будут. Есть птенцы – птицы будут. Если птица кричит – значит, зверь где-то рядом. Даже крик самой маленькой птички о жизни тайги говорит. А большая птица орел, священная птица орел вьет лишь там гнездо, где тайга полна красных и черных зверей. А лес, где много красных и черных зверей, – священный лес, заповедный. В таком лесу бить зверя и птицу можно лишь в год большой нужды и горя. А в обычное время нельзя ломать даже веточку. Топоры в таком лесу должны дремать за поясом, а ножи – в своих ножнах. Если стрела и полетит, то лишь на ствол самого высокого дерева, чтобы быть знаком его высокой священности.

На стволе этой гигантской лиственницы торчали стрелы. О чем они говорят? Может быть, о том, что и этот островок, и болото, где каменными изваяниями стынут лоси, и таежная речка, песчаные плесы которой разрисованы узорами медвежьих лап, и вся тайга вокруг священны?

«Золотой бабы» не было. Было просто высокое колдовское дерево. И монеты звенели. Ермолаич был доволен. Сыпал в карман монеты и улыбался. Как казалось Сергею в тот момент, улыбался ехидно. И Сергей не выдержал и ударил старика палкой...

Перед глазами Сергея выплыл Ермолаич. Узкое лицо со шрамом на левой щеке. Глубокие морщины, сплетённые на прямом лбу загадочным узлом. Бездонный взгляд больших, от-

цветших глаз... Всё такой же, как тогда у колдовского дерева, когда Сергей нанес ему удар палкой по спине.

Каждый раз, когда выплывал в памяти этот его злополучный удар, – мороз пробегал по коже. Он вздрагивал от стыда. Точно отталкивал от себя такого к другому, который был, казалось, в нем же.

Сергей и сейчас не смог бы объяснить свое тогдашнее поведение. А в то мгновение, когда Ермолаич из дупла священной лиственницы высыпал монеты, серьги, кольца, в нём проснулась какая-то колдовская сила. Долго потом Сергею казалось, что в самом деле кто-то его толкал на поединок. Не хотелось ему верить в колдовскую силу священных урочищ, но даже потом, не раз бывая «в святых местах», ему снова и снова приходилось чувствовать себя не так, как в обычном лесу.

Не мог Сергей успокоиться. Он искал причины своей давнишней жестокости. Может быть, он хотел защитить себя перед собой же. И все равно он не имел никакого права поднимать руку на человека, которого он в то время побаивался. Сейчас для него было ясно, что он принял Ермолаича не за того, кем он был на самом деле.

А тогда Сергей был удивлен неожиданным поведением Ермолаича. Получив удар, ему следовало нанести ответный. А он!.. Он не набросился. В его взгляде не было даже злости. До сих пор перед глазами Сергея был взгляд, в котором было недоумение, что-то вроде: «Что ж ты, мальчик мой! Разве можно из-за этих вот монет?»

И лишь много лет спустя до Сергея дошел истинный смысл этого взгляда. В нём сквозила мудрость хлебнувшего из полной чаши жизни, не всеми понятая, потому что Ермолаич про себя почти никому не рассказывал, тем более ему, мальчишке, который в те годы, конечно же, плохо разбирался еще в людях. Да и как расскажешь о том, что вся его семья – жена и двое детей – погибла от фашистской бомбы, а старший брат умер от ран у него на глазах. Вот и уехал он после войны в Сибирь, подальше от родных курских мест. Хотел забыться, хотя бы на время, но вышло так, что пришлись ему по душе таежные края.

Теперь Сергею было стыдно за себя, за свой поступок. Как он все-таки мало разбирался в жизни. Наверно, нужно прожить столько же, испытать хотя бы частицу того, что выпало на долю этого мужественного человека.

7

Крови на снегу совсем стало мало. Значит, ранение слабое. Может, просто поцарапал. Тем опаснее медведь.

«Если не уверен в своих силах – не поднимай руку на зверя. А то зверь покажет всю свою ловкость и прыть. Если поднял руку – бей наверняка» – так охотники говорят.

– Э-эх! – ругал себя, вздыхая, Сергей. – Надо было промахнуться! Лучше бы уж не попал.

Сергей пошел по просеке. По ней безопасней: далеко видно. Все можно ожидать от раненого медведя. Он как обиженный человек...

Медвежий след перерезала широкая и прямая, как улица, еще одна просека. И сердце учащенно забилося: неужели это та самая просека, которую он рубил много лет назад? Вокруг никого. Молчали и деревья, и небо. Только в нем самом словно сидел какой-то дух и без спросу, непрерывно старался судить его поступки, высветляя в памяти важные шаги его жизни.

Кто он, этот невидимый судья? Почему он знает каждый из поступков в его внутреннем основании? Почему он объявляет приговор? В одном случае оправдывает, в другом осуждает? Кто он, этот непогрешимый и справедливый судья, который все знает и перед которым невозможно солгать?

Не совесть ли? Наверное, она. В таежной тишине перед опасностью сильнее, чем когда-либо, Сергей почувствовал ее присутствие. Нет, это было больше, чем присутствие. Она здесь жила, спрашивала, волновалась, судила... Она была частью его самого. Не через нее ли человек становится ответственным за свои поступки? Совесть человека – это, быть может, единственный бог, от суда которого не уйти никуда, в котором человек может найти и силы, и успокоение.

Сергей шёл по просеке. Она выходила в гарь. В гари не было стройности и естественного порядка, присущего здоровому

лесу. Рядом с деревьями, полными жизни, стояли отжившие. У одних нет вершин, у других сучья переломаны, у третьих кора – как разорванное платье. Чуть прикрыв снежком почерневшие стволы, стояли они, как смертники, в ожидании первого урагана, который повалит их...

А ураган по гари гуляет, видно, не так уж редко. Вот здесь ему удалось вырвать с корнем здоровое дерево. Не хотело, должно быть. Крепко держалось корнями за землю. И потому зияла теперь глубокая яма с задраным с трех сторон моховым ковром. Широкие бороды вывороченного корня закрывали вход в эту пещеру.

Рядом пень, запорошенный снегом. И здесь когда-то красовалось дерево. Шумело оно на ветру, чуть покачиваясь в плавном танце. Тянуло руки к небу, улыбалось солнцу, дышало, наслаждалось жизнью. А теперь от него остался пень...

Чуть подальше, подняв свои курчавые головки, бегут стройными рядами молодые сосенки. А над ними громоздится одинокий великан кедр, гордая вершина которого расщеплена молнией, а могучий когда-то ствол обуглен. Видно, по нему гулял смертоносный огонь. Как ему удалось выжить? Где он взял столько сил? Радует ли он молодняку? Может, в его зеленом шуме он ловит звуки своей буйной и счастливой юности и предается отрадным воспоминаниям? Или он, умудренный опытом своей суровой нелегкой жизни, слышит в их игре лишь суету сует? И потому смотрит на всех лишь холодно, недоверчиво?

Или, иссеченный молниями, корявый, обугленный, но все же живой, он находит и в дуновенье ветра, и в пробуждающемся взгляде утренней зари, в ее широкой улыбке, и свою, особую радость?

А гарь жила своей обычной жизнью. Звенело дерево – то дятел-работяга стучал. Плотничье ремесло дает ему и детям пищу круглый год. Здесь его дом, исполненный по всем правилам плотницкого мастерства. Дятел – постоянный житель гари – строит жилища и для других. В морозы лютые ему благодарны и белка-летяга, и мелкие птички-пташки, находящие приют в удобном и теплом дупле...

Взвихрился снег здесь, ожил снег там. На черных крыльях полетел снег. В черные крылья превратился белый снег. А что еще таится под этим сверкающим снегом?

Только тишина и смерть?

Нет! Вот норка горностаемая. Чуть подальше – вторая, третья... Это выходы горностаемая на большой свет. А там, внизу, целый лабиринт ходов, целый подснежный горностаевоый город. Если даже мороз трескучий ходит, если метель гуляет, ему не страшно – тепло в снежном жилище: сколько хочешь бегай, мышей лови, пока лисица не цапнет...

А лиса любит порезвиться в гари. Здесь она охотится не только за мышами и горностаеями, но и куропатки и рябчики оказываются в ее ловких лапах, несмотря на что у них есть крылья... Вот что верно, то верно: не всякий летающий истинно крылат...

А снег разрисован узорами птичьих и звериных следов. Вот прошла куница. Зайцы натропили тропы. Не разберешь, откуда пришли, куда ушли и под каким кустиком замерли, свернувшись в белые калачики. Волк вездесущий здесь шлялся. Его большие следы как раны на снегу. Соболь из кедрового урмана зачем-то сюда заглядывал. Может, тоже полакомиться живой и свежей кровью. Ведь в урмане нет столько зверья и жизни, как в светлой гари и в дубравах...

А весной здесь кипит жизнь, шум и гам, песни и пляски. На широких полянах, между пнями и трухлявыми колодами, глухарки в любовь играют. А глухарки, подзадоривая игроков, вертят хвостами, распутив их роскошным веером... К весёлым опушкам, звонким ручейкам слетаются и рябчики, прошедшие зиму в тёмном урмане. И тетерева справляют шумные свадьбы...

Для птичьего мира и зверья нет привольнее места, чем таежная гарь!..

Может, не зря здесь прошелся когда-то огонь, превратив темную и дремучую чащу в светлую гарь, где закипела новая жизнь?!

Обессилев вконец. Медведь свалился в яму под корнями кедра, вывороченного бурей. И только закрыл глаза – слышит: что-то треснуло. Открыл глаза: рядом с ним опять Росомаха.

– Ой, как тяжело! – застонал Медведь, вытягиваясь под корнем дерева. – Пошамань еще. Может, лучше будет.

– Все вы такие! Попадете в беду – верующими становитесь. А во что вы раньше верили? Когда творили свои черные дела... Э-эх! Да и сама я такой же была. Не вернёшь уже. Пошаманить, говоришь. Раз так уж хочешь – покамлаю.

Поклонившись трижды, Росомаха начала:

Небо. Земля. Вселенная. Мир.

В мире рождаются и умирают,

Возвеличивают и убивают.

Хоронят с почестями, справляют свадьбы.

Ходят друг к другу в гости.

Пьют. Едят. Целуются. Дерутся.

Сколько целуются – столько и дерутся.

В мире устроено все так слаженно и так все странно.

Что Дремучему едва ли понять.

Небо. Земля. Вселенная. Мир...

– Ты обо мне лучше пой. Росомаха. А то опять завела что-то непонятное.

– Ах, Медведь, Медведь! Ты и правда дремучий. Слушай, Медведь, я спою твою песню. Ты, наверно, ее забыл. Да и слух у тебя!.. Потому за тебя и поют люди. Будь благодарен им, что они не забыли песен твоих. А мне за исполнение – калым. Слушай, дремучий, свою историю.

Песня Медведя, исполненная росомахой

Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо!

Прошелся я по земле.

Пошумел и повеселился.

И уснул.

Та сторона горла моего,

которая должна спать,

задремала.

Та сторона языка моего,
которая должна дремать,
уснула.
Горло мое не ревело.
Язык мой не наслаждался.
Я спал крепким медвежьим сном.
Но однажды слышу той стороной уха,
которая должна слышать и во сне,
слышу шум какой-то,
Открываю глаза.
И той стороной глаза,
которая должна видеть и во сне,
вижу: собака.
Скалит зубы, лает.
На меня скалит зубы.
На меня лает
А рядом с ней – Человек.
Глаза у него такие же, как у меня,
только одежда у него красивее,
расшита узорами,
да лицо белое.
В одной руке у него топор,
в другой – копьё.
Топор большущий
сияет лезвием.
Копьё длиннущее
сияет острием
На дверь моего дома
накатывает бревна.
Сквозь сырые и толстые бревна
крохотным оконцем сияет
острие копьё.
Сыплют меня снегом –
будят ото сна
Я рвусь к двери.
Но дверь уже не моя.
В миг, когда я только увидел

высокое небо,
меня пронзило железо.
В миг, когда я только понял
сладость свободы,
на меня накинули петлю.
Петля крепче железной.
Копье острее смерти.
И волокут меня куда-то
по сырой и тяжелой земле.
Снимают мою шубу,
подсчитывая пуговицы,
просматривая карманы,
разрубая меня на куски.
Хорошие части мои
на хорошее место кладут,
плохие части мои
на грязную землю бросают.
И в голове копаются,
будто в ней что-то замуровано,
и расчлененного меня снова собирают,
бережно укладывая в люльку
с черемушьими ободками.
И на нарте скользящей везут меня
в деревню, звенящую
девичьим и юношеским смехом.
Снежки летят. Стар и мал
в снег играют, умывая друг друга
холодными, белыми хлопьями.
Со звериным криком вносят меня в дом,
с человеческим криком усаживают
мою голову на стол.
И полные чаши озерной пищи
передо мной ставят,
и таежная пища
дразнит меня вкусным таёжным запахом.
Сидя в счастье вкусных блюд,
я не заметил, как вокруг меня

собрались люди.

В солнечные игры они играли,
плясали вьюгой, извивались рыбами,
наряжались в зверей,
и каждый из них
строил из себя человека
с большой буквы.

Играли, а дни считать
не забывали.

На пятую ночь в честь меня
забили рогатого оленя.

Принесли его в жертву мне,
а съели сами.

На шестую ночь над кострами
развесили котлы больше прежнего
и мое таёжное мясо начали варить.

Голова моя сидела за большим столом,
а тело мое варилось в большом котле.

Потом молились моей голове
и ели мое мясо.

И все же съели меня большие.

Для маленьких – я был веселой игрушкой.

Для больших – куском божественного мяса.

Молясь на мою голову,
сидевшие за большим и священным столом
незаметно съели меня.

– Съели? Меня? – удивился Медведь. – Как же я тогда сейчас живой?

– Думаешь, ты живой? – бросила брезгливо Росомаха. – Кожа да кости, а духом ты давно мертвец. Тебе бы только жрать. И другие так же. А ведь когда-то ты был духом, Сыном Неба тебя величали. А ты на земле повел себя как зверь. А тогда, когда тебя убили, ты превратился снова в духа. Правда, ты был маленький и ничтожный. Но все же дух. Слушай дальше свою песню:

Съели меня люди.

Но я не исчез бесследно.
Я превратился в духа.
И в образе маленького зверька
выполз из сумрачного и теплого дома
на просторный белый свет.
И олень жертвенный
в духа превратился.
Он пополз со мной
в образе червячка.
И стали мы молиться Небу,
Отцу моему Торуму,
чтобы он опустил серебряную лестницу
и на небо нас поднял.
Опустил отец серебряную лестницу.
Пока мы шли к ней,
жертвенный рогатый друг мой
превратился в маленького
крылатого оленя.
Я сел на него,
и мы полетели вверх
по серебряной лестнице.
Облака, легкие как лебяжий пух,
тяжелыми руками хватали нас,
тянули к земле, но мы летели
все же вверх,
И тучи черные вставали на пути,
но мы летели вверх.
И сама земля, казалось,
не хотела, чтоб мы летели, —
она держала нас, тянула к себе
какой то непонятной силой —
но мы мчались вверх,
потому что я был уже не медведем,
а духом. И олень был крылатым,
а не рогатым.
Крылатой духовной силой
мы поднялись в Небо.

Голубой бусинкой
светилась Земля среди ожерельев звезд,
прозрачной слезой
летела Земля во Вселенной.
Чью грудь украшает бусинка-земля?
Чья соленая слеза летит
по холодной и пустой Вселенной?
Прилетев на Седьмое небо,
я привязал крылатого оленя
к серебряной лестнице
и направился в золотой дом бога Торума.
Он встретил меня не взглядом отца,
он встретил меня божественным
сумрачным взглядом.
Будто на шею мою
накинули железную петлю.
Язык отнялся.
Словно отпал, как шершавый
хвост ящерицы.
Я еле выдавил:
«Меня съели.
Что мне дальше делать?» –
«Кто тебя съел – у того и спрашивай,
что тебе делать, –
сказал спокойно бог. –
Ты нарушил мои наказания.
Не исполнил свой высокий долг.
Спускайся на землю.
Иди к людям.
Они рассудят, как с тобой быть...»
И сажусь я на крылатого оленя,
и лечу я к соленой слезинке Вселенной – Земле.
Мгновение – и снова я
в священном углу человеческого дома.
Забираюсь в свою голову,
которая чучелом сидела на большом столе,
пока летал я в Небо.

А люди, какие глупые люди!
Не заметили, что меня не было.
Молились пустой голове
и были счастливы.
В гнезде из мягкого и тонкого шёлка
снова сижу я.
Бесконечную юношескую удаль мне показывают.
Вечным девичьим весельем меня веселят.
Бездонные чаши с озерными яствами
передо мною ставят.
И руками белыми, как вода Оби,
глядят мою шерсть.
Девушки кружатся в плавном танце,
как деревья по ветру качаются.
Юноши скачут будто волны,
резвыми волнами пляшут.
Смотрю на бесконечную юношескую удаль – и забываюсь.
Дивлюсь вечным девичьим весельем – и забываюсь.
Нить золотого ума роняю где-то в воду.
И тело свое звериное
роняю где-то в тайге.
И весь я превращаюсь в Духа.
Где я? Сам не знаю.
В этот момент люди зажигают в доме костер.
Поленья из лиственницы загораются ярким пламенем.
И в свете пламени вижу:
проскользнул какой-то зверек.
Кто это был? Не разобрал.
И опять где-то роняю нить
золотого ума, забываясь.
А бесконечная юношеская удаль не гаснет.
Ласкают слух мой музыкой,
игрой веселой развлекают.
А между тем наряжают меня в священное платье,
рядом с другими духами садят.
Если великим духом назначают –
золото рядом со мной звенит.

Если маленьким духом меня называют –
малая мелочь медным звоном звенит.
Сижу. Смотрю. Слушаю.
Вдруг в углу дома зазвенел
голос какого-то голосистого
зверька. Никто не понял, что это
за зверек. В другом темном углу
тоже зазвенел чей-то голос.
Его тоже никто не разобрал.
Старики говорят: «Это что
за голосистый зверек?
Такого хорошего зверя
мы еще не слыхивали!»
В третьем углу что-то зашумело.
«Чей такой звучный голосок? –
удивляются старики. –
Глазами мы такого зверя не видали.
Да ладно. На будущий год,
если случится подобное счастье,
тогда, может, и пойдем,
разгадаем тайну!»
И опять где-то роняю нить сознания.
Куда я делся?
Не знаю. И людей я потерял из виду.
и угол свой, где познал я счастье
красного сукна, потерял.
Вдруг вижу:
валяюсь возле дома.
И стал я, оказывается, величиной с мышь.
Носик у меня маленький,
ушки мои маленькие-маленькие.
Стоят уши торчком,
вслушиваясь в мир, и слышат:
в доме том ребятишки таежные,
про меня песни поют, сказки сказывают...
Слышу я это,
и звериное сердце мое вздрагивает,

наполняется нежностью,
и с левого глаза роняю слезу,
с правого глаза роняю слезу.
На вторую ночь я доползаю
до дорожки, по которой женщины носят домой снег.
Оказывается, стал я величиною с белого горноста.
Ушки мои, стоящие торчком, слышат:
деревенские мальчишки меня славят,
деревенские девчонки про меня песни поют.
И сердце мое звериное
опять от счастья трепещет,
левый глаз мой роняет прозрачную слезу,
правый глаз мой роняет светлую слезу.
На третью ночь добираюсь до узкой
тропинки охотника, по которой он
за белками ходит.
А вырос я уже величиною с росомаху.
Шагами росомахи взад-вперед прохаживаюсь,
в деревне большой сыновья охотников
меня прославляют,
дочери охотников меня возвеличивают.
Левый глаз мой роняет светлую слезу,
правый глаз мой роняет счастливую слезу.
Назавтра настал ясный, божественный день.
Оказывается, я уже превратился
в священного зверя, в Медведя превратился.
И я, могучий Медведь,
шагаю в дремучий лес
исполнять свои дремучие обязанности!
Уф! Все!..

– Полегчало! – протянул Медведь, поглаживая лапой живот. – И как это у тебя так ловко получается! И песню про меня знаешь. А я ничего про себя не знаю. Почему, скажи-ка, я ничего про себя не знаю? А?!

– Скажу потом. Сейчас я устала. Не видишь, что ли. Плати скорей...

– Да постой ты со своим калымом. Помешалась, что ли? Ты мне правду открой. А ты мне одно... Калым, калым... Или ты ненормальная? Все ненормальные поют. Голос-то у тебя хриплый, противный. Но слова завораживают. Слушаешь – кажется, почти что правда...

– Не тяни, Медведь. Плати калым. Устала я...

– Скажи, кто ты? Калымщица?! Развелось вас тут... Я-то думал: провидец! Для калыма пела такую длинную песню? А я еще, дурак, развесил уши, слушал, как порядочную. А она, оказывается... Ишь чего захотела! Да не гладь меня! Если надо – сам себя поглажу. Калымщица несчастная! А ну, брысь отсюда! А то размахнусь – костей не соберёшь! Лапа-то моя еще медвежья! А ну, брысь-брысь! Иди подобру-поздорову!..

Росомаха исчезла в чаще леса.

8

Только Сергей вернулся из тайги, – не успел даже сбросить экспедиционное обмундирование, – как на пороге появился Илья-Аки.

– А, вернулся, странник! Сколько вод, земель померил? – заговорил он словами традиционного мансийского обращения к приезжему. Старик тряс его руку, похлопывал по плечу, задавал какие-то пустячные вопросы, на которые Сергей отвечал односложно, нехотя. По его возбужденному взгляду Сергей почувствовал, что он не только с этими словами пришел. И правда. Вдруг Илья-Аки будто подменили. Он заговорил таинственно и многозначительно:

– Слышишь, внучек, сказка-то сбылась. Не зря я сказывал... Напрасно экспедиция здесь Сорни-най ищет. – Старик хитровато подмигнул. Потом продолжал: – В Березове она! Там когда-то было наше самое священное урочище. Возле трех колдовских лиственниц, выросших из единого корня, стояла кумирня. В со-больем и куньем убранстве богиней золотой восседала золотая Сорни-най.

А недалеко от нее в другом капище сидел Айас-Торум. Тоже большой, тоже великий бог. Ночами на поляне горели костры. Бубен гудел. Шаман говорил... Люди слушали. Если кто-то

с кем-то ссорился – здесь мирился. Вожди родов с берегов далеких рек приносили клятвы в подтверждение мира, заключенного после многолетней кровавой вражды. Желаящие могли приобрести тут амулеты, приносящие удачу в любви и охоте. С великих и малых рек, со всех концов света шли сюда люди с молитвами. Большим духом был Айас-Торум. Великой слыла Сорни-най. О мудрости и силе ее до сих пор по тайге легенды кочуют.

Потом, не торопясь, Ильля-Аки достал из кармана трубку удивительно уродливой формы. Из кисета, расшитого обычным мансийским орнаментом, наложил махорки. Затем с такой же неторопливостью продолжал свой рассказ:

– Пришел на Север поп, разорил кумирни. И на том месте поставил свой небесный дом – церковь. Но таежные боги не дались в руки несшим железный крест. Они исчезли. Ушли в землю. Айас-Торум превратился в махар. По-русски это мамонт. Счастливые люди и теперь иногда находят его кости на берегу реки. Да и он сам нередко шумит в заводи, роет крутояр. Только никогда мамонт еще не ревел, не плевался горячей водой с песком, не дышал «мертвым духом»...

Сергей понял, что старик говорил о листовничном мысе, что на одном из холмов Березова. Каждой весной листовницы, как прежде, покрываются нежно-зелеными иглами. Эти или другие деревья были здесь в те далекие времена – неизвестно. Но доля истины была в словах старика.

Сергей сам был свидетелем одного события. Как-то во время весеннего разлива река размывла склон холма, и одна гигантская листовница наклонилась. Один березовский житель решил распилить дерево. Звенели, тупились пилы, вгрызаясь в твердую, как сталь, древесину.

Наконец лесина рухнула. И в тот же миг за грохотом падения послышался перезвон: из дупла струилась струйка серебряных кружочков. Это был клад монет разных веков и народов – сокровища Айас-Торума и Сорни-най.

Старик остановился, видя, что его не совсем понимают, потом, глядя в упор, произнес почти сердито:

– Ты что, не знаешь сказку о Священном быке земли – мамонте? Я же тебе рассказывал... О, ей! Молодежь! Вам и не-

вдомек, что в сказочное время живете! Сказки-то ведь сбываются. Чудеса кругом!.. В Березове знаешь что творится! Небо гудит. Земля дрожит. Деревья пляшут, как шальные. То сам Священный бык земли бесится. Он вырвался из плена земли. Ревёт. Плюется горячей водой, песком. Из его пасти летят камни огненные. А за ним следом с гулом и громом выходит Сорни-най. Наша золотая огненная богиня...

«Совсем спятил старик», – подумал Сергей, глядя на него с сожалением.

– Ты на меня не смотри так! Илья-Аки с ума еще не сошел. Илья-Аки вещи слова говорит. Езжай в Березово. И если в тебе еще есть какой-то слух – сам услышишь, как выходит на волю золотая наша богиня, как гудит проснувшаяся земля...

– В Березове газ фонтанирует! Открытие! Понимаешь, открытие! – кричал, как ошалелый, влетев в избу, приятель Сергея Венька.

– Поехали! Сейчас пароход подойдет...

В тот же день они были в Березове. Там действительно творилось что-то невообразимое. Еще за пятнадцать километров до пристани пароход как-то непривычно «зашумел». Загудели и машинное отделение, и палуба, на которую высыпали пассажиры. А гладь реки, где золотым бубном сияло осеннее солнце, вся дрожала. С песчаного берега, черневшего стаями гусей и уток, несся не птичий гомон. С каждым поворотом реки шум рос. Не слышно стало ни шипения лопастей, ни гудения в машинном отделении. А когда показались дома поселка, раскинувшегося на холмах, загремело, кажется, и небо. Грохот стоял над Берёзовом.

Но это был не небесный гром, а крик земли, проснувшейся наконец-то от векового сна. За каменной школой, на краю поселка, там, где стояла буровая вышка, ревела земля

Венька кидал в небо фуражку и, как мальчишка, о чем-то кричал. Голоса не было слышно. Но глаза, лицо и весь вид его выражали торжество и неописуемую радость. Чему бы радоваться? Грохоту земли, гари и копоты, горячему дождю, летевшему сверху?

Верхушки кедров и сосен почернели, будто съежились. Огромными изломанными макаронами валялись трубы. На подступах к скважине копошились люди. Они, видно, пытались усмирить, закрыть скважину. И, время от времени отскакивая, как ужаленные, снова и снова приближались к ней. Они были явно не в веселом настроении. Сверху лил горячий дождь с песком. Окна домов стали белыми, будто просоленными. Пахло «мертвым духом». Слова Ильля-Аки походили на правду. Только это был обыкновенный газ, а не мифическая Сорни-най и ее помощник мамонт...

Ревела земля. Говорило Березово. И все о случившемся. Скоро Сергей узнал некоторые подробности.

Случилось это ночью. Яркие сентябрьские звезды так и не вышли из-за густой и мокрой шерсти туч. Уснули и последние огоньки в домах. Березово спало своим привычным вековым сном. Лишь изредка эту дрему нарушал ленивый лай дворняжки. Даже монотонный шум дизеля, казалось, баюкал, навевал сны. Буровая стояла на краю поселка. Рядом с ней кедровые деревья уже не смотрелись великанами... Но и тайга, казалось, не обращала внимания на гудение одинокой буровой.

«Позвякают трубы, погремит лебедка – да и снова все замрет. В этом гиблом краю какая нефть, какой газ!» – говорили скептики. Их, видно, было не мало, потому что скоро на эту буровую действительно махнули рукой. Партии геологов уходили на юг, в более «перспективные районы на нефть», как тогда выражалась. Рабочие, оставшиеся добурить скважину, трудились без особого старания. Порою даже нарушали элементарные правила. И на этот раз не оборудовали устье скважины фонтанной арматурой...

Темень окутывала буровую. Рабочие смены поднимали трубы. И вдруг земля рявкнула, взревела. Стальные трубы ракетой рванулись в небо. Потом искорёженным железом рухнули на тайгу. Трехтонный кронблок, словно мячик, взлетел вверх, а падая, смял под собой трёхсотлетний кедр, возле которого, быть может, не раз прохаживался сам светлейший князь Меншиков, сосланный в Берёзово после смерти Петра.

Фонтан горячей воды с песком взмыл к тучам. Грохот и мрак стояли над ночным Березовом. Люди выбегали из домов, в испуге спрашивали друг друга:

– Не земля ли перевертывается?

– Может, бомба?

– Наверно, мамонт наконец-то вырвался из векового плена земли?

И люди, говорят, бежали с мешками, с вёслами реке, чтобы переправиться на другой берег. И мало кто из них мог предположить, что он был свидетелем начала «открытия века» – как потом назовут тюменскую нефть и газ.

Гремела земля. Плясала огненная богиня. И танцы в районном Доме культуры, казалось, стали веселее и задорнее. С шумной буровой приятели направились прямо в Дом культуры. По субботам и средам здесь собиралась вся молодёжь. Кто играл в шахматы, кто гонял бильярдные шары или листал журналы в читальном зале, а кто кружился в танцах.

На дамский вальс пригласили и Сергея. Не верилось ему, что его может пригласить девушка, как эта, – красивая, нежная, с ласковым, тёплым взглядом. И имя у нее нежное – Светлана. Может всё происходит в сказочном сне? Пыльные ботинки его скользили по полу, а голова чуть кружилась, как плавные звуки «Амурских волн». Этот вальс Сергей любил слушать по радио. Но не думал, что эти волны так сказочно прекрасны, как синие глаза Светланы.

Она спрашивала его о тайге, о товарищах, о работе, а он молча кивал ей, любуясь украдкой ее утонченно-матовым лицом, будто выплывшим из любимых стихов Блока, пшеничными волосами, губами, сочными, как таежная брусника. Брусника, сладкая поздней осенью... А груди у неё как две волны. Чуть коснутся – обжигают. И трепет какой-то плывет по телу. И волнение. Тайное. Неизъяснимое. И она вся как лирическое стихотворение. Звучит, плывет, кружится.

Но вдруг баян замолчал. Пары на мгновение замерли, а потом, разбившись, поплыли по залу. Сергей проводил Светлану до группы девушек, стоявших у расставленных вдоль стен кресел с откидными спинками, нехотя поплелся к группе парней,

где в широких брюках клеш о чём-то весёлом уже шумел его друг Венька. Ребята были свои, геологи. Только из других отрядов. Сергей их видел и не видел, слышал и не слышал. И хотя объявили о конце вечера, в душе его звучали звуки вальса, и казалось, он продолжал плыть по волшебным волнам...

А на краю поселка по-прежнему гудела земля. Только у пляшущей огненной богини теперь был определенный вид. Утонченное матовое лицо, пшеничные волосы, две трепетные волны-груди, синие, как небо, глаза, и вся она как недочитанное стихотворение, полное волшебства и тайны...

9

Фыркали железные кони. Огнем сверкали их стеклянные глаза. Стонал снег под полозьями саней, каких тайга еще не видывала. Это были не сани-розвальни и не оленьи нарты, а дома, поставленные на лыжи. Как в любом жилище, в них были окна, а над крышами – трубы, над трубами – дымок.

– Как называется это чудо-жилище, которое движется? – спрашивали удивленные северяне.

– Балками, – отвечали хозяева.

– А вы кто такие? Почему вам не живётся в обыкновенных домах?

– Мы сейсмики!..

Фыркали железные кони. Огнем сверкали их стеклянные глаза. Стонал снег под полозьями... Это врубались в тайгу партии сейсмической разведки. Они пришли сюда вслед за топографами. И были вооружены не только топорами и пилами. Загремели в глухой чаще тракторные тягачи, потянули за собой по просекам «балки». Сейсмики пришли сюда, чтобы с помощью чувствительных приборов «прощупать» землю, отыскать в недрах пласты, в которых скопляются нефть и газ.

Если бы не «заговорило» Березово, то сейсмиков, как и буриковиков, повернули бы на юг. Не быть бы им здесь!

Если были споры о гиблой тайге – они на время замолкли. И разговоры о бесперспективности поисков тоже смолкли. Березово, как в древние, языческие времена, стало словно бы «снова священным». Сюда потянулись люди. Даже прилетели из Моск-

вы... Кто верил в сибирскую нефть – тот в Берёзове становится крылатым. Кто в счастье верил – смело шагал в Берёзово. Кто о романтике мечтал – не обходил Берёзово. Шумно стало в Берёзове.

Сергей впервые ехал на тракторе. До этого он ездил только на лошадях да катался иногда на оленях. В ушах грохотало. Гремели, кажется, и деревья, стоявшие по обе стороны просеки.

Только по этой, прямой как стрела, просеке ехали как-то «непрямо» Трактор то подпрыгнет, то чуть замрёт, то снова рванёт, как разъярённый конь. Сергею скоро показалось, что в этой адской тряске начинают греметь и его кости.

И когда замолк гул мотора и сквозь мутное стекло заструились весёлые огоньки, он выскочил из кабины, как ошпаренный. Пришел в себя только в балке, где не царствовал уже запах железа и бензина. В балке было довольно уютно. От печи веяло теплом. По стенкам полки, как в каюте парохода. Хоть тесно, но лучше, чем в открытой лодке. И не сравнишь балок с шалашом охотника, где ветер свободно гуляет, где спишь на еловых ветках. Хороший дом – балок, мудрый дом – балок. Это потом уж Сергей почувствовал.

Загудит трактор, потянет – оживает балок, чуть покачиваясь, движется по просеке. А ты сидишь в доме – и едешь. Хотя тебя порой и тряхнёт, а ты едешь, пляшут дрова у печки, валяются книги с полки, позванивают чашки на столе, а ты сидишь, а дом-балок едет на новую стоянку, где опять будут «обстреливать землю».

А что такое «обстреливать»? Разве в тайге война?

Нет! Это сейсморазведка. Занятие вполне мирное. Взрывом, похожим на маленькое землетрясение, «прощупывают» земную кору.

В одном из балков размещается сейсмостанция. И главный там – Венька, его друг. Он сидит за аппаратом, незнакомым ещё Сергею. Плавно, как по клавишам, ходит его рука.

– Готов ли ты? – кричит он в телефонную трубку. – Так принимай команду!

Потом весело подмигивает Сергею. Мол, смотри, учись. Довольно баловаться охотой. Пора и коренным жителям приниматься за серьёзные дела.

На том конце провода о чём-то говорят. Но их слов не разобрать. На улице шумит трактор. Венька возмущается, ругает зачем-то тракториста. Наконец шум замолкает.

– Внимание! – раздаётся команда.

Потом в телефонной трубке чей-то простуженный голос спрашивает:

– Ты готов?

– Так точно!

– Внимание!

– Есть!

Венька нажимает на кнопку и одновременно командует в трубку:

– Огонь!

И вековая тайга, знавшая лишь крик звериный, вздрагивает от взрыва.

Выключив моторчик, Венька вынимает кассету. Отдавая её проявителю, самодовольно восклицает:

– Отлично стрельнули!

Просьпается трактор. И балок опять качается до новой стоянки, где запланирован следующий выстрел. Пока едут – Венька рассказывает. Он сегодня не только обучает своего друга-таежника, раскрывая ему секреты операторского искусства, но и «вталкивает в него» азы геофизики. Знаешь, что такое сейсморазведка? – обращаясь к Сергею, спрашивает Венька. Видя в пытливых глазах интерес, продолжает: – Взрыв... И волны мчатся в толщу земной коры, чтобы, встретив преграду, вернуться назад. Механизм осциллографа, который я включал, эти волны запечатлевает на фотоленте. Проявитель сделает их след живым, зримым. Для тебя, непосвященного, это непонятные пустые зигзаги. Для инженера-интерпретатора о многом говорят эти лучи-молнии. Он может переложить их технический язык на человеческий. Вот вырисовалась структура, скажет он. Перспективная. Здесь, в такой ловушке, может быть нефть и газ. Найти такую структуру – значит подойти вплотную к открытию. Но до

нее путь еще долог. Пока буровики привезут станки, начнут бурить, испытают скважину. Если структура не пустая – будет фонтан нефти или газа. Последнее слово всегда за буровиками. Но без сейсмиков и их труд был бы холостым!.. Вот что такое сейсмика!

Железно ржал трактор. Качался балок. Замирал железный конь – раздавался над тайгой взрыв. Маленькое землетрясение. Считанные секунды работает лентопротяжный механизм.

Оператор Венька становится учителем. Сергей его жадно слушает. Потом пробует сам... И эта кочующая дорожная жизнь становится привычной для сына охотника и рыбака.

Но чувствовал ли себя Сергей разведчиком недр? Пожалуй, нет. В нем жило что-то другое. В свободное от работы время, когда случалась непредвиденная заминка, он, как и прежде, бегал на охоту. А вечерами, когда в жарко натопленном балке другие «жарились» в карты, он при слабом свете электричества уносился в мир книг. А иногда просто думал. Тайна «Золотой бабы» не переставала его волновать. Наоборот, проходя с отрядом сейсмиков по местам, где, казалось, не ступала еще нога человека, он все больше и больше думал, что вот-вот где-то здесь может быть раскрыта тайна, которая многие века волновала умы людей.

Однажды Венька, увидев Сергея с газетой в руках, посмеялся над ним. «Не о той ты бабе мечтаешь, друг мой. Пора тебе познакомиться не с идолом золотым, а с золотой девушкой. Как, бишь, ее там звать? Светланой?» – и не договорил, увидев, как побледнел Сергей. Со дня той первой встречи прошло две недели, а Сергей до сих пор никак не осмелится к ней подойти. «К чему терзать себя какими-то пустыми мечтами, надеждой?! – думал он, проклиная свое легкомысленное влечение. – Такие парни выются вокруг нее. И с кем захотел сравниться!..»

Он старался всеми силами не думать о ней. Но она упорно являлась во сне. То обнаженным золотым изваянием стыла вдали, то возникала совсем рядом живой, теплой, обыкновенной девушкой. Сергей боялся даже смотреть на нее, чтобы не спугнуть ее неосторожным взглядом. Она садилась у его кровати, строгая и внимательная, как медицинская сестра. Тонкими,

нежными пальцами чуть-чуть касалась его лба и волос, и ему становилось легче. Он чувствовал себя тяжелобольным и несчастным. Больнее и несчастнее других, лежащих здесь же. Почему-то во сне он видел себя в палате. А палата большая-большая, как тайга. А больных много-много, как деревьев в лесу. И на всех одна сестра. Она, Светлана. Сергей понимал это. И все же ему так хотелось, чтоб она дольше посидела около него. Может, потому, что у него никогда не было сестры? А ведь так и мечталось, чтобы сестра была настоящей, а не медицинской.

А то становилась она еще ближе и родней. Как жена. Ложилась рядом с ним. И тогда огромная палата превращалась в маленькую, но светлую и уютную комнату. И деревьев больше не было. А на тумбочке стояла ее фотокарточка в необыкновенной рамке, которую он сам вырезал из лиственницы, из долговечно-го дерева.

Это было во сне. А в действительности у него только фотокарточка. Без всякой рамки.

И у фотокарточки этой была своя, в чем-то тоже необычная история.

Как достать фотографию человека, если с ним ты не встречаешься, не разговариваешь, но живет он в поселке, где и тебе случается бывать? Разве так трудно?! Наверно, можно. Во всяком случае, гораздо легче, чем жениться или добиться взаимности в любви. Но как это сделать?! Попросить у нее? Но это невозможно. Он не только подойти, но и издали встретиться взглядом с нею стеснялся. И все же встречаться приходилось. Как и все рабочие сейсмической партии, возвратившись с поля, Сергей шел в контору. Но увидев ее, он терялся до того, что порой даже забывал сказать привычное «здравствуйте!». И, может, потому работники конторы, как ему казалось, пристально рассматривали его каждый раз, словно какую-то небыль.

Можно было попросить кого-то из знакомых ребят сфотографировать ее. Кое у кого были свои фотоаппараты. Но тогда ведь... Засмеют! Люди на язык остры. А в таком деле... Нет, никто его не поймет. Даже Венька.

Единственный выход: купить фотоаппарат, научиться самому снимать и где-то незаметно щелкнуть. Решено – сделано.

Самое трудное было сфотографировать. Долго охотился за удобным случаем. Но однажды все же удалось совершить заветное. И вот – фотография в кармане. Ее лицо, глаза, губы... Теперь она была с ним всюду: в дороге, в тайге, в углу родного дома.

Только наяву ее вскоре не стало: перед Новым годом она уволилась. Уехала в свой город – Москву. И Сергею уже казалось, что легче найти и увидеть таинственную Золотую богиню, чем Светлану.

10

Раньше человеку, родившемуся в тайге, конечно же, не приходилось ломать голову о выборе профессии... Еще в звонком детстве тайга манила его в свою таинственную лесную чащу, где порхали крылатые игрушки-рябчики, скакали белки по ветвям, пели глухари на заре, бродили медведи. А уж когда юношеские руки-ноги наливались силой – узкие таежные тропы сами ложились под ноги, не надо было слишком думать – по какой идти. Всюду тайга. А в ней – все, что нужно для жизни: вкусное мясо, пушистый и красивый мех и радость удачи на промысле. Радость удачи охотника! Может, это главное, зачем он долгие-долгие месяцы пропадал в урмане. А вернется охотник – глаза сияют и у маленьких, и у больших. Попросят показать мех, умоляют рассказать, где, что и как... Для того, наверно, на Севере длинны зимние ночи, чтобы поведать охотнику про свои нехитрые лесные приключения. А что на этих вечерах не успеет выложить – на медвежьем празднике покажет в огненных плясках, песнях, присказках и сказках.

Если неудачна охотничья тропа – можно испытать себя на рыбном промысле. Река такая же кормилица, как и тайга. И большую рыбу не всякий поймает. Но мечтать о ней может всякий. Потому что рыба в речке плавает. А речка рядом. Не надо долго гадать, по какой тропе из деревни спуститься к звонкой и веселой воде.

Если охотником и рыбаком не хочешь стать – можешь завести оленей. У оленевода – длинная дорога, вечная дорога. Жизнь оленевода – вечное каслание. Синие ветры поют ему

свои песни. И у каслания есть своя радость и сказка... Так что три дороги стелились перед таежником, когда он вступал в жизнь: охота, рыбалка, каслание. Одна дорога была у женщины Севера: выйти замуж за обладателя одной из этих дорог.

А сейчас столько дорог распахнулось перед Сергеем в миг его вступления в жизнь, что закружилась голова, затуманилась! Да так, что не выберешь ни широкую, ни узкую, ни длинную, ни короткую.

Вернувшись тогда в райцентр с «поля», Сергей встретил на улице Юлию Семеновну, свою бывшую учительницу. Она преподавала историю. На ее уроках Сергей каждый раз уносился мысленно в далекие времена и чувствовал себя почти что участником, а не посторонним наблюдателем памятных великих и малых событий. Неизвестно, всех ли Юлия Семеновна околдовывала так, но над Сергеем она явно имела власть. Встретив Сергея, она вся засияла, засветилась. Похлопав по плечу, похвалив его за успехи в работе (про Сергея написали несколько строчек в местной газете), она уже с серьезным выражением лица сказала:

– Есть путёвка. Одна. Одна-единственная пришла на весь интернат, и никто не хочет... в учителя. Геология, техника в моде... А кто, скажи, детей этих геологов будет учить? А история?! Это же предмет особый!.. Если игнорировать историю, если все забыть... Самые высокие завоевания техники могут превратиться в прах!.. Чтобы успешно строить будущее, надо помнить прошлое...

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Сергею давно уже казалось, что от Юлии Семеновны трудно что-то утаить. В данном случае Сергею было таить нечего. Он был просто расстроен. Так неожиданно все. Давно об институте уже он не думал. После открытия Березовского месторождения газа все переменялось в этом крае. Понаехало в Березово столько народу, что в домах не найдешь свободного уголка, приедешь в райцентр – и спать порою негде, хоть чум ставь посреди улицы. Да и на улице стало шумно. Люди, машины. День и ночь шумят, галдят, спуют. Но за этой внешней суетою таилась большая и трудная работа. За год работы в геологических партиях Сергей

стал привыкать к этому новому ритму железного каслания, который принесли в его край разведчики недр. Он уже не понаслышке знал о суровой романтике жизни геологов. Сам на своих плечах вынес многое. И слова любимой учительницы на первый взгляд показались ему какими-то странными. Но сама мысль поехать учиться в Ленинград, которая жила еще в школьные годы, вдруг неожиданно загорелась в нем.

– А что, и поеду! – радостно воскликнул он, не задумываясь особенно над смыслом сказанных слов. – Если не шутите...

– Какие могут быть шутки. Вот сейчас отказался выпускник наш. Эх! – она сердито назвала его имя, махнув рукой, продолжала: – Тоже в геологи ушел! А на него так надеялись! Впрочем, в институт людей найти нетрудно. Всегда найдутся желающие. Да только лучших бы надо. Хорошо, что тебя встретила...

Ленинград показался Сергею знакомым. Будто он здесь когда-то жил. Гранитные набережные, мосты над водами. Адмиралтейская игла, Эрмитаж, каменные сфинксы... Только строгие очертания дворцов были какими-то серыми, покрытыми пылью, и асфальт прямых, как стрела, проспектов не сиял, как в кино и на открытках. Лишь Нева иногда сверкала искристой улыбкой, как величавая река Обь, когда на ней играло случайно забредшее сюда солнце. Солнце, казалось, осталось на севере. Здесь же были сияющие огнями театры, каменные библиотеки с толстыми книгами, шумные студенческие аудитории.

Когда Сергей ехал в Ленинград, то думал, что будет учиться в институте народов Севера, о котором так много слышал. Оказывается, такого вуза уже не было. Так многие почему-то называли северное отделение Педагогического института имени Герцена, куда был послан по путёвке Сергей. Наверное, по традиции. Некоторые традиции «Чудесного чума», как называли когда-то первые студенты-северяне свой институт, и в самом деле продолжали жить. Здесь была кафедра языков народов Севера. Студенты изучали родные языки. А некоторые преподаватели были выпускниками того института. И как в те далёкие годы, сюда по-прежнему со всех концов Севера ехали дети охотников и рыбаков, оленеводов и зверобоев. Только в отличие от

первых сейчас уже приезжали молодые люди с аттестатами зрелости. А тогда...

... 1925 год. Осень позолотила старинный парк. Среди вековых деревьев играет костер. Потрескивают поленья, летят искры, вьется дымок. Как в тайге, играет огонь. Как в тундре, огонь весел и щедр. У огня – люди. Они в меховой одежде, украшенной северным орнаментом. Рядом Екатерининский дворец, где совсем недавно жили цари. В старинном парке горит костер, и люди – в причудливой одежде. И кое-кому из прохожих, может быть, покажется это экзотическими сценами кино-съемки. Но это было не представление, а обыкновенная жизнь. Какой же таежник или житель заполярного приморья не любит посидеть у ласкового огня. Даже если он приехал в большой город учиться! Не поэтому ли первых посланцев Крайнего Севера – вчерашних рыбаков, охотников, оленеводов, зверобоев – и поселили временно в роскошном Екатерининском дворце, рядом с которым, как в тайге, тянулись к небу настоящие живые деревья.

Их было немного: всего девятнадцать парней. Ханты и манси, ненцы и нанайцы, саами и юкагиры, эвенки и чукчи. Что им предстояло? Им предстояло в считанные годы сделать шаг через тысячелетия. Сохранив святое отношение к высокому дереву и ласковому огню, они должны были признать могущество нового духа – книги. Так оно и произошло. Неграмотные еще вчера дети тайги и тундры, оказавшись в городе Ленина, вскоре будто переродились. Нет, они не забыли про огонь и живые деревья, но книга пробудила в них нового охотника. Страницы как снег. Буквы как следы. Чьи это следы? Нет, не зверя! Мысли ходили по этой странице. Мысли остались на этой странице. Звери бьются большими и маленькими, ценными и неценными. Следы оставляют все. Но не каждый след приведет к большой добыче. А по следу большого зверя идти опасно и трудно. Но в этом есть наслаждение, азарт. И гонит охотник большого зверя с большим напряжением силы и страсти, чтобы иметь большую добычу... Страницы как снег. Буквы как следы. Если мысли ходили по этой странице, то какие они: большие или маленькие, добрые или злые, сиюминутные или вечные?

С азартом охотника северянин припал к книге. И пошел, пошел, пошел. Страница за страницей, том за томом, добывая живую мысль, открывая иные миры. А их оказалось много-много. Больше, чем зверей в тайге, в тундре, в богатом прибрежье студеного моря. Велик азарт охотника! Добыл большого зверя, снял с него шкуру – мало! Позвать бы народ, повеселиться бы! Да перед звериной головой, сидящей за богатым столом, показать людям свое искусство, рассказывая про свои приключения по дремучей тайге в погоне за этой добычей, и про думы свои поведать, про горе, про счастье, и предков своих вспомнить, воскрешая их песни, сказки. И жизнь встанет во всем волшебстве своем и загадочности. Так и поступал охотник в древности.

Почему бы не поступить так же и сегодня? Устроить игрище на страницах книги, рассказав про свои думы, выложив песни, сказки. Так и сделал прозревающий северянин. Сначала помогал учителям своим созданию письменности на родном языке. Первый букварь, словарь, учебник. Потом книжку перевел. Затем написал свою...

Так было с первыми северянами, попавшими в город Ленина. И хотя теперь на северном отделении Педагогического института готовились не творцы книг, учебников, исторических исследований, а обыкновенные школьные учителя, традиция, заложенная первыми учеными-североведами, передавалась новым поколениям студентов. В студенте нового времени просыпался тот самый первый охотник. В студенте вновь просыпались века. Он чувствовал себя древним-древним, в то же время очень молодым. Он уносился в будущее. Будущее казалось только прекрасным. Но институт готовил учителей. Учителя – народ серьезный и студенты, готовящиеся стать учителями, тоже народ серьёзный. И среди них вдохновенный юноша, вообразивший себя творцом, увлекающийся загадочным прошлым своего малого народа, уносящийся в лучезарное будущее, созревшее в его пламенном мозгу. Он то молчалив, угрюм, как тайга, то дерзок, как сиверок¹⁰. То целыми днями пропадает в библиотеке, уткнувшись в книгу, то ночью бушует в коридоре общежития, споря с товарищами.

¹⁰ Сиверок – северный ветер.

Ему обо всем надо вынести свое суждение. Он чувствует себя творцом. А разве творец имеет право на молчание? И он говорит.

Устно и письменно, стихами и прозой. Грозится выпустить даже книгу! На родном языке и на русском!

На лекции ходит. Но не на все. Если и придет на методику преподавания – то занят чем-то загадочным.

– Чем вы занимаетесь? – возмущается преподаватель методики преподавания русского языка. – Почему не работаете со всеми?

– Я работаю. Разрабатываю методику сложения стихов. На моем родном языке их никто не складывал!

– Мы учителей готовим, а не стихотворцев!

Это, конечно, правда. Но разве он может забыть про стихи... Нет, и еще раз нет. С любопытством Сергей поглядывал на шумных стихотворцев. Их увлеченность и страсть рождали зависть. Правда, их творениям Сергей, как и многие другие серьезные студенты, не придавал значения. Разве все их «творчество» сравнишь с творениями настоящих поэтов! В них столько мыслей, чувств! Они будто волшебники. И все же молодые северные стихотворцы вызывали в нем зависть и его самого все сильнее влекло к творческой деятельности. Правда, история как наука его по-прежнему волновала. И он с удовольствием посещал лекции. И читал намного больше, чем задавали по программе. Но к чему все это? Учеба в институте порой ему казалась пустой тратой времени. И он, возможно, и оставил бы институт, если бы не тайна «Золотой бабы». Мечта открыть эту тайну разгорелась к концу первого года учебы с новой невиданной силой, когда он прочитал о ней в старинных книгах из Публичной библиотеки. С пожелтевших от времени страниц выплывала «Легенда о "Золотой бабе?". Самые подробные сведения о тайне «Золотой бабы» Сергей нашел в объемистой книге М. П. Алексеева «Сибирь в известиях иностранных путешественников». В тетрадь, которую он теперь носил с собой постоянно, переписал:

«Рассказ о "Золотой бабе" приобрел большую известность в западноевропейской литературе ХУІ и первой половине ХУН века; редкий писатель, говоря о Московии, не упоминает о ней.

В русской литературе впервые, кажется, она упоминается в софийской первой летописи под 1398 год по поводу кончины Стефана Пермского, где сказано: «Живяще посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона водящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и "Золотой бабе", и волхвам, и древью».

«Далее, в послании митрополита Симона "Пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам" (1510 г.) говорится о поклонении пермичей «Золотой бабе» и болвану Войпелю. Однако в чем заключается это поклонение – из послания не видно, но, вероятно, до митрополита доходили очень скудные сведения об этой религии».

Поляк Матвей Меховский около 1517 г. получил известие от пленных московитян, находившихся в Кракове: «За землю, называемой Вяткой, при проникновении в Скифию, – пишет он, – находится большой идол "Золотая баба". Окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто, проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без жертвоприношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстинку и, благоговейно склонившись, проходит мимо».

Следующим иностранцем, подробно описавшим идола был Герберштейн. Сигизмунд Герберштейн, посол могущественного Максимилиана I, императора Священной Римской империи, побывавший в Москве в 1517 году, в своей книге «Записки о Московии» вот что писал: «"Золотая баба", то есть Золотая старуха, есть идол у устья Оби, в области Обдоре; она стоит на правом берегу. По берегам Оби и около соседних рек рассеяно много крепостей, которых владельцы, как слышно, все подвластны князю Московии. Рассказывают или справедливо баснословят, что этот идол «Золотой бабы» есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребенок, который, говорят, ее внук. Кроме того, уверяют, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного. Если это и так, то, по моему мнению, это делается оттого, что ветры сильно и постоянно дуют в эти инструменты...»

Сергей переписал в тетрадь и примечания М. П. Алексеева к этой увлекательной легенде о том, что, как и изображение на европейских картах, так и описание «Золотой бабы» уже в XVII веке пережило известную эволюцию. У Меховского (1517) она представляется обыкновенной женской статуей; на карте литовца А. Вида (1542) она изображена в виде статуи, держащей рог изобилия. В копии карты, сделанной Хогенбергом (1570), она приняла вид мадонны и держала ребенка в руках. Изображение «Золотой бабы» на латинской карте Герберштейна походит на статую Минервы с копьем в руках, но на его же немецкой карте (1557) она опять представлена Золотой старухой, сидящей на троне с ребенком в руках; наконец, на карте А. Дженкинсона (1562) «Золотая баба» изображена также мадонной, но не с одним, а уже с двумя детьми...

Эти изменения, которые претерпевало изображение «Золотой бабы» на Западе, говорили, конечно, о том, что сведения, доходившие о ней, были сбивчивы и противоречивы, поэтому при изучении вопроса было бы рискованно всецело основываться на европейских известиях, а тем более рисунках.

Хотя одно обстоятельство заслуживает полного внимания: чем позже встречается рассказ о «Золотой бабе», тем дальше на восток отодвигается ее местопребывание; сначала помещают на территорию Вятки или Перми; на карте Вида она помещена на Обь или даже восточнее. У шведского дворянина Петрея (1620), например, который сравнивает ее с Изидой, она помещена именно на берегах Оби. В XVIII веке известия о «Золотой бабе» почти совсем прекращаются, хотя еще у Левека в его истории России мы найдем весьма фантастическую картинку с ее изображением. Перемещение идола с запада на восток – факт несомненный и требующий объяснения.

За Уралом, который тогда называли еще и Рипейскими горами, начиналась страна «Золотой бабы». Таинственная и загадочная страна без конца и края. Что больше интересовало иностранцев: этот золотой истукан или сама неизведанная земля с ее нетронутыми сокровищами?

И легенда о «Золотой бабе» – Сорни-най – казалась Сергею еще загадочней и таинственней, чем в газете, которую он когда-то

читал, и в то же время все это походило на правду. Ведь писалось о знакомых ему местах. На страницах с причудливыми рисунками словно прорастало само время, и эта удивительная история уже не казалась выдумкой; она влекла, звала на поиски...

11

Просека спускалась к таежной речке. Широкие мансийские лыжи неслись под гору. В ушах запел певучий ветерок. Ветви деревьев махали белыми руками, осыпая Сергея веселой радугой снежной пылицы. Живая вода, черневшая на каменистом перекаате, летела навстречу, угрожая не только намочить ноги, но и поломать лыжи. Чтобы остановить этот быстрый спуск, Сергей сначала присел, потом прилег на бок. Скрипучая снежная пороша, хватая его цепкими руками, какое-то мгновение мчалась вместе с ним. Сергей лежал в объятиях снега. Сквозь запорошенные ресницы смотрело на него холодное зимнее небо. В его молчаливом взгляде было что-то утреннее, озорное, веселое. Сергей вдруг почувствовал себя как в детстве. Вода на каменистом перекаате булькала, журчала, как в те сказочные дни детства.

Речка уже была белой: первые морозы заковали ее в ледяной панцирь, а снег прикрыл ее пушистой шубой. Лишь на каменистом перекаате чернела игривая вода. Она здесь была живой и звонкой. Сергей узнал ее знакомый с детства голос. Она приветствовала его, как обычно, весёлым журчаньем. У кромки льда следы. И помет свежий, чуть подмерзший. Выдра выходила из воды. Ела, наверно, пойманную рыбу. Потом каталась, резвилась. Всё – как прежде.

Когда-то здесь охотился отец Сергея. На обрывистом берегу, где песок и галька, стояли его ловушки на глухарей. И Сергей здесь бывал не раз с матерью, когда она была еще охотницей.

У каменистого переката Сергей присел на валун, припорошенный снегом, и, глядя на бурлящие струи, стал вслушиваться в песню воды. Открытая вода ему всегда казалась какой-то особенной, чуть ли не волшебной. Она являлась в его сны, журчала, смеялась довольным смехом чайки, плакала плачем гагары, лепетала лепетом лебедя, поднималась ввысь на крыльях острокрылых уток. А то, спокойная и ясная, как глаза любимой, глядела в синее небо.

Вода на каменистом перекате была, как прежде, живой. Вырываясь из ледяного плена, она торопливо что-то говорила, будто исповедовалась. На берегу этой речки его всегда охватывало какое-то особенное чувство. И не случайно, Это была речка маминой песни. А песня эта такая:

Речка моя искристая,
бегущая по камням шершавым.
Ты моя песня недопетая,
Не досказанная мною сказка.
На этом мысу, где лиственницы
Высокие, как бегущие тучи,
он целовал меня и звал
выйти за него замуж.
А на том берегу песчаном,
где глухари токовали,
под песни веселой весны,
я согласие дала
бежать из родного дома
в его холостую жизнь.
А на этом плесе сияющем
ловили мы вместе рыбу.
Рыба была большою,
как счастье в наших глазах.
На ветках играли белки,
и соболь по снегу скакал...
Где же, где же теперь
то соболиное, кунье счастье?
Его увез пароход –
большая огненная лодка.
Зачем ты сел в пароход –
на лодку с железным сердцем?
Стоит тайга сиротою,
ветви под ветром стонут.
Тропа твоя охотничья
мхом-травой зарастает.
Лишь речка, как прежде, искрится.
Меж камней шершавых и склизких.

То слезы мои соленые,
то песня моя живая...

Речка маминой песни сегодня была седой. Ее заковала в лёд стужа времени. Лишь на каменистом перекате она как прежде пела.

А ведь когда-то здесь была весна. Мамина весна.

По еле заметной под снежком тропке Сергей поднялся на мыс, где тянулись к небу одни лишь лиственницы. На самом берегу, над перекатом, на небольшой поляне стоял перекосившийся, почерневший от времени домик. В этом домике в детстве не раз бывал Сережа – и осенью, когда по перекату ползли метровые щуки с седыми глазами, и зимой, когда играла белка, и весной, когда глухари справляли шумные свадьбы.

Это избушка Ильля-Аки. Он построил ее после войны. А рядом когда-то стояла другая, старая-старая избушка. В ней дедушка жил, когда ходил на промысел. И отец с матерью здесь поженились. Однажды она случайно поведала эту историю.

Речка называлась Ялпын-я. Ялпын – по-мансийски «священный». Я – «речка». Священная речка. Рыбу в ней почти не добывали. И леса вокруг нее считались заповедными. Только в голодные годы люди отважились идти сюда на промысел. Последнее слово было за седым, как ягель, Аки. Эти священные урочища принадлежали его роду. Сергей помнит только его бороду, острую, как хвост птички, и глаза с пронизывающим взглядом. Сергей боялся этих глаз. И все же бороду его любил трогать. Аки был его родным прадедушкой. На Сережу он не сердился. Наоборот, он иногда был очень добрый и даже играл с ним. Зато отцом Сергея он почему-то был очень недоволен. Из маминого рассказа кое-что прояснилось.

В деревне появился учитель. Он своими рассказами не только детей завлек в школу, но и со взрослыми стал находить общий язык. Они собирались по вечерам в школе, рисовали, как маленькие, на черной доске какие-то загадочные белые узоры, которые назывались буквами.

Из Березова приезжали большие начальники. У них было два имени: Совет-лашь и Коммунист. Опять сначала с молодыми

беседовали, потом уж со стариками. Старикам было обидно. И потому мало кто из них изъявил желание жить колхозом. Каждый хотел жить своим умом.

А у молодых появилось громкое имя – колхозник. Отец Сергея получил вдобавок еще одно имя – бригадир. И потому мало приходилось ему спать. Нужно было выполнять план. А рыба в тот год, как назло, не шла в ловушки. И тогда бригадир вспомнил про священную речку, где ему в детстве, в голодное время, не раз приходилось бывать с отцом. Когда в других реках и в широкой темноводной Сосьве и даже в великой Оби нет рыбы, в этой речке ее хоть руками черпай. И потому в доме Аки никогда не голодали. Напротив, в голодный год все с еще большим уважением и трепетом относились к Аки, чем прежде. Но лишь наиболее чистые и незапятнанные охотники и рыбаки получали права промысла в заповедном урочище Аки.

Теперь хозяином чувствовал себя и бригадир, хотя был еще молод и неженат. У него в Березове был друг, у которого в кармане было маленькое ружье. А еще в том была его сила перед односельчанами, что он вместе с председателем летал на крылатой лодке в большую-большую деревню – город Ханты-Мансийск. И все это имело особое значение в его отношениях со стариками. Некоторые из них стали смотреть на него по-другому и даже изъявили желание вступить в колхоз. Правда, у них уже не было другого выхода: покосы, лучшие промысловые угодья принадлежали колхозу. И им поневоле приходилось обращаться не только к председателю, но и к бригадиру. Большие начальники хвалили бригадира, обещали опять повезти на крылатой лодке. Только надо было побольше рыбы поймать. И тогда...

Своими планами бригадир поделился не с отцом, а с товарищами, комсомольцами, председателем. Большинство поддержало его. Решили действовать. Только не хватало орудий лова. В райкоме партии, куда обратилось правление, не только поддержали, но и похвалил и тут же оказали помощь: разыскали и невод, и мережу. Оставалось главное: выйти на лов рыбы в священной речке. А это было делом не простым. Старики не дремали. Они тоже готовились. В день отъезда молодых на рыбалку

старики отправились в священное урочище, которое находилось в верховьях этой речки, чтобы там узнать, что ждет их за нарушение завета предков несмышленими сыновьями.

Горели в священном урочище священные костры. Камлал шаман, звучали проклятья стариков. Казалось, небо опустилось ниже, деревья покачивали головами, удивляясь дерзости молодых. Даже в лепете всегда веселой воды было будто что-то осуждающее... Но смельчаки не дрогнули. Они все же начали лов рыбы. Правда, их оказалось немного: всего семь человек. Среди них – одна девушка. Неслыханное дело. Мужчинам уж куда ни шло. Они по воле богов в голодный год могли ступать на эту землю. Ну, а девушке, человеку нечистого пола, разве можно? Никогда «грязные» женские ноги не касались этого священного уголка. Правда, девушка уже была проклята за слова, которые произнесла в Березове на конференции женщин – делегаток Севера.

– Туземки, не верьте шаману. Он говорит не с небом, а с самим собою. А сам-то, посмотрите, какой он! Не пляшите на «медвежьем празднике». Это для нас дурман. Надо праздновать советские праздники. Если сами не сделаем – бог не поможет. Бога нет!..

Ее ли это слова? Люди говорят, что ее. Не могли же просто так, без всякого, посадить ее на крылатую лодку и поднять в небо. Из женщин мансийской деревни лишь она одна летала. А потом дома, на красных посиделках, на которые собирали хозяек, рассказывала, что новая власть считает женщину равной мужчине, что женщина может быть и руководителем и мужчины обязаны ей подчиняться.

И она решила идти с бригадой рыбаков, которые направились на лов рыбы в священной речке. Некоторые из молодых хотели возразить, но человек из района сказал, что так надо. И они согласились. Ведь им тоже хотелось в небо. Кому не интересно полетать на крылатой лодке! И только там, на рыбалке, случилось чудо: бригадир стал как заколдованный. Он не спускал взгляда с круглолицей, краснощёкой девушки. А она как бурная таежная речка. А таежная речка пела:

Я – таежная речка.
Плясунья и певунья.
Стан мой тонкий гнется,
пляшет меж камнями.
Руки мои – белые волны –
готовы обнять не только небо
но и тебя, мой милый.
Глаза мои сияют,
искрятся даже ночью,
настолько жаждут видеть
они тебя, мой милый.
Уста мои – звонкие струи –
поют, звенят без устали,
зовя тебя, мой милый.
Меня мороз морозит,
и солнце в небо тянет,
а я, шальная,
все к тебе бегу,
мой милый
На пути моем камни,
и тайга дремучая
смотрит сумрачным взглядом
Но сквозь века седые
к тебе бегу, мой милый
Зачем бегу? Не знаю
Тело мое гнется,
к тебе, мой милый, рвется
Я – не святая речка...

А рыба здесь шла в ловушки. Она искрилась, серебрилась, золотилась. Ее было много, как никогда. Скоро, прослышав про удачный лов, прилетели сюда из Березова начальники. Они решили вывозить ее только в крылатой лодке. И это во многом способствовало тому, что старики стали постепенно успокаиваться. «Рыба священная. – сказал шаман на очередном камлании. – Из священной речки нельзя ее везти ни на лошади, ни в деревянной лодке. А на крылатой лодке-самолете можно ее вы-

возить. Священная рыба, поплавав вдоволь, хочет полетать в священном небе. Таково пожелание богов...»

Много рыбы в тот год вывезли. Три годовых плана сдали государству. Уходили в тайгу пешком, на лошадях. Домой возвращались по небу, в крылатой лодке. Небо будто перестало быть священным, а люди стали крылатыми. Не всякие, конечно, а только те, кто смело пошел по новому пути, презрев предрассудки. Всю бригаду потом повезли в район. На большое собрание. Хвалили при большом народе. Премию дали. Бумагой красивой наградили. Почетной грамотой это называется. Почетными людьми прослыли эти совсем молодые рыбаки. Многим захотелось того же. Только поблизости священных урочищ больше уже не было. Девушки лезли на крышу, свободно разгуливали по передней части дома, где женщинам не всегда можно было появляться, молодые не слушались своих родителей, но никому за это больше не давали грамот, а приглашали по вечерам, как маленьких, смотреть в книгу. Но так как старики скоро не стали обращать и на это внимания – стало совсем неинтересно. Только в лесу, где соболев оставлял мудрые следы, молодой охотник снова находил радость и веселье. Только у реки, где пляшет игривая рыба, молодой рыбак снова дышал сказкой настоящей, непридуманной жизни. А эта девушка стала женой бригадира. И родился у них обыкновенный мальчик, ничем не отличающийся от других манси. Счастливы ли они были? Наверно. Только то счастье было совсем недолгим. Скоро началась война. Бригадир ушел на фронт, как и все настоящие мужчины. Ей пришлось заменить его. И в открытой, живой воде бригада ее ловила рыбу, доставали золотую из-под метрового льда. Днем и ночью, летом и зимой ловили рыбу.

Кончилась война. У счастливых женщин мужья, хотя и раненные, всё же домой вернулись. А он, бригадир, где-то в чужой земле сложил голову.

Кара-юн-я: кара-юн-я.

Проклинаю, заклинаю:

все проходит, умирает.

и родится в новом свете.

Только тот, кто страстью-желаньем

обычай предков растоптал
будет все же в конце концов
страстью-страданьем казнён!..

В её отцветших глазах – глазах вдовы – стояла печаль, покоилось страдание. Будто она была наказана. За девичье безрассудство, за то, что дерзнула преступить вековые обычаи предков. Как и прежде продолжали стоять деревья, и солнце плыло по небу по вечной своей дороге, день сменялся ночью, за стужей седой зимы наступало лето с волшебными белыми ночами, и речки таежные не остановились, не повернули вспять. Только она с каждым днем теряла что-то. Сначала железный пароход увез его. Потом река, кипучая и живая, взяла здоровье, подарив много-много рыбы. За рыбу ее хвалили в громкой бумаге – газете. И даже несколько раз снова поднимали в небо на крылатой лодке. А однажды дали еще одно имя – депутат местного Совета. И всегда она была при людях, и всем казалось, что горе не сломило ее. Да, наверно, так оно и было на самом деле. Но почему же Сергей нередко видел, как мать уходила в дальнюю комнату и там молилась. Неужто она к старости стала верующей? Нет, нет. Если бы это было так, то давно бы шаман, тот старый шаман, не прощавший обиды, посетил их дом. Но Сергей ей не мог помочь пока ничем. Да разве можно ей помочь, если существует на земле память, если есть та священная речка, которая навевает грустные думы?

А неподалеку от лесной избушки у самого обрыва, над которым возвышается громадная лиственница, снег выворочен, отсвечивает желтизной, будто посыпан песком. По желтому снегу словно человек прошелся. Но следы крупные. Конечно же, это медведь. Не под тем ли вывороченным корнем его берлога? Не отсюда ли кто-то поднял хозяина тайги?

В небе мелькнула тень. Орел. Он все ниже спускается, сужает круги. И наконец садится на вершину могучей лиственницы, оживляя сказочное дерево...

– Ой, милая, где ты?! Ой, больно! Так больно! – валяясь серебряной дубиной у входа своей берлоги, стонал Медведь.

– Что ты кричишь как недорезанный. Что с тобой?

– Когда не нужно – так вертишься, а нужно – не докличешься тебя. В животе режет. Будто ножом кто-то полощет... Ой, больно!.. Пошамань, милая! Освободи от этой адской муки! Ой-ой!

– Ты пил воду с речки? – спросила Росомаха важно, кончив камлать.

– Пил, – протянул Медведь в ответ.

– Я же предупреждала, не пей сырой воды из речки. Вот тебе и результат. Не послушался – и теперь расплачивайся. А боги в твоей болезни – ни при чем. Они знать не знали, что ты заболел. Удивились только, что находятся дураки, которые обращаются к богам по всякому мелкому поводу, вроде медвежьего поноса. В общем, ты меня в последнее время подводишь. Ой, как подводишь! Из-за тебя я нередко оказываюсь в довольно смешном положении.

– Почему же нельзя пить из реки? Во все времена звери пили воду не из бутылок. А сейчас что же стряслось?!

– Край наш оказался богатым. Нефть в земле нашли.

– Ну и что?! Разве плохо, когда земля богатая?!

– Не в земле дело, а в людях.

– Опять эти люди! При чем тут люди, когда речь идет о реке, воде, о моем желудке, в конце концов. Ой, больно!

– На, миленький. Прими эту таблетку. Может, будет полегче.

– Ты меня таблетками не пичкай. Пить попросишь – суют таблетку, есть попросишь – опять таблетка. Что же это получается? Ты мне толком объясни, почему нельзя пить обыкновенную воду?!

– Нефть, говорю, нашли в нашем краю. Понял, нефть. Нефть – золото. Но это не то золото, которое славилось в добрые медвежьи времена. Это другое золото. Черное золото. Ты понимаешь слово «черное»? Так вот, отсюда и пляши.

– Попляшешь при таком поносе.

– Так вот, это черное золото нынче дороже того. Оно и как топливо, и как сырье для промышленности. Все из него – можно сказать. А главное – его жрут машины. А машины прожорливее. Прожорливее их, наверное, и нет зверей-то. Звери свободные. Машины – рабы людей. Люди ездят на них. Ворочают камни,

строят, рыхлят землю, поднимаются в небо, опускаются на дно морское, поворачивают реки вспять, пустыни превращают в сад, покоряют вековую тайгу. И это все называется «Великим преобразованием природы». Мудрейшие из мудрейших предложили план Великого преобразования. По плану должно было пойти все. Ты, Медведь, к примеру, из дремучего должен был превратиться в светлейшего, шагнув через тысячелетия прямо в космос. Мы, таёжные звери, даже рабами не успели побыть. А машины – рабы. И люди – тоже. Стоят за машинами в очередях. Покупают их, любят – не налюбуются. Гладят, моют, ласкают, холят. Спят с ними. В обнимку. Целуют. Жена рычит, ревниво поглядывая на безмозглую красавицу.

Машины без мозга. Они только жуют и скачут, скачут, виляя разукрашенным задом. Сколько жуют – столько и плюются. Машины плюются всюду: на улице, в лесу, у реки. Все стекает в реку. А из этой реки ты, Медведь, пьешь воду. Плевок какой-то безмозглой – и зашумит в твоём медвежьем желудке. Из-за этого мне приходится камлать, говорить, объясняться.

Эх, Медведь, Медведь! Дремучий ты и необразованный. Не знаешь, что к чему. Да и люди тоже. Все твердят, что зло от автомобилей. Нет! На них падает лишь треть вины. Всю остальную грязь выдыхают трубы гигантских заводов и мазутных теплоцентралей.

Есть чему ужаснуться мудрой Росомахе. Земля и вода нередко превращаются в свалку мусора и ядовитых заводских отбросов. Великие американские озера стали мёртвыми. Водой их не могут питаться даже заводы, которые в свое время забыли пословицу: «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться». Бискайский залив кишит не рыбами, а радиоактивными отходами. На дне океана дремлют радиоактивные вещества. Они, как злые духи, в любую минуту могут освободиться от плена и ринуться смерчем на живительные струи жизни.

В нашем столетии жить стало сложно. Решение многих проблем не может больше ограничиваться масштабами одной берлоги, даже одного уголка леса. Их надо уже решать в масштабах всей планеты. К ним относится и проблема взаимоотно-

шений человека и природы, проблема чистой воды и боли медвежьего желудка.

Загрязнение воздуха – пожалуй, главная опасность для здоровья не только людей великих и мелких, но и для всей окружающей среды: лесов, полей, лягушек, рыб, слонов, цветов и ящериц. И твое, Медведь, здоровье зависит от состояния чистоты воздуха. Хотя ты живешь в дремучем лесном уголке и подолгу валяешься в берлоге, не думай, что твое дело сторона. Может, ты заболел оттого, что надышался отравленным воздухом.

Загрязнение атмосферы приняло глобальный характер.

Над планетой дымка вьется. Дымотуманы, или смоги, насыщенные выбросами котельных, выхлопами автомобильных моторов, резко усиливают заболевания людей, медведей, осетров и зайцев. Ты, Медведь, любишь побродить по полю, лакомиться овсом ты любишь. Наверно, не прочь ты прогуляться по пшеничному полю. А знаешь ли ты, что загрязнение атмосферы резко снижает урожайность сельскохозяйственных культур?! В городах не только черные цветы, но и деревья стоят как чахоточные, и памятники как больные, они медленно умирают, разрушаясь от коррозии.

Концентрация вредных веществ в воздухе Лондона, Токио, Брюсселя в десятки раз превышает предельно допустимые нормы. И как там люди живут – непонятно. Чем – они дышат – непонятно. Может, они оттого длинны и тощи, эти вышколенные европейцы?!

Над сверхгородами – дымка. Это и меняет естественные закономерности. Постоянно происходит проникновение аэрозолей из тропосферы в стратосферу, где они могут сохраняться несколько лет. И потом с дождем упасть в другой части планеты. К примеру, рядом с твоей берлогой. И ты заражен. И у тебя понос.

Ты, Медведь, должен взяться за охрану окружающей среды, должен, как и все больные, бороться за сохранение здоровой и нормальной природы. Понятно тебе? Или дремучему все равно?

– Понятно, понятно. Разболталась опять. Несешь всякую чушь. Да кто поймет такую болтовню? Или делать тебе нечего? Лучше почеси мне спину. Вот, вот. Так. Хорошо. Хорошо! Вот это ощутимо и понятно. А когда говоришь... О! И откуда бе-

решь эти фразы? Когда камлаешь – то ясно: к тебе нисходит божественное прозрение и говоришь ты на языке богов. А вот...

– Откуда беру? Ты что, только родился? С газеты. Читать надо, миленький, нашу лесную газету. Все там написано. На все вопросы ответы найдешь. Хватит быть дремучим! Надо и с веком наравне становиться. Пора, Медведь, пора!

– Почеши лучше спину!..

12

Снег ожил, полетел, закудахтал. То куропатки, взмахнув белыми крыльями в черных рамках, вылетели из-под обрыва, растревоженные Сергеем. Чуть поднявшись, они тут же канули в сосновую поросль, которая зубчато серебрилась над довольно крутым берегом.

Ломая частые крестообразные следы куропаток, которыми был разрисован весь берег, Сергей скатился вниз, как в детстве. Потом медленно стал подниматься вверх. Чуть поскрипывающие мансийские лыжи уверенно шли в гору. Вот тут-то и сказала мудрость камусных лыж. Лыжи эти были так подбиты камусом – лосиной шкурой, что скольжение по снегу получалось «по шерсти». На них невозможно попятиться назад. Шерсть сразу поднимается, набивается снегом, образуя надежный тормоз. И вот теперь – на обрывистом берегу речки эти лыжи надежно держали охотника, не давая ему скатиться вниз. И руки свободные. В них ружье, а не лыжные палки...

А ведь хотел идти в тайгу на спортивных лыжах. Да Илья-Аки отговорил, помог советом.

– Слушай, внучек, как пойдешь по урману? Пошто голова твоя плохо думает?

– Как пойду? Быстро пойду. Спортивные лыжи не то что допотопные мансийские. Легкие они... Не пойду, а полечу... – отвечал Сергей на строгие слова старика.

– А как бугор попадет? На гору как поднимешься?

– На палки налягу.

– А из чего стрелять станешь? Из палок, что ли?

– Разумеется, из ружья.

– В руках же у тебя деревяшки будут, а ружье – за спиной. Пока ты будешь снимать свое ружье – куропатка поднимется на крылья, соболев ускачет за десять деревьев, белка смеяться устанет... Бери камусные лыжи. Не все мансийское плохое. Попомнишь ещё мои стариковские слова.

От хороших слов добрый костер разожжешь. Будет тепло и светло. Но в этом языкастом пламени есть и злой дух. Он может превратить тебя в пепел и развеять по ветру. И от слов можно не только загореться...

Поднимаясь в гору, раздумывая над напутствием старика, Сергей почему-то вспомнил письма Веньки, которые тот писал в Ленинград. Может быть, они, горячие и наивные, сыграли в свое время немалую роль в том, что вот теперь Сергей шел по родной земле на широких мансийских лыжах

Здравствуй, рума!

Или ты перестал быть мне другом? А мне нравится почему-то мансийское слово «рума». В нем есть что-то такое!..

А в общем, ты мог бы написать и первым. Знал ведь мои координаты... Правда, и я на следующий год катал на Большую землю. Поступил в институт. Проучился год. Знаешь, после нашего Севера широкого и... в общем, студенческая жизнь показалась мне скудной. Не выдержал... Вернулся...

А в Березове знаешь что творится!.. Открыто уже несколько новых месторождений газа. Я уверен, что есть и нефть. Может быть, под тем самым святым урочищем, где тебе чудилась «Золотая баба». Да, твоей «Золотой бабы» пока никто не нашел. Может, она дожидается тебя? Когда же ты приедешь, хотя бы на каникулы? Но пока... Ос ёмас!.. Как там точнее выразить по-мансийски «До свидания?!»

Твой Вениамин.

Пася, рума!

Во-первых, не понимаю, что с тобой?! Заучился, что ли? Неужели ты всерьез думаешь, что вся земля стала каменной, как город?!

Нынче здесь было столько уток. Аж небо звенело! И рыбы немало выловили... Правда, Березово теперь не узнать. У Возул-

ки, там, где был кедровый бор, вырос посёлок геологов. Там наше управление. И дома двухэтажные. Не каменные, конечно, но все же. Ты спрашиваешь, не покрыли ли улицы Березова асфальтом. Рехнулся, что ли? До асфальта ли нам здесь! Машины, как и прежде, вязнут не только в болотах, но и на улицах. Впрочем, насчет улиц стало гораздо хуже. Они вспаханы-перепаханы. Стало очень много техники.

А в общем, скучать некогда – надо вкалывать. Вкалывать не только за сейсмическим аппаратом, но и на «втором этаже» деревянной нары, постигать законы физики, и вслед за кривой тангенса улетать мысленно в бесконечность... В этом есть что-то такое! Может быть, та самая романтика; о которой пишут... В общем, я тоже учусь. Не думай, что бросил институт. Просто перевелся на заочное. Поеду на сессию – может быть, выкрою пару дней – и скатаю в Ленинград. Встретиться бы надо нам.

Но пока до встречи.

Твой Вениамин.

Р. С. Вышли, пожалуйста, книги, учебники. Список прилагаю. В книжном магазине – шаром покати. Пусто. В тайге не купишь.

Из жалобы книголюба...

Твой Вениамин.

Привет, дружнице.

Пишу тебе прямо, можно сказать, из сердца твоей любимой тайги. Зима нынче до удивления мягкая. Болота дышат. Они не успели промерзнуть. А снегу выпало немало. Но метровые сугробы будто растаяли под полозьями наших балков. По сторонам колеи чернеют вывернутые болотные кочки. Рядом с узорчатым беличьим следом – великанские следы гусениц. Следы ржавые, подернутые ледком. Ступишь – брызнет вода. Погодка еще та. Для охоты и рыбалки, может, да. А вот нам позарез нужен морозец. Скажешь: вот метаморфоза – на Севере мечтают о морозе. Случается и такое! Здесь не асфальт. Не прокатишься. А нам надо двигаться дальше и дальше. Сегодня тонем. Вон трактор среди трех чахлах сосенок ворочается. Думал, раз уж деревца – так земля под ногами. Все равно жижа. Вон он уже начинает вязнуть окончательно. Придется

другими тракторами его выволакивать. И такое каждый день... Тоже неприятель. И нам его надо брать. Как на войне. А то озеро на пути встанет. Приходится мудрить. Технику в обход. А косу – этот трехсоткилограммовый кабель – на плечи. Понимаешь, вроде слабые наши человеческие плечи, а выдюживают. В конце концов, мы сотрясаем сейсмическими взрывами эту болотистую землю, прощупываем ее, выявляя перспективные структуры. Таких структур наша экспедиция нащупала уже несколько. На некоторых из них и на самом деле оказался газ. А на других буровики бурили-бурили – и впустую. А буровики без нас как слепые котятка. Где газ или нефть? Где им бурить? Все мы им указываем. Эх, все же геофизика интереснейшая штукавина! И зачем я все это тебе пишу? Успокоить себя, что мотаюсь по тайге? Или тебя заразить окончательно? Помнишь наш спор: кем быть? Доволен ли ты? Мне хочется хотя бы писать тебе. Иногда набежит такая скука!.. Ничего не поделаешь... Тайга...

С приветом. Твой Вениамин.

Пася, рума!

Рума ли ты мне? Читал твое письмо – думал. Не смеялся, нет. Плакал. Наивно-весело. Вот до чего отрыв от рабочего класса!.. С институтом у тебя нелады? Сомневаешься в своих педагогических способностях? Если не можешь отрезать сразу – возьми академический отпуск, окупись в жизнь. Жизнь подскажет решение. Женился, говоришь? Поздравляю! Значит, нашел «Золотую бабу». И не строй проблем о житье-бытье. Привози ее на Север. Люди здесь ой как нужны!.. Не хватает людей. На зиму присылают из южных районов области операторов и взрывников, к весне обратно отзывают. А некоторые сами кочуют туда-сюда. Летом наезжают всякие, просятя в партии. Думают: туризм, романтика. Потом, покормив комаров, уезжают надутые. Сейчас экспедиция начинает готовить кадры из коренных северян. Есть ребята настоящие... Не искатели романтики. Нет. Для них это работа, такая же, как и охота. Помнишь, я тебе говорил про завещание отца. Тетя писала про буровую, которую не добурил отец. На берегу, напоми-

нающем девичье имя, похожее на «Ира». Озеро это находится в верховье таежной реки. Как называется она, не помню. То ли «Чёрная», «Красная», «Белая». Не знаешь ли ты таких речек в вашей тайге? И озеро с девичьим именем? Точно одно: эта река в Зауралье, в бассейне реки Оби. А бассейн этот, сам знаешь, как велик. Ничего, покочует, и, возможно, когда-нибудь да и найдем не только нефть, о которой мечтали мой дед и отец, но и недобуренную эту буровую. Есть еще одна примета, про которую, как помнится мне, писал отец. На берегу этого озера рыбаки однажды вместе с рыбой вытащили сеть со дна озера траву, пропитанную нефтью. Это-то и натолкнуло учёных начать бурение на берегу этого озера. Не слышал ли ты случайно что-нибудь подобное?! Незадолго до войны. Война прервала; конечно, не только это бурение. Отец завещал мне... я должен найти, понимаешь, и это озеро, и реку, и буровую... И нефть, конечно. Это – главное! Ради этого и кочуем по тайге. Но нефти пока еще не дала ни одна скважина. Только газовые месторождения. И то вокруг Березова. Правда, мы и топчемся только в этом районе. Раздаются уже голоса геологов о расширении фронта исследований, но скептиков много. Но теперь и маловерам достается. Знал бы, какие у нас есть, оказывается, энтузиасты! Скорей бы кончить институт! Завидки берут. Тут я познакомился с настоящими геологами. Понимаешь, доказывают, нефть есть, должна быть. Не на словах, а вполне аргументированно. Конечно, это пока слова. Но они выглядят убедительно. На каких-то фактах основаны. Сейчас в Березове создали объединенную нефтеразведочную экспедицию, куда вошли, кроме нас, геофизиков, буровики и все остальные мелкие партии. А все экспедиции нашего Севера будут подчиняться Тюменскому геологическому управлению. А возглавляет его папа Юра. Это не имя. Так наши остряки окрестили начальника управления. Смелый, говорят, человек. Был он тут у нас. Видел его. Не только издали. Спокойный и деловой. А всех взбудоражил: Кажется, по-новому мы начинаем жить и искать нефть. Нравится мне это. Приезжай. Будешь жить здесь полнокровной жизнью настоящего разведчика. Ты ведь уже без пяти минут сейсмик. Есть тут очень интересный человек. Набирает

*энтузиастов. Осваивать новую профессию – речную сейсмику.
Это метод сейсмической разведки на воде.*

Приезжай. Вези свою Золотую богиню.

До встречи на Югорской земле...

Твой Вениамин.

13

Удивительное было лето, когда Сергей вернулся в тайгу. Солнце, казалось, не уходило с неба. Оно сияло, палило, ласкало землю своим теплым взглядом. Если скроется за облачко – то на мгновение, чтоб улыбнуться ярче, веселее. Если за тучку уйдет – то лишь затем, чтобы подарить уставшим от зноя теплый, живительный летний дождичек. И вечером оно уходило на краткий миг за горизонт, осветив землю своей широкой улыбкой белой ночи, лишь для того, чтобы люди поняли: и на Крайнем Севере есть очарование жизни. Только крылатое комарье да мошкара пытались произвести другое впечатление. Но что их мелкое жужжание да коварные укусы по сравнению с задорной и веселой улыбкой солнца.

А вода в реке до сказочности теплая, будто не север, а юг какой-то. А река широкая, как море. А небо высокое. В небе птицы шныряют. И в реке они плещутся. А рыбы, ломая вертикальную гладь воды, рвутся ввысь, расправляя плавники, как крылья. И тут же падают как подкошенные. Вода стреляет, звенит всплесками. Кругом все играет, поет, живет...

Такой сказкой показался родной край Сергею, когда он возвратился из Ленинграда. Почему он показался ему таким? Может, это лишь далекое детское воспоминание, когда все казалось волшебным? А может, мечта увидеть свой уголок земли теплым и ласковым, как другие сказочные края? Ведь он сюда приехал не один, а с Ней... А Она!.. Так хотелось Сергею, чтоб ей, Вере, дочери далёкой земли, не показался его родной край таким уж мрачным и суровым, как его успели обрисовать писатели.

Лето и на самом деле оказалось теплым, даже жарким. Солнце не уходило с неба. И река, широкая и спокойная, сияла. И вся жизнь, казалось Сергею, потекла теперь по этой раздольной реке. Здесь жили, работали, отдыхали. Но вначале, при

встрече со знакомыми рыбаками, Сергея потянуло на речные плесы. Еще в Ленинграде ему часто снилась вода, сети, плеск рыб. Теперь он едва не пошел на рыбный промысел. Но старому другу Венька предложил другое.

– Понимаешь ли ты, что такое речная сейсмика? – говорил он Сергею. – Это же дело совершенно новое! Такого не было не только здесь, но и вообще... Это метод сейсмической разведки на воде. А суть его вот в чем: вся аппаратура – и приемник, и сейсмостанция – плывет по реке. Сейсмостанция – на баржах или тут же, на катере, а приемники смонтированы на спаренных, растянутых в длинный шлейф бревнах – бонах. Взрывы на воде или на берегу. Проплываешь по реке с верховьев до самых низовьев, потревожишь речку взрывами, выявляя все перегибы подземного рельефа. Аппаратура, разумеется, все зафиксирует. Как в обычной сейсмике, знакомой тебе. И карта недр составлена... И в какие сроки!.. Ехать по воде на катере или тащиться по болотистой земле с громоздкой аппаратурой! Ты же сам видел. Не забыл, наверно, как мотались по дебрям, тонули в болотах, застревали на берегах рек. А тут река сама, оказывается, может превратиться в помощника... А рек здесь сколько! Десятки тысяч километров!.. Ты представляешь, как это выгодно! А ведь долго не понимали... Трестовское начальство не давало ходу новому изобретению... А придумал его Шмелев. Обыкновенный геолог. Инженер. Приезжал он. По его просьбе собирали нас, молодых геофизиков. Объяснил суть. Нашлись и добровольцы. Но не все еще верят. Хотя и утверждён этот метод, надо еще довести до конца, внедрить его, как говорят, в практику.

Сергей смотрел на Веньку теперь уже с любопытством, узнавал и не узнавал своего приятеля. Он стал широк в плечах, и лицо чуть огрубело. Совсем мужчина. Только глаза, как прежде, сияли.

– Неужели теперь-то не представляешь, что это такое?! – продолжал он. – Мы же будем внедрять этот метод. Первые из первых. Значит, в какой-то степени соавторы. Разве это тебе не интересно? Да это знаешь что? Может, начало научной деятельности!.. Ты же, кажется, мечтал стать ученым... Только «Золотая баба» куда менее интересна.

А Сергею теперь было не до «Золотой бабы» – у него была теперь живая, может, тоже золотая. Она. Жена. Только теперь о ней нужно было заботиться больше, чем о ком-либо другом. Возможно, будет ребенок. Нужны средства к жизни. Это почувствовал он сразу же после свадьбы. Ясно было теперь одно – надо трудиться. Ведь институт он оставил. Встреча с Венькой, дружеская беседа за столом шумного ресторана «Сосьва» повернули жизнь Сергея к речной сейсмике. Ему всегда казалось, что техника, машины – это не его стихия. Он не собирался даже прикасаться к ним. На летние каникулы домой любил он приезжать на лодке, а не на продымленном катере, на который почему-то все старались попасть. Не выносил он запаха солярки, бензина, каких-то вязких и липучих масел, которыми дышали машины. От машиниста катера несло соляркой. Руки его были черные, будто две жирные кочерги. По прокопченному лицу его ползли черными букашками капли пота. И на этом покрытом сажей и копотью лице сияли живые и веселые глаза. Удивлялся Сергей, как можно быть веселым такому прокопченному?! Ему было по-человечески жаль этого моториста. Он казался ему приниженным и ущемленным. По сравнению с ним рядовой рыбак или охотник казались ему людьми чистой и высокой работы. И, глядя на него, он видел себя в возвышенном свете. Он был благодарен своим учителям. Ведь они говорили о высоком значении человека, призывая маленьких северян овладеть профессиями врача, учителя, инженера. Они прививали любовь к книгам, учили понимать искусство. Казалось это совсем не сложным. Стоит только захотеть...

В этом возвышенном мире до некоторых пор жил и Сергей. И вот теперь жизнь задала задачу. Теперь вот сейсмические приборы, трактора, катера, моторы. В общем, кругом та самая техника, к которой он так пренебрежительно когда-то относился. И ничего на проверку страшного. Сеймика оказалась даже интересной... А из шлюпки с мотором «Москва», которая была в партии, его было не выгнать. В любую свободную минуту он вскакивал в лодку, заводил мотор и летел по сияющей глади реки. Он мечтал теперь во что бы то ни стало иметь такую же свою дюральку.

Большую часть рабочего времени теперь Сергей проводил на катере, где размещалась сейсмическая станция. Катер буксировал и плавучий бон из бревен, на котором были установлены сейсмическая коса и сейсмоприемники. На нем же привозили продукты, переезжали на новую стоянку. В общем, получилось так, что все лето – на катере. А лето было удивительное. Может, еще и потому, что рядом была Вера. Она приехала сразу, как он устроился на сейсморазведку. И для нее нашлась работа. Нужно было кому-то готовить для всей партии. Она оказалась мастерицей по этой части. А к осени на базе начальник партии обещал работу по ее специальности: пристроить в библиотеку. Или свою библиотеку при партии организовать: не пропадать же ее знаниям, полученным в библиотечном техникуме.

Лето было удивительное. Солнце, казалось, не уходило не только с неба. Оно словно поселилось в сердце Сергея, светило рядом, было всюду, куда ни взглянешь. И в брезентовой палатке, в которой они с Верой жили, и на песчаном берегу, по которому прогуливались с ней по вечерам, и в моторной лодке, летящей птицей по зеркальной глади разлившейся реки. Маленькая брезентовая палатка казалась самым уютным и счастливым уголком на свете.

14

Осенью, когда спала большая вода, партия речной сейсморазведки возвратилась на свою базу – в Берёзово.

Берёзово в ту пору называли «Геологической столицей». Это старинное сибирское село, основанное еще в 1593 году, после открытия газа действительно стало таковым. Волны геологических разведок расходились отсюда по всей Тюменской области, откликаясь новыми газовыми фонтанами.

За несколько лет Берёзово изменилось больше, чем за все века своего сонливого существования. Даже добротные когда-то купеческие особняки, сложенные из толстенных бревен, кажется, озирались, стыдясь своего маленького роста перед двухэтажными домами нового поселка геологов, что вырос на окраине старинного села. Со всех сторон подступали к нему буровые вышки. Они как великаны возвышались над седыми кедрами. На улице

сновали не олени нарты, а юркие автомашины. Глаза их горели, освещая темные осенние улицы. Гудели трактора. Кажется, они гудели день и ночь, волоча за собою тяжелые сани с буровым оборудованием, сейсмическими станциями разведчиков-геофизиков, электромоторами и бухтами кабеля, запасами строительных материалов, горючего, взрывчатки и продовольствия.

Все это поступало в Березово на судах, которые, разгрузившись на лесистом берегу речки Вогулки, снова устремлялись в сторону Тюмени, чтобы до окончания путины завезти геологам все необходимое для их решительного штурма тайги.

Особенно памятен один из осенних дней перед самым ледоставом, когда плотники в основном завершили строительство балков и теперь больше занимались погрузкой их на баржи и помогали развозить в отряды.

К причалу пристал катер. Тот самый, на котором Сергей проработал лето. Он обрадовался, что увидит товарищей. Побежал на берег. Рулевого моториста да и капитана невозможно было узнать. Их покачивало, под провалившимися глазами с красными прожилками темнели синие пятна.

– Что с вами? Укачало? – пожимая руки судоводителям, вежливо спросил начальник экспедиции, каким-то чудом незаметно оказавшийся у причала.

– Укачает не спавши-то. Четвертые сутки вот уж! – prorонил капитан, заглатывая слова.

– М-да! Погодка! – глядя на разъяренные волны, трепавшие причал своей бешеной пляской, протянул начальник. – Перед зимой разыгралась непогода, напоследок. Еще пару деньков – и ледостав. А оборудование доставить надо. А то целую зиму ждать...

– Видите, мы какие.

– Видим. Но выхода больше нет. Все катера в разъезде. А станки только что поступили из Тюмени. Нагрузить только успели. Ох, как завывает ветерок! – и поглядел в сторону вихря, пронесшегося над белыми гребнями волн.

– Куда нужно?

– В партию номер пятнадцать.

– А где это?

– На горной стороне Оби. Ехать по Вайсовой...

Начальник экспедиции, человек небольшого роста, плотный и энергичный, пронизывая пронизательными глазами собеседника, объяснял с дотошностью знатока этих мест, как проехать на Большую Обь и дальше по протоке до самой стоянки партии геофизиков.

– Эти места мне мало знакомы. Все лето по Сосьве плавали. К тому же непогода, снег, туман... – отнекивался капитан судна.

– Провожатого найдем. Кто тут из коренных, знающих? – обращаясь к стоявшим рядом плотникам, грузчикам, проговорил начальник.

Кто-то указал на Сергея.

– Вот-вот! Наверно, сын рыбака? Каждую протоку, должно быть, знает!

– Не рыбак уже, – глядя приветливо на Сергея, пропел Ермолаич. – Он наш. Геолог!

Сергей с радостью заметил, что Ермолаич в последнее время и себя стал называть геологом, хотя больше плотничал, строил буровые вышки, дома и эти походные вагончики.

– На ловца и зверь бежит, – подходя к Сергею и протягивая к нему руку, изрек начальник. – Будем знакомы. Выручай, браток! Ведь это верно, что ты знаешь все здешние протоки, мели и повороты?

– Знаю, – неуверенно протянул Сергей. Но тут же добавил: – В общем-то, знаю.

– Вот и хорошо! Доброго вам пути! – И выражение живого его лица показывало, что для разговора у него нет времени и что нужно спешить.

И через каких-то десяток минут катер, подцепив тяжело гружённую баржу, отправился в рейс. Мерно постукивал мотор. За бортом шумели тяжеловатые волны. Ветер посвистывал в лад этой игривой музыки осенней непогоды, Сергей то работал шваброй, смывая с палубы глину, которую натоптали на причале, то с любопытством оглядывал родные просторы, будто видел их впервые.

Свинцовый воздух ступал знакомые с детства очертания берегов реки. Но Березово, раскинувшееся на холмах, пересеченных оврагами, еще долго виднелось.

От пассажирского причала отплывал белый пароход, завывавая грустными протяжными гудками, прощаясь с жителями до будущей весны. На таежном берегу над зеленым ковром хвои с ярко-желтыми вкраплениями лиственниц возвышалась буровая вышка. На ее железной голове развевались серые ушки черной шапки тучи. Луговая сторона реки с ее редким и голым тальником гляделась подсиненной полоской на приблизившейся линии горизонта. Иногда над самой волной пролетали утки, с тревожными криками несясь на юг. А они плыли на север...

Однажды катер вдруг повернулся боком к волне. Ледяные струи окатили Сергея с головы до ног. С испугом взглянул на капитанский мостик.

– Вот черт! – ругнулся капитан, налегая на рулевое управление, выправляя катер. – Вздремнул. Так и недолго в гости к рыбам!..

– Разрешите мне.

– По правилам нельзя. Ты мне лучше расскажи что-нибудь интересное из вашей северной жизни. Может, я и не усну.

На какое-то время капитан оживился. Но скоро снова заклевал. А остановиться и передохнуть возможности не было. По реке уже шла шуга. Стихи завтра ветер, мороз ударь – и зимовать катеру во льду. Нет, останавливаться нельзя. И передохнуть надо. Взвесив, видно, эти обстоятельства, капитан в конце концов уступил настойчивым просьбам Сергея. Правда, он еще долго сидел рядом с ним, время от времени поправляя руль, раскрывая секреты мастерства судовождения.

А когда он ушел, Сергея охватил какой-то неописуемый восторг. У него было такое же ощущение, когда мать впервые доверила ему ружье.

Было Сереже тогда девять лет. Летели по весне утки. Тетерева токовали. Ондатры, щеголяя золотисто-рыжим мехом, плавали в озерке, что посреди деревни. Они и не думали бояться Сергея. Вынырнет, бывало, перед самым носом, выставит из воды мордочку, глядя насмешливыми глазками, шевелит усами,

точно дразнится. И жирные весенние гуси разгуливали по песчаному берегу речки. И когда Сережа пускал в них стрелу из лука, они гоготали, смеялись, хихикали. А год был голодный. Первый послевоенный год. Хлеб выдавали по карточкам. Все время хотелось есть. А стрелы летели впустую... Уставший и изнуренный этой охотой, он валился в постель и засыпал как мертвый. Печальными глазами глядела мать на сына, на его лук из гнущейся черемухи, на деревянные стрелы с железными наконечниками. Наконечником в этой древней стреле была современная сияющая иголка, которой шьют.

А на стене висело большое охотничье ружье. По сравнению со стрелой в нем было много-много железа. А сколько в нем было крючков, винтиков, пружин!.. Большая машина по сравнению со стрелой. А как вгонишь в ствол патрон, заряженный порохом, дробью, сияющим пистоном, могучим оружием становится в общем-то этот небольшой кусок железа. Знает это мама сама. Охотницей ведь была, пока глаза ее не потеряли зоркость. С надеждой глядела она на сына. Печальной становилась, видя его еще слабые руки. Сжималось материнское сердце, когда она видела, как он мучится, стараясь быть удачливым охотником. Не выдержала она. Посоветовавшись с Ильей-Аки, она вручила сыну отцовское ружье. Для Сережи это было самым большим праздником! Впрочем, это было его вторым большим праздником после первого школьного дня, когда учительница вручила ему книгу...

И вот теперь ему доверили рулевое управление катера – большой и сильной машины, мощностью в сто пятьдесят лошадиных сил. Крутя то вправо, то влево баранку, чувствуя, как катер идет в нужном ему направлении, Сергей мнил себя капитаном.

Капитан... Кто из мальчишек, выросших на Оби и Сосьве, не мечтал стоять на капитанском мостике!

И вот наконец трогается лед, еще недавно казавшийся вечным. На реке треск, на реке стон, на реке гром. Словно режут и стонут лоси в миг состязания в любви. Но это не поединок лосей, а поединок весны с зимой, когда со стоном уходили и жгучие морозы, и завывающие вьюги, и темные ночи.

Льды уходили, а вслед за ними, словно по пятам, шло тепло людское, плыли вестники счастья на Север – белые пароходы. Самолетов тогда еще было маловато. Единственной связью с большим и дальним миром были пароходы. Ох, как их встречали!..

Если пароход должен приплыть утром – всю белую ночь деревня не спала. Всю белую ночь пылали костры. И короткая северная ночь становится, кажется, теплее и белее. Люди ждут, ждут, ждут. И пароход, услышав зов, обязательно приходит. Это может быть и «Карл Либкнехт»; и «Усиевич», и «Москва». Так назывались пароходы, которые встречали кострами, весёлыми песнями. На белом капитанском мостике – капитан. Он – как волшебник. Скажет слово в рупор – пароход причаливает к берегу, и люди с парохода и с берега бегут друг к другу, обнимаются, смеются, плачут от радости встречи. Скажет другое слово в рупор – пароход отходит от берега, люди машут друг другу руками, платками, вытирают соленые слезы расставания. Хотя Серёжа мечтал совсем о другом, но втайне в подсознании у него жила какая-то светлая, грустноватая зависть к этому волшебнику – новому, благородному хозяину широких речных просторов.

И вот в его руках теперь руль. Большое судно с мощным мотором покорялось ему. Он уверенно вел катер по плесу Оби, бушующей волнами. Шторм свирепел. Разбойничьи свистел встречный ветер, прижимая к берегу тяжело груженную баржу. Чтобы не прибило ее к берегу, Сергей направлял катер поперек реки. Высокий вал летел над палубой, подхватив катер на пенный гребень, потом бросал вниз. Оттащив баржу подальше от берега, Сергей снова направлял катер вдоль по руслу.

Хотя на Оби резвился шторм невиданной силы, на душе рулевого не было тревожно. Лишь когда, взбежав на гребень волны, катер затем падал вниз, он на мгновенье чувствовал, что летит в пустоту, как на качелях.

Впрочем, Сергей уже немало покачался в детстве. На этих волнах, но только на утлой калданке. Как-то он переезжал Обь. Легкую лодочку-долбленку, сделанную без единого гвоздя, бросало как щепочку. То выносило на большой гребень волны, то катилась она вниз вместе с угасающей пеной струй. Где-то на

середине плеса грянул гром, высекая искры молний из помрачневших глаз неба. Волны зверели. Пустившись в бешеный пляс, они начали кусать лодку, как злые водяные росомахи. Сергею стало страшно. Вдруг это дикое стадо проглотит лодку! И его не будет. Разве возможна жизнь без него, без Сергея! И двенадцатилетней мальчишеской рукой он цепко схватил весло, чтобы удержать лодку, лавируя на гребне бешено пляшущих волн. Вдали синел берег, обещавший счастье. Он о счастье уже тогда много думал. Но берег был далеко-далеко. А волны – большие-большие. И рукой, слабой, как крыло гусёнка, он вцепился в весло, преодолевая усталость, налегая всей своей человеческой силой на злые силы стихии. Что его спасло тогда? Надежда достичь берега, на котором ходит его счастье, или же силы собственных рук? Силёнок было тогда еще маловато, а счастья так хотелось! Правда, и теперь, в двадцать один год от роду, он так и не успел раскусить еще, что такое счастье, но коварную силу этой реки Сергей уже знал. Только того детского страха перед стихией он уже не чувствовал. Может, оттого, что он повзрослел? Или же от ощущения, что он не на той легкой лодочке, сотворенной по законам плотницкого мастерства древности, а на большом железном катере с мощным мотором в сто пятьдесят лошадиных сил?!

Река бушевала. Волны, как допотопные чудовища, выползали из туманной мглы и с ревом обрушивались на борт, ледяными струями обдавая палубу. Летящие клочья чёрных разорванных туч, казалось, цеплялись за мачту, стараясь поднять судно в воздух. Свирепый ветер, неся на своих могучих крыльях то липучий снег, то черный дым дождя, зычным голосом выводил дьявольскую мелодию. Казалось, стихия старалась выложить все свои злые силы, чтобы испытать молодого человека на стойкость в самом начале его трудовой жизни.

Это испытание Сергей выдержал. Утром были уже на месте назначения. Доставили геофизикам оборудование. На следующий день после их возвращения в Березово река оделась в ледяной панцирь. Начальник экспедиции пригласил Сергея в кабинет. Крепко пожал руку. Распросив обо всем, предложил Сергею поехать учиться на краткосрочные курсы по овладению

техникой геологов... Сергей отказался. Он хотел работать вместе с лучшим другом своим Венькой.

15

Партию, в которой работали Сергей и Венька, перебросили зимой на таёжную реку Конду. Сергей давно мечтал побывать на этой легендарной реке, где когда-то, по свидетельствам книг и документов, могла находиться «Золотая баба».

Кунгурская летопись повествовала, что «Золотая баба» «нага с сыном на стуле сидяща». В одиссее золотой статуи есть своя логика. С незапамятных времен волокни связывали древнюю великую Пермь с Печорой. А отсюда волокни тянулись к Оби. Карты Руси – изданные в Европе – изображают богиню-беглянку находящейся в Сибири. Но и там ей не было покоя.

Повествование «Сибирской летописи»:

Пятидесятник Богдан Брызга, соратник Ермака, спустился по Иртышу. Казаки ворвались в самое сердце языческих святынь. Они захватили идола Рача, но ханты и манси отбили его и уволокли в лес. Казаки обложили укрепленное городище князя Нимьяна. Взять штурмом не удалось. Послали к хантам своего лазутчика – чуваша, знавшего обычаи великой Перми. Он увидел великое моление «Золотой бабе». То ли от золотого блеска в свете костров, то ли от страха чувашу показалось, будто «Золотая баба» находится в серебряной чаше, наполненной водой. И воины торжественно пили воду, надеясь обрести силу и храбрость. Можно предположить, что скорее они пили воду из большой серебряной чаши, которую «Золотая баба» держала в руках.

Казаки пошли на приступ и захватили укрепление. Но «Золотая баба» исчезла. Ее увезли за Конду. Охранять ее стали воины кондинского князя Агая.

Трудно сказать, откуда узнал разжалованный полковник Григорий Новицкий, что «Золотая баба» находится в районе Конды. В 1712 году он начал энергично разыскивать ее. Десять лет скитался по Конде. И, вероятно, не подозревал, что из-за дремучих елей за ним следят чьи-то зоркие и мстительные глаза. И когда он приблизился к «Золотой бабе», люди, давшие обет не

щадя живота оберегать святыню, убили его вместе со священником Сентяшовым. И осталось недописанным в митрополичьей ризнице «Описание о народе остяцком».

1757 год. Тайная переписка Тобольской консистории. Донес священника на крещеных ханты – Сергея Шергу, Ивана Кольваева и Алексея Пангля из шапшинских юрт. Они приносили жертвы тщательно скрываемому идолу – «шайтану». Они были своеобразными уполномоченными по сбору дани для «Золотой бабы».

Начало двадцатого века. «Инструкция кондинской миссии». Параграф четвертый. Требование разыскать «идола, слывущего под названием Троицкого, к которому как к центру идолопоклонства стекаются отовсюду инородцы-самоеды, и остяки-идолопоклонники, и христиане, тщательно следить за сборщиками в пользу сего идола, поддерживающими в инородцах суеверные убеждения, донося секретно епархиальному начальству об нём, что будет дознано относительно сего общепочтительного инородцами идола».

Село Троицкое находилось у слияния Иртыша и Оби. Все следы «Золотой бабы» вели на Конду. Сергей ехал туда в приподнятом настроении, чувствуя себя дважды разведчиком.

Для Веньки переезд на Конду тоже имел особый смысл. Все эти годы он не только помнил о завещании отца, но уже жил этой трудной жизнью первопроходца, разведчика сибирских недр. Первые месторождения газа уже открыты. Но нефти еще нет. И той буровой, которую не добурили геологи предвоенных лет, он еще пока не нашел. И речки «Белой» в бассейне Северной Сосьвы не оказалось. А сколько речек за эти годы объезжено!.. И озера со звучным девичьим именем «Ира» здесь также не оказалось. Где только не был Венька, интересовался всеми местными именами речек, озер, проток, урочищ. И стал своего рода любителем топонимики... Завел карту. Наносил все названия на хантыйском и мансийском языках, расспрашивая местных жителей и, конечно, своего друга Сергея о значении этого слова в переводе на русский.

Этой своей «болезнью» Венька заразил и Сергея. Тот, заинтересовавшись топонимикой, стал вдруг делать неожиданные

для себя открытия. Недавно, например, он уяснил себе смысл названия «Тавды». Северную Сосьву сородичи Сергея называли по-своему «Тагт-я». А это было так похоже на слово «Тавда». Русский слух чуть по-другому прослышал схожие звуки.

– А что такое Конда? – спрашивал Венька. – Как ее перевести?

Сергей не мог на это ответить. Он мог только предполагать.

– Хонт – по-мансийски «война», – размышлял Сергей. – Я – «река». Хонт-я – река военных столкновений. По преданиям и священным песням, на этой реке было множество военных столкновений с татарами и другими соседними племенами.

Венька был уверен, что в бассейне этой реки найдет он и ту речку «Белую», и озеро «Иру», на берегу которого стоит вышка, поставленная его отцом. Он почему-то был уверен, что в бассейне этой реки обязательно должны открыть нефть. Говорят, если у человека есть мечта – то удача рано или поздно придет к нему. Но одной мечты, наверно, мало. Всякая мечта и вера должны опираться на что-то реальное. Уверенность приходит к геологу в результате глубокого изучения известных уже материалов, анализа их, сопоставления с другими районами и, конечно же, в научном предвидении. До научности Веньке было далеко, так как только еще заканчивал заочно институт. Но он много и самозабвенно читал, изучая труды немногих довоенных исследователей недр этого края, описавших отдельные проявления нефти и газа на поверхности. И в послевоенные годы кое-что было сделано геологической наукой. Ханты-мансийская впадина с мощной толщей осадочных пород, в том числе и битуминозных, давала геологам теоретическое основание смело говорить, о нефтеносности недр края. Условия образования нефти были; структуры-ловушки, в которых обычно накапливается черное золото, были выявлены первыми геофизическими исследованиями.

Веньку, Сергея и еще несколько человек из Березова, пожелавших работать на Конде, направили в сейсморпартию, которая уже там работала. Для укрепления кадрами. В той сейсморпартии не хватало не только рабочих, но и начальника не было... Начальник выехал на центральную базу и не вернулся. Разное су-

дачили. Одни говорили, что у него в семье что-то случилось. И он вынужден был уехать на Большую землю. Другие утверждали, что он просто сбежал. Не выдержал северной пустыни, неуют, морозов – и сбежал. Частенько случалось такое. Потому особенно никто не удивился. Приехало начальство из экспедиции, и обязанности начальника возложили на Веньку.

Он учился уже на последнем курсе института и практически опыт уже имел немалый. Вот его и назначили. Горячо взялся Венька за дело.

А дел было невпроворот. И трудностей не счесть! Тайга на каждом шагу строит каверзы. То встает неприступной дремучей стеной, то, наоборот, раскинется шипящей топью болот, то разыграется внезапной вьюгой, то напустит полчища комаров, гнуса, то одарит клещевой болезнью.

С этими каверзами тайги Венька научился бороться. А вот с людьми было потруднее. Глубину любой реки можно измерить. А вот как познать коварство сердца? В сейсмоотряде был рабочий по прозвищу Великий. Неизвестно, кто придумал ему это «имя», но владелец носил его с явным удовольствием. Всем своим поведением намекал, чтобы его называли так, а не иначе.

Обстановка благоприятствовала этому. Вокруг было больше деревьев и медведей, чем людей. Для Великого это было «то, что надо».

Вечерами он рассказывал про свои «подвиги», как досрочно вышел из тюрьмы, как боялись его «чиновники» где-то там на юге, как он здесь наведёт «пролетарский порядок», прибрав кое-кого из «начальничков». Возможно, у него и на самом деле были когда-то успехи в этом роде. Потому что среди рабочих, тех, что остались от развалившейся сейсмопартии, он пользовался явным «авторитетом». Его слова воспринимали как закон. Ни больше ни меньше.

Венька принимал сейсмопартию и чаще был в отъездах: то на базу экспедиции уедет, то в район. И руководство осуществляли не операторы и не другие специалисты, а над коллективом верховодил Великий, стараясь прибрать к рукам и «новеньких», приехавших на укрепление развалившейся сейсмопартии.

Сергей сразу заметил что-то неладное. Пытался противостоять. Но вышло так, что однажды пришел из лесу «разукрашенный».

– Кто тебя? – спросили его товарищи, указывая на подбитый глаз и синяки на лице.

– Медведь, наверно, помял ему бока за приткий норов, – ухмылялся Великий.

Сергей молчал, стиснув зубы. Жаловаться было не в его характере. В школе сам не любил жалобщиков и нытиков.

В душе у него все кипело: обида, гнев, справедливость... Есть ли справедливость?! Или всюду властвует сила?! Грубая, физическая... Сильный подчиняет слабого?.. А если не подчинишься – уничтожит?

А было так:

– Ишь ты какой! Остяк, вонючая рыба! Поговори у меня! – поддав кулачищем в поддых, прошипел красномордый Великий. – Пикни только – придавим, как гниду! Смотри, нас сколько!.. А ты один, остяк, вонючая рыба!

Больно было не столько от его кулачища, сколько от слов «придавим», «ты один»...

Великий действовал будто от имени кого-то, величая себя во множественном числе. Кроме Сергея в сейсмоотряде и на самом деле манси больше не было, и ему на мгновение стало не по себе. Страх охватил его. Вспомнились слова матери, которая когда-то умоляла его не ходить с незнакомыми людьми.

– Среди них разные попадают, – говорила она. – Еще в пьяного превратят. В бутылках – огненная вода. Она, сынок, злая. Потеряешь разум быстро. А остяком назовут – будешь сердиться. Сердиться станешь – побьют. Не ходи, сынок. Послушайся, Побереги сердце матери...

Сергей не послушался. Пошел с этой партией... и вот, теперь в памяти всплыли ее слова. Они показались на мгновение вещими. И стало Сергею тревожно.

Но это было лишь мгновение. В памяти зажглись ласковые глаза Веры, выплыло дружеское лицо Веньки. И силы откуда-то нахлынули. Сергей вскочил на ноги. Нанес ответный удар. Широкое лицо Великого побагровело, исказившись в злобной гри-

массе. Но бить больше не посмел. Лишь пригрозил: «Пикни только!..»

В дремучей глуши Великий чувствовал себя героем. Многих в партии он действительно прибрал к рукам. У него была разработана своя оригинальная стратегия и тактика. «Стратегия» и «тактика»... К этим словам он был равнодушен. Произносил их с упоением, философствуя о жизни. Он считал себя большим философом. Но если кто-нибудь с ним позволял себе не соглашаться, он особенно не настаивал, мудро менял тему дискуссии, доставая из кармана патроны с какими-то «новыми пулями», обладающими, якобы чуть ли не «атомной энергией». А то вытащит нож какой-то замысловатой формы. Сверкнет лезвие блеском стали в его больших руках, и, ничего не говоря, Великий уходит в лес на охоту. Ребята знали, что Великий принесёт «дары природы» на общий стол, и потому выполняли и его работу молча. И на самом деле Великий никогда не приходил с пустыми руками. То принесет рябчика, то тетерку, а то и самого глухаря. Только преподносил эти «дары» так искусно, что все оставались как бы в долгу перед ним. Иногда некоторые благодарили его действительно как благодетеля. В такие минуты Великий сиял улыбкой, как сталь на острие ножа...

И люди так привыкли к подобному «товариществу» и «дружбе», что иной жизни и не мыслили, частенько подменяли его на работе. И вот в отряде появился «хозяин» – так почему-то сразу стали называть Веньку за глаза, а при встрече все величали его Вениамином Васильевичем.

С появлением его действительно стал налаживаться порядок. Установили связь с Большой землей. Арендовали в колхозе лошадь и возчика, договорились о поставках молока, мяса, сметаны, рыбы. В меню сейсмиков теперь уже были не одни консервы. В таежно-дремучих отношениях людей появилось что-то новое, человеческое.

Вовремя теперь стали выходить на работу, с самого раннего утра, а не тогда, когда вздумается. Только прежним остался Великий. Может быть, только поосторожнее стал, чем прежде.

– Начальничек еще тот, – говорил он втихомолку. – Всех прижмет. Узнаете...

Сам по-прежнему часто уходил в лес, переложив свою работу на товарищей...

Однажды утром, придя на профиль, Венька заметил, что никто еще не начинает бурить. Он обошел людей, технику, приглядывался, старался выведать, почему никто не работает. Однако все почему-то молчали.

Подошел трактор, вспахивая снежную гладь, волоча за собой тракторные сани с буровой установкой. Он остановился у вешки, где намечено пробурить скважину. Тракторист, спрыгнув из кабины на снег, спокойно закурил папиросу. Когда Венька спросил его, где Великий, он боязливо съежился, будто его ударили по больному месту, но ничего не сказал.

Пришлось самому начальнику становиться к буровому станку. Станок загудел, бур стал вгрызаться в землю. Полчаса... час... два... Медленно шел вглубь бур. Земля точно каменная. Вечная мерзлота показывала свой нор и злую силу. Даже сталь и та, казалось, замерзла в этой мерзлоте, крутясь порой на одном месте.

Вечная мерзлота... Но не от нее людям было тяжело. Рядом с ними был паразит пострашней и опасней. Великий. Он позволил сегодня себе поваляться в постели. Стиснув зубы, работали люди. Им тяжело. Но они знают Великого больше, чем Венька...

Но вот кто-то все же осмелился и рассказал о всех проделках Великого, и, когда к обеду явился Великий, Венька приказал ему писать объяснение, сурово отрезав:

– Довольно! Покуражился! Будем судить! Всем отрядом!

Шальными глазами пробежался Великий по товарищам, ища поддержку. Но и во взглядах ожило что-то новое. Он понял. Все понял. Конец. Больше ему не верховодить. Люди уходят от него. Ушли... Но имя Великий было таким звучным. Нет! Он его не уступит. Он будет бороться за него. Чего бы только не стоило.

Его охватила ярость. О, если бы у него были крылья – взмахнул бы ими широко, вознесся бы над ними да клевал бы их, клевал этих мелких людишек, которые только и умеют повиноваться силе. Если бы у него были волчьи зубы – разодрал бы их продажные шкуры. Если бы у него были медвежьи лапы – сорвал

бы кожу с их ничтожных голов. В нем кипела звериная злоба, однако не было могучей звериной силы. Но, вспомнив про силу железа, он медвежьими прыжками помчался в балок.

В руках у него было ружье, в глазах ярость, будто в них пляшут звери.

Звери дикие, яростные. Они растут, с каждым мгновением становятся страшнее. Схватить бы их, придушить бы их, пока они не превратились в неотразимых хищников. Но люди молчат. Здоровые, сильные, они словно оцепенели.

Да как не оцепенеть, если перед глазами творилось невообразимое. Он вгонял патроны в патронник так, чтобы все видели. Потом железные глазницы ружья устали на Веньку. Тревожно прогудев, буровая установка замолкла. Начальник поднялся к буровой, как оратор на трибуну. Спокойным и долгим взглядом пронизал взбесившегося Великого, спокойно и твердо произнес:

– Убери игрушку и вон отсюда!

Закачался ствол в руках у трясущегося от бешенства Великого.

– Продолжайте, товарищи, работать! – повернувшись лицом к рабочим, спокойно произнес Венька.

Раздался выстрел. Венька упал. Белый снег обагрился кровью. Теплой человеческой кровью. Без войны, в мирное, тихое время. Чудовищно. Непостижимо. Зачем? Почему? Может, Великий и на самом деле не хотел уступить власть над людьми?

Когда Венька упал, лишь тогда люди зашевелились. Они точно проснулись, сбросив оцепенение. Ринулись к преступнику...

К счастью, рана оказалась неопасной. Через месяц Венька вернулся в сейсмоотряд и с ещё большим энтузиазмом взялся за дело.

16

– Ав-ав-ав! – вдруг заговорила тайга звонким голосом Музгарки. Голос её звенел струной, и вдруг что-то в нём оборвалось. Будто слёзы застряли в горле её. Не слёзы ли утерянного собачьего призвания? А может, это слёзы счастья случайного и редкого прикосновения к своему привычному делу? Музгарка

кричала, визжала, пела, плакала, звала... Она была в своей собачьей стихии.

Когда Сергей подошел к кедру, под которым она лаяла, Музгарка заскулила еще сильнее прежнего. Она прыгала вокруг могучего дерева, кусала ствол, царапала кору. А с зеленой ветки глядели черные глазки. Они удивлённо смотрели вниз. Наверное, не понимали: почему такое большое существо шумит. Сергей и на себе ощутил этот изучающий взгляд острых глаз бурундука. Он опустил ружьё... А Музгарка лаяла, просила стрелять.

Этот собачий визг и тупая злоба взволновали его, опять взбудоражили ум.

Птицы, звери, собаки, люди... Все мы живем на одной земле. Для чего живем? Для наслаждения? Таежный воздух так ароматен! Сон – так сладок! Утро – так прекрасно!.. Создатель Вселенной сотворил все главное: зверей, рыб, растения – для человека. А человек для чего живет? Живет для своего наслаждения и счастья? А может, смысл жизни его заключается не в том, что он наслаждается всем этим, а в том, что делают его руки? А может, в том, как он понимает мир?

Птицы, звери, собаки... Думают ли они? Если они не думают, то почему их жизнь устроена слаженно и по-своему мудро?

Человек... Если он мыслитель – то почему он так часто нарушает естественную гармонию природы? А может, так и нужно? Какая конечная цель человека? Может, быть достойным счастья? А в чем его истинное достоинство?

База сейсмопартии находилась в глухой таежной деревушке на берегу узкой речки. До базы экспедиции сотни километров. Связь с базой только на лошадях. Автомобилям здесь тогда делать было нечего. Зимой снега, а летом – топь, бездорожье...

В деревушке несколько избушек, в которых жили местные рыбаки и охотники. На краю деревни – красный уголок, обычная бревенчатая изба. Красным в этом помещении был лишь стол, покрытый кумачом, да трибуна. А так неуютно, холодно. Видно, давно не открывали. Не было культработника.

Вера, не согласившаяся остаться в Березове, решила навести порядок. Районное начальство было радо этому. Назначили ее заведующей клубом. Скоро в красном уголке появились не

только новые книги и журналы. Вера прочитала лекцию о современной молодой поэзии...

Ох, этот Крайний Север! Мужество женщин здесь приобретает совсем другие краски и другое звучание.

Первую зиму совместной жизни Вера и Сергей жили в неуклюжем деревянном балке, поставленном на тракторные сани. Среди заиндевельных березок стояло около двух десятков таких домиков на краю небольшой таежной деревушки.

Рыжее солнце, как бурый медведь, на зиму уходит в спячку. Зимний день короток. Зато ночь долгая. То звезды на небе и тишина морозная, то выюга завывающая, скребущая снежными лапами дверь.

В углу балка трещит «буржуйка». Пока пляшет в ней пламя – тепло. А утром вода в ведре застывает, а в балке разгуливает морозец. Не хочется вылезать из теплого спального мешка. Но надо! Надо – сделано! Для Веры это было как заповедь, как закон. Впрочем, и мороз оказался не таким уж страшным. Ничего особенного. Зато романтично. Балок, как палатка полярника. Спальные мешки, как у веселых туристов. И песня, как спутница:

Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветру и солнцу брат...

Напевая эту песню, Вера шла на белую речку за водой. Долбила в проруби замерзшую корку льда. Потом носила дрова, растопляла печь, готовила завтрак и обед из консервов. Консервы тоже намекали на романтичность. И хотелось петь:

Я не знаю, где встретиться
Мне придется с тобой.
Глобус крутится, вертится,
Словно шар голубой...

И Вера в песне шла по городам и странам, чтобы встретиться с ним, с Сергеем. Ведь только считалось, что он был с ней. А на самом деле он был в поле. Иногда их разделяли десятки километров. Но по субботам, нередко и в простые дни, Сергей прибегал к ней на лыжах, если не было попутной экспедиционной лошади, на которой ездили на базу.

Что такое романтика? В чем заключается героизм? В том, чтобы совершать подвиги? А если только мороз, темень, сон и работа? Конечно, в этом нет ничего героического. Но разве не романтично, если все как в песне?

Она чувствовала себя геологом, человеком романтической профессии. И от сознания этого пронизывающий все тело холод, и изматывающая тоска длинных зимних ночей, когда не было Сергея, и сырость осенних дней, и комариные тучи лета казались лишь экзотическими чертами романтики.

Может, это от молодости, а может, оттого, что внутренне она была готова к такому образу жизни, так давно мечтала о чем-то необычном.

Помнится, в газетах опубликовали призыв к молодежи. Партия звала ехать на новостройки шестой пятилетки. В Сибирь, на Дальний Восток, в Донбасс.

«Может, поехать, а? – спрашивала Вера себя, читая строки газеты с романтическими заголовками. – А почему бы и нет? Вот уже скоро двадцать, а что видела? Кроме деревни, где мать, и Ленинграда, – ничего. А поеду куда-нибудь на Восток, в палатке буду жить, работать вместе с людьми. А ехать на поезде... Это, наверно, здорово! Всю страну увижу...»

Тут же набегали другие мысли:

«А как же с учебкой в библиотечном техникуме? На заочное перейти? На вечернем нелегко, а на заочном будет тем более... Нет, нельзя... Здесь подруги, знакомые, общежитие точно родной дом. И Ленинград, в конце концов. Одно слово само за себя говорит. Жалко с Ленинградом расставаться. Полюбила этот город. Уедешь – потеряешь прописку. Старшие советуют не делать такую глупость. Мол, это все пустая романтика. И опять же надо когда-то начинать настоящую жизнь. А то что же получается – живу в доме, который строили другие, ем хлеб, выращенный кем-то. Работаю. Но что моя работа значит для общества!.. Неужели из-за этой ленинградской прописки просидеть молодость здесь. Нет и нет!.. Такого не будет!..» А случилось все именно так. Никуда Вера не поехала. Отговорили люди, подруги постарше, тетя. К тому же техникум надо было кончать.

И вот ее мечта вспыхнула вновь, когда она познакомилась с Сергеем. Возможно, это сыграло немалую роль в том, что она согласилась выйти за него замуж.

Его рассказы о Севере растили в ней надежду, что она наяву встретится с чем-то необычным, возвышенным. И что-то подобное она действительно встретила на Севере. Изматывающая тоска длинных зимних ночей компенсировалась ее работой. Она целыми днями пропадала в красном уголке.

Сначала больше приходилось заниматься уборкой. Каждый день мыла пол. Посетители курили, мусорили, а некоторые плевали тут же. Приходилось писать лозунги, объяснять – в общем, проводить работу.

Пришлось переквалифицироваться. Кроме библиотекаря, она постепенно становилась не только культработником широкого профиля, но и постигла новые для себя профессии – печника, уборщицы и даже трубочиста. Печка в клубе была с виду нормальная. Но когда растопили, дым почему-то не желал выходить в трубу, он предпочитал выходить прямо в комнату. Пришлось лезть на крышу, убирать с трубы снег, а потом и прочистить дымоход.

Составила примерный план работы. На первую беседу о молодой советской поэзии пришли почти одни геологи. После приезда киномеханика зачастили в клуб и другие жители таежной деревушки: рыбаки, охотники... Молодёжи почти нет. Все учатся: в школах, техникумах, институтах. В деревне одни если не старики, то люди в возрасте. Люди семейные. Все же несколько парней и девушек в деревне было. Решила их вовлечь в самодеятельность. Надо было подготовиться к новогоднему вечеру. Ребята из сейсмопартии тоже обещали показать свое искусство. Они были в поле. Пришлось к ним ездить, устраивать импровизированные репетиции.

Основная работа по подготовке праздничного вечера – с местными ребятами, девочками. Собирала их Вера на репетицию каждый вечер. Репетировали, просто пели песни, болтали о всякой всячине. Ребята и девочки работали в отделении колхоза. Один тракторист, другой рыбак, третий охотник, а две девушки – со зверофермы. Ребята дальше Ханты-Мансийска не были.

И потому частенько просили рассказать о Ленинграде, об Эрмитаже, о железной дороге, высоких каменных чумах... Все это видели они в кино и читали в книгах. Но им, видно, хотелось услышать о знакомом и далеком от живого человека. Вера рассказывала, как могла. Вскоре в красный чум зачастили и старики. И не потому, что Вера оказалась такой красноречивой. Просто она любого приезжего из района или из области специалиста умела привлечь, заинтересовать своей работой.

И вскоре он уже был и лектором, и участником конференций и дискуссий.

Концерты, читательские конференции, дискуссии, лекции не только в геофизической партии, но для всех делали свое дело. Вера не была ни певуньей, ни плясуньей. А старики, покачивая головами, растягивая слова, приговаривали: «Шаман-девка! Большой шаман!..»

Шаман-девка!.. Грубое слово. А может, она богиня, волшебница, героиня?! Наверно, в ней в какой-то степени и все черты, присущие другим женщинам: и женственность, и откровенность, и терпимость, и стыдливость, и даже не лишена она чуточку эгоистичности. Возможно, ее можно назвать и шаман-девкой, и волшебницей, и Сорни-най. Но ясно одно: при всем этом она мужественна!..

17

Скупое зимнее солнце, побродив по вершинам деревьев, кануло в чашу леса. Но светлая его улыбка продолжала озарять серебряную чашу неба, по краям которой начали проступать бледные-бледные звездочки. Надвигался вечер. Но Сергею хотелось еще поглядеть на те места, в которых теперь ему приходилось бывать редко. Нет, они не стали чужими. Они жили в нем. Но не настоящей, а какой-то сказочной жизнью. Жили в памяти. И эта речка, звенящая под мысом, и лиственница с орлом на вершине, и узкая таежная тропка, бегущая в урман, где стояли когда-то ловушки отца и деда, и этот покосившийся набок лабаз казались сном, выдумкой. Конечно, все это не имело для него никакого практического смысла. Жизнь его семьи не зависела от случайной добычи на промысле. Но этот уголок тай-

ги являлся в снах, будоражил мысль, притягивая к себе, заставляя прикоснуться, вспомнить, подумать.

Недалеко от избышки под лиственницей стоял лабаз на трех высоких ногах-бревнах, врытых в землю. Четвертой ноги не было. Кто-то выбил. Зачем? Непонятно. Дверь лабаза была приоткрыта. Рядом валялась припорошенная снегом лестница. Без лестницы не забраться в это заповедное хранилище охотника ни мелким грызунам, ни росомахе, ни медведю. Еще дед, говорят, хранил в этом лабазе добычу.

В памяти Сергея выплыл другой такой же лабаз, который находится в святом урочище, недалеко отсюда. Там в сундуке, обитом медными пластинками, среди деревянных кукол, разнаряженных в старинную мансийскую одежду есть изображение Духа отца.

Когда мать получила «черную бумагу» – похоронную, она, наплакавшись, нарыдавшись, тут же достала отцовский нож и из полена стала что-то вырезать. Скоро обрубок дерева стал обретать глаза, руки, ноги. В ее руках родился деревянный человечек. Потом, плача и приговаривая таинственные слова, стала шить для него одежду. Сначала сшила рубашку из ситца лилового цвета с отложным воротником. Затем из белого оленьего меха смастерила кисы с меховыми чулками и натянула их на крошечные ноги куклы. Скоро на голове деревянного человечка появился конусообразный колпак, сшитый из клиньев разноцветного сукна, отороченный меховой опушкой по краю. Надела на него малицу¹¹ без капюшона с высоким стоячим воротником и широкой пандой из собачьего меха. Нарядив его – еще в нарядный гусь¹², сшитый из красивого меха молодого оленя, подпоясав плетеным красным шнурком, она поставила его в священный угол дома.

Сначала Сереже было трудно представить, что это отец. Но мать так возилась с ним, что и он скоро тоже, оставшись наедине, стал разговаривать с ним, искренне веря, что перед ним

¹¹ Малица – глухая одежда, мехом вовнутрь. Бывает с капюшоном и без капюшона.

¹² Гусь (или совик) – глухая одежда, мехом наружу, с капюшоном.

Дух отца. А кому не хочется поговорить с отцом! Об охоте, о рыбалке, о ружье, которое было им завещано сыну, а мать почему-то держит его в сундуке...

Когда мать ложилась спать, она клала куклу с собой. Утром опрыскивала его водой, махала полотенцем. Когда садились за стол – перед ним дымились чаша с едой. Эту еду съедали сами же. Но на его стул никто не садился. И за столом ему было отведено место. И серебряную ложку его никогда не забывали положить на стол...

Иногда мать ругала Духа отца за то, что он оставил ее одну. Жаловалась на мороз и холод. Плакала. Потом снова ласкала его. Чаще же ругала она Гитлера, который, по ее словам, Дух черной смерти, железный зверь и кровожадный злодей. Он лишил ее милого светлой жизни. И не только ее, а многих-многих женщин. И за это она крыла его проклятиями, заклинала. Потом, нарыдав-шись, роняла голову перед священной деревянной куклой.

Так продолжалось две зимы и три лета. Потом мама позвала в дом Ильля-Аки и других односельчан, знающих законы предков. За столом, на котором дымилось мясо жертвенного петуха, заколотого в честь Духа отца, долго совещались, куда понести его. Одни предлагали отнести на кладбище, куда кладут по истечении двух зим и трех лет этих кукол. Другие же говорили, что он не умер своей смертью, а героически погиб в борьбе со злым фашистским духом, значит, его изображение следует поместить в капище, где хранятся изображения знаменитых духов-предков: богатырей, шаманов, выдающихся охотников. Через некоторое время так и сделали. На заработанные за лето на рыбном промысле деньги мать купила жеребенка. Его закололи на святом месте перед капищем. Напоив изображение Духа отца кровью жертвенного жеребенка, его посадили в кованый железный сундук среди других духов-предков, к которым шаманы нередко обращались за советом в длинных и звучных камланиях. На священном костре горел священный огонь. Под его горячим взглядом Сережа должен был шептать вслед за Ильля-Аки какие-то священные мансийские слова, похожие на клятву. Потом Сереже дали кусочек дымящегося мозга жертвенного жеребенка и сказали: «Помни!»

С тех пор мать постепенно успокоилась. Лишь иногда вспоминала отца. Но забыть ли Сереже, как она ласкала деревянную куклу, как она ложилась с ней спать! Как вспомнит – сердце сжимается.

От лесной избушки веяло неживым, заброшенным сумраком. Видно, давно здесь никто не был.

Илья-Аки так и не собрался осенью послушать глухаринные песни. Отяжелел. Руки, ноги стариковские, видно, ослабли. А ведь мечтал. При встречах с внуком только об охоте да этой таёжной избушке у него и была речь. В те годы он не пропускал ни весну, ни осень. Все в тайге пропадал.

– Что ты там, в глухомани, делаешь? – спрашивали его односельчане, удивляясь одиноким скитаниям старика.

– Живу. Настоящей жизнью. И точка...

В последнее время в словаре старика появились новые слова: бульдозер, шарашка, буровая, газопровод... авария, даёшь газу, аврал, всем труба, и точка!..

Последнее – «и точка» – фигурировало в каждом его предложении.

– Что такое настоящая жизнь? – спрашивали его.

– Ай, рума! Не знаешь – что такое настоящая жизнь? Ай-ай! – прищуривая глаза, восклицал он. – Настоящая жизнь – это когда живешь хомхозы, и точка!..

Старик слово «колхоз» произносил по-своему.

– Какой еще колхоз? Все теперь в подсобном хозяйстве работают. Разве где-нибудь в тайге... Так там одни медведи...

– Медведь – тоже люди. Только в лесу живущий люди. Он всё знает, видит, слышит. И точка!..

– Но при чем тут колхоз?!

– В подсобное хозяйство меня не берут. Пенсию дают. Скучно. Я иду в урман. Там мой рума Медведь, рума глухарь, рума дерево большое. Нас много. Весело, как в хомхозе. Хомхоза теперь нет. А мы привыкли жить хомхозом. И точка!..

Даже Сергей помнит, как Илья-Аки отлынивал от работы в артели. Месяцами вот так же пропадал в тайге. А теперь, когда в их местах вместо колхоза стало подсобное хозяйство при газопромысле, он вдруг заговорил о колхозе. Будто и на самом деле

такой уж коллективист. Правда, и другие старые манси вспоминали колхоз тепло.

– Колхозом жить – хорошо! – говорили они. – Все работают – все хозяева. Руками работаем – руками и руководим. На общем собрании поднимаем руки. А все решает общее собрание, а не директор, как в подсобном хозяйстве. Директор – он все один решает. Захочет – примет на работу, захочет – выгонит. А председатель... Тот был свой. Хочешь выбрать его – выбе-решь, не захочешь – не поднимешь руки, против проголосу-ешь... А главное – не в председателе дело. Главное – весело бы-ло жить, состязаясь между собой, соревнуясь с другими колхоз-ами. План выполняли, перевыполняли, хвалили и ругали друг друга на общем собрании, все решали сами. Каждый колхоз – как самостоятельное государство. И мы были вроде самостоя-тельных людей. Хорошо было жить колхозом!..

– Так в подсобном хозяйстве заработка намного больше, чем в колхозе. И газ в квартирах. И пенсия у стариков немалая!..

– Ай-ай! Разве в одних деньгах дело?! – отвечал старик. – Рыбы и звери – и те не просто живут, поедая друг друга, но еще и веселятся, играют. Послушайте, посмотрите на игру жизни весной!..

Сергей старался не обращать внимания на стариковские бредни, но в последнее время стал задумываться о колхозе, о подсобном хозяйстве, о житье-бытье своих сородичей.

Правильно ли кое-где поступили, где открыли газопромыс-лы, что заменили колхоз подсобным хозяйством? Люди уже ду-шой прикипели к колхозной жизни, стали привыкать. Может, не следовало торопиться, а обсудить, обговорить с людьми этот сложный вопрос. И уж потом – решать. Тогда бы, возможно, не стали бы многие жалеть о колхозе, а поняли бы, что в их местах наступили новые времена и новые перемены просто-напросто необходимы.

– Нет шумного председателя, есть строгий директор. Он меня не трогает, а пенсию дает. И точка! И все же хомхозом жить хорошо! И точка!..

Сергей старался понять Илья-Аки. Но он был неуловим, будто какой-то дух. Говорил одно – делал другое. А может быть,

дело не в старике, а в нем самом, в Сергее. В последнее время он стал чувствовать, что иногда некоторые вещи для него становятся снова не совсем ясными. То, что раньше казалось ему простым, легко объяснимым, теперь, в тридцать семь, вдруг стало чудиться ему необыкновенно сложным. В привычных и давно знакомых вещах он нередко открывал теперь что-то новое, более глубинное. Заметил, что между явлениями есть сложная взаимосвязь. Какие-то тайные нити связывают порой совсем разные вещи. Понял, что есть во всем закономерность. Но почему одна и та же вещь в разное время кажется иной? От незнания и невежества? Ясно одно: нужно познавать вещи, чтобы получить достоверную истину. Для этого их нужно изучать, исследовать. Но возможно ли до конца познать вещь? А человека? Может быть, чаще всего мы имеем о нём лишь свое мнение и убеждение или образное представление, заблуждаясь относительно истины, самоуверенно полагая, что мы ее знаем?

В избушке было темно и сыро. В небольшом отверстии, заменявшем окно, торчала грязная тряпка. У стены стояла рама с прокопченными стеклами. Кто-то снял ее. Черная пасть чувала – этого древнего очага манси, полукостра-полупечи, зияла в углу избушки, рядом с низкой дверью, в которую даже Сергей, несмотря на свой средний сибирский рост, входил нагибаясь. Он любил смотреть на игру огня в чувале. Настругав стружек из сушняка, который он набрал поблизости от избушки, разложив поленья крест-накрест, он не торопясь подносил золотой язычок пламени спички то к одной, то к другой стружке, будто совершая какое-то таинство. Мгновение – и по дереву бежит красная лисица. Так говорит мансийская загадка о чувале, в котором пляшет пламя. Золотые тучи огня оживили лесную избушку, осветили ее темные углы. В одном из ее углов валялся перевернутый низенький столик, в другом – скамеечка, тоже низенькая, маленькая, будто детская. Это Илья-Аки когда-то сделал. «Как это не сожгли их геологи, разные бродячие туристы, – думал Сергей, глядя на сорванные с нар доски. – Надо будет починить нары. А то спать на полу... И зачем им понадобились доски? Разводить огонь – так кругом лес... Непонятно, зачем они так...»

Сергей думал о законах тайги. Они во многом справедливы, и как важно их сохранить. Находятся же люди, которые нарушают их! Вот пришел бы в эту избушку, в пургу, ночью, усталый или больной, что бы тогда стал делать? Спичек нет, соли нет? Зачем же срывать доски с нар убирать рамы?..

Этот домик построил Илья-Аки после войны. Но и он уже успел покоситься. На мшистой земле дерево гниет. Если бы на фундаменте!.. Так в старину строили свои лесные избушки. В детстве Сережа не раз бывал в старинной дедушкиной избушке, которая стояла рядом. На крыше у нее росла мягкая, пушистая трава. В любой дождь и непогоду в домике было тепло и сухо. От той избушки остался лишь нижний венец.

Доски с нар сорваны. Пол затоптан грязью. Кругом валяется мох, трава пожухлая. Глядел на это Сергей, и казалось, будто поломали его светлый сон детства. В деревне у них вначале была почти такая же избушка, пока колхоз не построил другу, более просторную и светлую. В одном углу стоял такой же чувал, а не кирпичная печь, как сейчас. В другом углу находилась клетка для телёнка. Рядом с этой клеткой ночевала всегда и собака. Сквозь крохотное оконце с продыmlенным стеклом просачивался веселый свет, игравший целый день на улице. Не совсем светлым помнится этот домик, но во сне он являлся Сергею почему-то приятным. Не раз ему хотелось вернуться в него, прикоснуться, подышать тем воздухом... Но стал бы жить Сергей в такой избе? Конечно же, нет! Квартира, современные условия жизни... Они, видно, играют немаловажную роль и в отношениях людей, в семье. Не раз замечал в разговоре с Верой... Вот и в последний раз.

«Хватит, потаскалась я по Северу!.. Проклятая, что ли?! Я тоже жить хочу...» – горькие слова жены нет-нет да и всплывали в памяти. И глаза ее, наполненные слезами, будто стояли перед ним.

Никогда Сергей не видел жену такой. Не из плаксивых она. Сколько раз сам поражался ее стойкости.

И теперь вот в этой таежной тишине хотелось разобраться: чем вызваны эти слезы?

Вот уже, сколько лет они в поселке Зеленая роща. Посёлок действительно зеленый. От простора сосновых рощиц, приютившихся среди ровных рядов аккуратных двухэтажных домов на берегу подковообразного озера. А в кафе вместо стульев сосновые и березовые пни. Сосны растут и в причудливой росписи домов. С выдумкой строили этот поселок его молодые строители, комсомольцы.

Они отстаивали эти сосны. «Не дадим вырубить лес! Не дадим оголеть поселок!» – заявили они тем, кто говорил, что деревья будут мешать при строительстве, что легче посадить новые. Если бы тогда уступили?! Стоять бы теперь поселку на берегу озера, как сиротинке. Резвились бы по нему промозглые ветры Ледовитого океана, как в других новостройках Севера.

Теперь этот поселок как оазис в однообразии северного пейзажа, с ржавыми болотами с проблесками чистой воды, негустой тайгой.

Ровные ряды домов. Бетонированные улицы. Сосны... Этот городской посёлок без окраин больше похож на дом отдыха.

А когда-то здесь был островок тайги. На месте глухариного тока теперь асфальтированная площадь. Еле заметная таёжная тропинка превратилась в улицу Надежд. На месте медвежьей берлоги теперь Дом культуры. В его светлых и просторных залах отдыхают после работы люди... А медведь поплелся дальше в урман...

Нелегко было строить этот поселок. На глухариный ток, вокруг которого начиналось строительство, первые строители ходили через болото и протоптали «тропинку мужества». Нередко ночью, когда землю окутывала темень, чуть свернет человек в сторону – и увязнет в трясине.

– В дерево одели нашу «тропинку мужества», – как-то сказала жена, проходя по деревянному тротуару, – не додумались бы одеть ещё в бетон! Память изломают. А то кое-кому покажется, здесь все время было гладко. Пусть хоть «тропинка мужества» останется... В память о нашей молодости.

Тропинка... Немало потопала по ней и Вера. Жили они здесь ведь почти что с самого начала. В третьем жилом доме, который сдавали строители, получили квартиру и Лугуи. Хотя

посёлок был новый, необжитый, столько радости было, когда получили квартиру! Казалось, теперь уж конец вечным скитаниям. Наконец-то можно пожить и оседлой, нормальной жизнью. Три комнаты, кухня, ванная. Газ, горячая вода, канализация. Квартира со всеми удобствами. В окна глядятся зелёные иглы сосен. Сквозь кудрявые ветви серебрится гладь озера.

А весной утки летают перед самыми окнами. Звонкая лебединая песня нет-нет да и прозвенит над озером. И рыбы весёлыми всплесками ломают зеркало воды. Квакают лягушки. А белая ночь с запахом цветущей черемухи!.. А большие летние дни, когда на кедрах созревают шишки, а земля голубеет от налитых ягод голубики... А ближе к осени земля наливается живой и сочной кровью брусники. И грибов не счесть! Если бы не комары да мошкара – быть бы этому уголку земли райским. Во всяком случае, Сергею казался он таковым. И жена, видно, уже привыкла к этому лесному уголку. В отпуске, вдали отсюда Сергей не раз замечал, что она нет-нет да и скажет с восхищением: «А в нашей тайге!.. А в нашем озере!.. А в нашем посёлке!.. А в нашем доме!..»

А в поселке Зелёная роща действительно неплохо. Порядок здесь такой, что милиции и дружинникам делать по вечерам нечего. Днём все работают, а по вечерам спешат в Дом культуры. А в Доме культуры и библиотека, и спортзал, и новые кинофильмы, и веселые вечера отдыха, и различные секции... некогда здесь скучать.

В посёлке не только современный благоустроенный Дом культуры. Здесь хорошо оборудованная торговая база, больница, школа, почта, телеграф, быткомбинат, детские сады, ясли...

А вначале ведь жили в вагончиках в вагон-городке. Теперь никого там не осталось. И вагоны увезли куда-то на север. Может быть, на ту самую новую стройку. И если принять предложение начальника, то семье Сергея, конечно же, жить снова в таком же балке. Вагончик, в котором когда-то жили Лугуи, ничем снаружи не отличался от других крошечных домиков, вытянувшихся на небольшой поляне среди соснового бора. Бывало, Сергей до того устанет после работы, что ноги кажутся каменными. Но только стоит переступить порожек этого тесного, но

уютного очага, где хлопчет его Вера, как усталость его мгновенно снималась. То ли от её ласковых глаз, от её хлопот и беспокорства, то ли от уюта, который она умела создавать в любом малом уголке, где приходилось им жить. На окне сиреневая занавеска, на малюсеньком подоконнике каким-то чудом приютился выюнок, его воздушная зелень продолжалась в золотисто-зелёных обоях, которыми были оклеены стены вагончика. На полу синтетический коврик, на стенке над кроватью настоящий бархатистый ковёр...

– Вот бы сюда подвести бы воду, паровое отопление от котельной, оборудовать душевую, – говорила она иногда, вздыхая, ковыряясь кочергой в железной печурке, устроенной в углу. – Есть же котельная. И трубы, наверно, найдутся. Взяться только...

Живя в вагончике, глядя на неровную улицу вагон-городка, Вера частенько вспоминала свой город с его прямыми проспектами, дворцами, парками. И потому отпуск обычно проводили в Ленинграде. Лишь несколько раз за столько лет погрелись у Чёрного моря. А ведь была возможность бывать на юге почти каждый год...

Иногда Вера робко намекала о переезде в Ленинград. Но, получив новую квартиру в Зелёной роще, Вера совсем успокоилась. И казалось, нет лучше места на земле. И вдруг новое предложение ехать дальше на север.

Её слёзы для Сергея были понятными.

Видно, приходит время, когда немаловажную роль в жизни человека начинает играть квартира, условия жизни. Сергей удивился этому. Ведь раньше в дни юности, в первые дни тюменской одиссеи, он об этом не думал. Или это с возрастом, или вообще жизнь изменилась так?! Нет, Сергею не хотелось быть рабом квартиры. И всё же нутром чувствовал, что и ему не очень хотелось срываться с места. Нет, и для Сергея теперь условия жизни не последнее дело. Надо подумать хорошенько. Взвесить всё, а потом уж принимать решение: ехать на север или нет.

18

Огонь в чувале разгорался. Трещали смолистые поленья, летели искры. Заплясало пламя – и от чувала потянуло теплом.

Избушка наполнилась живым, трепещущим светом. Даже сумрачные угли ожили. В них тоже будто что-то плясало.

Не зря преклонялись древние огню. Конечно, Сергей никаким духам уже не верил. Но здесь, в этой избушке, все дышало древностью, у него было какое-то особое чувство. Вытащив из вещмешка бутылку водки, он налил полстакана и поставил перед огнем. Так всегда поступал Илья-Аки, когда они вместе ездили сюда на охоту. Он не собирался сегодня делать этого. Но когда увидел, как затрещал огонь, как все заиграло, заискрилось, его вдруг как-то невольно потянуло угостить волшебницу Сорни-най. Иначе поступить, наверно, он не мог. Тогда бы чувствовал себя нарушителем установившегося в этой избушке обычая. Совершив же привычный акт угощения огня, он как бы заново вошел в избушку, став полноправным хозяином. А когда выпил содержимое стакана, исчезла некоторая скованность и стали таять те невольные опасения, которые появились у него с недавних пор. Теперь же, глядя на огонь, он почувствовал себя хорошо.

Сорни-най... Золотая богиня... Она плясала, взмахивая золотыми руками. Полные колени ее сверкали. Тонкая талия извивалась, гнулась. Волосы ее все в лучистых звездах летели ввысь. И вся она, сияющая, щедрая, мчалась куда-то, даря тепло и свет. Тепло и свет Сергей чувствовал на себе. Он даже потрогал себя и к огню протянул руки.

С некоторых пор Сергей стал замечать, что в нем, казалось бы, современном человеке, дают себя знать какие-то проявления, которые трудно объяснить. Перед ними разум кажется бесильным.

Суеверие... Какое отношение может иметь оно к Сергею? Ведь когда-то он так мечтал быть борцом против «невежества», пережитков прошлого! Но суеверие ли, если ему снятся сны, а потом все это сбывается? Подобное случалось с ним не раз.

Как объяснить, например, случай, который произошел с ним еще в детстве? В белую ночь, когда только-только легли спать, случилось это. Сережа ещё даже не уснул, а чуть забылся в полудреме, как кто-то незнакомый сказал: «Сейчас умер дядя Алексей. В Березове, в больнице».

Сереза соскочил с постели, как облитый ледяной водой.

– Что с тобой?! – вскрикнула мама, которая спала здесь же, рядом.

– Дядя Алексей умер. Сейчас. Мне сказали.

– Что ты, что ты? Наговариваешь на человека.

– Мне сказали!

– Кто сказал? Когда?

– Сейчас!

– Так ты только лег. Уснуть не успел. Ты просто... О! Злой дух! Зачем накликаешь смерть?!

А на другой день приехали люди из Березова. Они сказали, что вчера вечером умер Алексей, который раненым вернулся с фронта.

Мама заплакала.

– О, несчастье! Вещий дух! – запричитала мама, обливаясь слезами. – Зачем ты выбрал наш дом? Мы и так несчастны! О несчастный мой сын! всю жизнь тебе мучиться! О плохом ты будешь знать раньше других! И о хорошем узнаешь, не изведав. Лучше уж будь простым человеком, кому не является дух прозрения! О, зачем нам это страшное прозрение! О, несчастье! Какое страшное несчастье!

Когда мама рассказала об этом Ильля-Аки, тот воскликнул:

– Не плакать надо, а радоваться! Провидец он у тебя! Шаманом будет!

– Разве шаманом хорошо быть?! Вон их как ругают! И на колхозном собрании, и в школе, и всюду. В бумагах-книгах говорят о них плохо. Пусть лучше мой сын пойдет в школу и сам научится разбираться в бумагах-книгах. Пусть лучше он будет с теми, кто ругает, а не с теми, кого ругают. Какая радость моему сыну, пусть он будет простым охотником. Какая радость может сравниться со счастьем удачливого промысловика!

Это было в то необыкновенное лето, когда кончилась война. А осенью Сереза пошел в первый класс. Но вот прожито тридцать семь лет. Прочитаны сотни книг, объезжено если не полземли, то и немало. Казалось бы, сейчас уж!.. И вдруг вещи сны, какие-то сомнения...

Нет, хочется разобраться, дойти до сути!

Телепатия, ясновидение... Может, в мире на самом деле действует какой-то универсальный принцип, разгадав природу которого можно объяснить многое, кажущееся ещё загадкой?

Дух и материя... Материю можно ощутить, измерить. Наши переживания, настроения, чувства, именуемые душой, происходят в нас же. Может быть, наши души, наш разум подобно радиоволнам или свету находятся и здесь, и там, и всюду. Может, наши мысли и переживания уходят в пространство, а кто-то близкий, родственник, настроенный на ту же волну души, ловит их и переживает, думает вместе с нами?

Или человек действительно так дремуч, невежествен и суеверен, что, называя себя материалистом, в душе вечно будет верить во что-то сверхъестественное и потустороннее, прикрываясь неоткрытостью законов природы и мира?

– Чего это я колбасу жую! – глядя на веселую игру огня, воскликнул Сергей, будто пробудившись от сна. – Для того ли приехали на охоту? Ведь у нас где-то рябчики... Бульончик!.. Сравнимо ли?! Правда, Музгарка?! Ну скажи!

Музгарка лежала у порога, подложив под голову лапы, ожидающе поглядывая на хозяина.

– Сейчас, милая. Расщиплю. Тебе потроха. А мне... Да и тебе бульончику. И косточки. Соскучилась, наверно, по свежей крови...

Вдруг Сергей уловил, что говорит не своим голосом. Так Илья-Аки разговаривал обычно с собакой. Здесь же, перед этой пляшущей Сорни-най, ему стало как-то не по себе. Совестно перед самим же собою.

– Ну совсем как Илья-Аки! – воскликнул он, обращаясь то ли к собаке, то ли к огню, то ли к самому себе. – Не хватало еще принести жертвы духам!..

Он плеснул на дно стакана водки. Выпил. Просто так. Ни о чем не думая. Не посвящая ни огню, ни хранителю избушки, ни хозяину этого лесного уголка леса. Так, как обычно. Когда ездили на охоту целым коллективом, с новыми людьми. Там была богом даже не добыча. Нет! Водка там была богом. Ей молились. Ей убивали. Ей приносили в жертву себя. Веселая охота...

И сегодня, уходя на охоту, он не забыл, помимо всего прочего, взять и водки. И теперь выпил он не потому, что замерз или устал, а просто так, по-современному. Какая охота, если не выпить! Это стало неписанным законом, традицией, обычаем. С некоторых пор эти коллективные вылазки ему стали не совсем приятными. Не отдохнешь на такой охоте, а больше устанешь. И голова болит. Ему хотелось побыть одному. Вот так, как сейчас. Глядеть на огонь, послушать себя, подумать...

Значит, телепатия... Даже если телепатия на самом деле есть, то с Венькой разве свяжешься? Сработает ли? А может, уже давно стали мыслить и чувствовать на разных волнах? Может быть, никогда не были близкими по душе, а просто случайно по молодости и работе были связаны? И это называли дружбой?

К тому же Венька очень занят. Даже сейчас, вечером, он наверняка на телефоне. Звонит. Если звонит подчиненным – в голосе сталь. Не терпит Венька расхлябанности, уважает силу, любит послушание подчиненных.

– Ты слушай меня! – кричит он обычно в трубку. – Да не тараторь! Слушай меня – и все будет в порядке!..

Если он звонит начальству – голос у него другой. То в голосе у него по-прежнему звенят властные, стальные нотки, то тают, будто охваченные каким-то жаром. Иногда совсем непохожим на себя становится. Горько думать, что происходит это не с чужим человеком, а с недавним другом, с которым немало дорог пройдено. Телепатия... Но поможет ли она душевному общению друзей на расстоянии?

Странное создание человек. Далеко люди друг от друга – а думы не покидают, хочется общения...

В избушке стало совсем тепло. Даже уютно. Но уют этот был какой-то непривычный, необыкновенный. И этот древний допотопный чувал с открытым и ярким огнем, и таинственный полумрак пустых углов лесной избушки, и доверчивые глаза лайки, и выпитая водка – навеяли какое-то особое, необыкновенное состояние. Он полулежал на расстеленном овчинном полушубке у этого древнего огня, а в мыслях жил в той, вчерашней жизни. Нет, она не отпускала его. Наоборот, здесь, в таеж-

ной глуши, как-то острее и ярче заплясали вчерашние волнения, заботы. Конечно, не производство с его мощными машинами и не механизмы и аппараты, как бы они ни были тонки и умны. Не они его волновали... С людьми как-то сложнее...

Ну что такое, например, дружба?

С некоторых пор для Сергея стал непонятным его лучший друг Венька. Вроде такой же, как прежде, и что-то было все же не так. Как-то каждый из них стал сам по себе. Пути их, что ли, разошлись? Или каждодневная суэта беспричинно разъединяла, или просто возраст сказывается?

Неизвестно, как относился к этому Венька, но Сергею недоставало прежней близости и тепла. Теперь, когда Венька стал заведующим промыслом.

Сергей все чаще называет его Вениамином Васильевичем. Конечно, он теперь – заведующий промыслом, добывает газ. Занимается, как признается, делом настоящим, реальным. А что не настоящее? Что он имеет в виду? Свою прежнюю профессию геолога, сейсмика? Так ведь в результате деятельности, гигантского труда разведчиков открыты были месторождения нефти и газа, которые теперь разрабатываются добытчиками. И в тех местах, где проходила его, Сергея, сейсмопартия, где он сам «прослушивал» землю, нередко потом открывали месторождения. Пусть они были небольшими, не так уж и много их, но все же. И он ведь первооткрыватель, первопроходчик, разведчик, герой, можно сказать! Не присвоили звания, не навешали орденов на грудь? Но разве возможно всем? И так кругом одни лауреаты... И Вениамина Васильевича не обошли. И его наградили орденом «Знак Почета». Разве мало? Впрочем, он не жаловался. Лишь иногда скептически посмеивался над руководителями геологоуправления. Начальство, мол. Рука руку моет, друг друга тянет...

Еще в шестьдесят четвертом году перешел Венька к промысловикам. Сразу же, как была начата промысловая разработка месторождений. Для промысловиков он был больше чем находка. Его опыт первопроходца, знатока этих мест и условий, был как нельзя кстати для новых людей. В первое время без него здесь мало что предпринималось. С ним советовались, его слу-

шали, ему доверяли. И в быстром становлении газопромыслов немалая его заслуга. Сначала он был первой рукой начальника газопромыслового управления, его заместителем. Потом возглавлял профсоюз. Наконец стал заведующим промыслом. Под его началом были компрессорные станции, люди, участок газопровода, который здесь наполнялся голубым топливом. Немалое хозяйство...

Выполнил он, в общем, и завещание своих предков. Стал геологом, принимал участие в открытиях нефти и газа, о которых мечтали и отец и дед. Нашел он и то таежное озеро, в котором когда-то рыбаки выловили сетями вместе с рыбой траву, пропитанную нефтью, и деревянную буровую вышку, построенную отцом до войны. Она, обветшалая и наполовину сгнившая, стояла в тайге как памятник первым землепроходцам. Рядом с ней, в разрушенной землянке, сложен керн, поднятый из скважины при бурении.

Увидев это, Вениамин Васильевич дал себе слово, во что бы то ни стало добиться, чтобы на этом самом месте действительно поставить памятник первым землепроходцам. Пока это осталось неосуществленным. Но Вениамин Васильевич об этом не забывал.

И семья вроде у него сложилась. Сын у него растет. Шустрый такой. Учится в четвертом классе чуть ли не лучше всех. Заядлый рыбак. Летом целыми днями пропадает на реке. Ловит рыбу. И лодкой умеет править.

– Рыбак! В деда пошел! – любит приговаривать Вениамин Васильевич.

А дед его манси. Был когда-то бригадиром рыболовецкого колхоза. Мало кто мог с ним состязаться на промысле. Жена окончила Педагогический институт в Ленинграде. Теперь преподает русский язык и литературу в средней школе. А на родном мансийском языке говорит редко: только когда приезжают из соседних деревень старые манси. Только любит слушать песни на мансийском языке с магнитофона. Сама же ездит по деревням, записывает. Зачем, непонятно. Наверно, просто так, для души.

Любил Сергей бывать в этом доме. Здесь всегда весело. Жена Вениамина Васильевича – выдумщица, необыкновенно веселый человек. Она любой вечер может превратить в праздничный. Накроет стол – и жди начала представления. Включается магнитофон. Строгий женский голос, высоким штилем приглашая гостей за стол, говорит примерно следующее: «Дорогие гости! Просим к столу, где таёжные духи уже наслаждаются запахами диких лесных и речных лакомств. Строганина из нельмы, малосоленный муксун, уха из осетра... Сегодня день последней мансийской рыбы... Великодушная стерлядь подплыла к столу, чтобы вы, цивилизованные дети культурных родителей, прикоснулись к ней, трепещущей, и оценили сладость ее живительной крови. Не хмурьтесь! Не будьте лицемерами! Ведь не одной зеленью питаетесь? Говорите – дикость? Ну и что? И ваши предки были такими же! Прикоснитесь к лакомству ваших предков. А все они – уже за столом. Они приглашены мною. Уважающие своих потомков предки – всегда к столам детей прилетают. Вместе со всеми они наслаждаются естественными запахами первозданной жизни... Сегодня – день последней живой рыбы. Первый тост...»

То она устраивала импровизированный «медвежий праздник» с головой медведя на телевизоре, то закатывала широкий «русский стол» с самоваром, с пирогами, с широко известными и полузабытыми русскими блюдами, а в красные дни советских праздников накрывала «большой стол» с речами и тостами, как на званых банкетах.

Возможно, не всем нравились эти стилизованные представления, эта игра, но Сергею было приятно на этих застольях. Он наблюдал, как преображался Венка, его друг. Он был игрой. И неизвестно, кто из них был инициатором подобной игры. И в том ли дело. Хорошо было Сергею в этом доме. Но в последнее время собираться вместе стали реже. И холодок появился в отношениях между друзьями. Чем он вызван? Никак не мог понять это Сергей. Ему было больно. Ему просто не хватало друга, с кем он привык делиться, советоваться, спорить.

Минувшим летом Сергей был командирован на новый участок промысла, который нужно было подготовить к эксплуата-

ции. Протянута была уже и нитка газопровода, построена и компрессорная станция с оборудованием по самому последнему слову техники, возведены здания культурно-бытового назначения.

Но по мелочам где-то чего-то не хватало. Нужен был опытный глаз и рука мастера. Вот и командировали Сергея Лугуя. Он был специалистом широкого профиля. Годы работы в экспедициях не прошли даром. Освоил он не только сейсмическую аппаратуру, но и в дизелях разбирался, как в любом лодочном моторе. А когда началась промышленная добыча газа, не стоило ему большого труда переквалифицироваться из дизелиста в оператора компрессорной станции. Освоил и другие специальности. В отличие от буровиков-кочевников, добытчики газа были людьми оседлыми. А Сергею надоела кочевая жизнь. Семья, дети требовали внимания. Вот и перешел к газовикам. И не жалеет...

Участок промысла находился на небольшом островке, поднятом выше, намытым песком. Кругом вода. Большая вода большой реки. На десятки километров ни кусочка земли. Узенькие гривы березняка и тальника, разделяющие заливные луга, протоки в воде. Они будто тоже куда-то плывут. Стоит среди плещущихся струй один островок, на котором приютились и газосборная станция, и общежитие, и столовая, и электроцех... Здесь постоянно мало кто живет. На работу – прилетают. На вертолете. Отстоял вахту – домой, на центральную базу, где благоустроенная квартира, семья, управление...

Летом можно приезжать сюда на катере, на речном трамвае, на моторной лодке. Только это не быстрая езда. Ведь сотник километров отделяют промысел от поселка...

Может, расстояние, которое разделяет места их работы, стало играть какую-то свою отрицательную роль? А не сказывалось ли что-то более глубинное, связанное с мироощущением предков, пытливая, чуткая душа которых жаждала общения со всей окружающей природой, олицетворяемой ими в духах, в лесных божествах?

– Венька, Венька! Настройся на мою телепат-волну. Ведь когда-то мы понимали друг друга с первого слова. Что же произошло между нами? Мы должны объясниться! Потом уж!..

– Что потом уж?! Объясняться – так уж сейчас же, сию минуту. У меня как раз свободное время. Откуда ты? Говори погромче!

– Я из юности, Венька. Ты слышишь меня? Ты помнишь?

– Из какой это «юности»? Из журнала, что ли? Был тут один корреспондент.

– Зачем нашу юность путаешь с журналом? Я из нашей с тобой юности звоню тебе. Понял, из нашей таёжной юности.

– Ну и чудак же ты. Нашел время для воспоминаний. Стройка. План. Комиссии. Столько дел, что некогда вздохнуть, оглядеться. А ты в воспоминания ударился. Неужто стариком себя уже почувствовал?

– Нам с тобой по тридцать семь.

– Это я знаю.

– Правда, мы не стары?

– Ну-у!

– Да, нам по тридцать семь. Пора зрелости. С этим-то ты согласен?

– Конечно. Но что тебя смущает? Наша жизнь? Так ведь она у нас с тобой настоящая. Не у каждого она бывает такой интересной.

– Всё правильно. Но ведь надо же когда-то осмыслить.

– Ничего, придет время, и мы посидим с тобой.

– Будет ли оно? Ты и сейчас торопишь меня.

– Да, дела, дела... Хорошо, что сегодня никто из высокого начальства не приехал. Нет никаких комиссий из области. Могу переговорить с тобой. Живем рядом, а для встречи и сердечной беседы действительно нет времени. Здесь я согласен с тобой... Прием... Прием... Тебя слушает старый друг...

– Старый друг... Наконец-то связь, кажется, установилась. Слышимость неплохая.

– Говори, раз неплохая. Я слушаю. Наверно, что-нибудь стряслось?

– Не совсем так. Нестряслось, а даже успокоилось, и я взглянул на нашу дружбу и вдруг увидел, что мы в последнее время перестали понимать друг друга.

– Объясни, почему?

– Начну по порядку. Только, пожалуйста, не перебивай. Помнишь, когда меня в первый раз выдвинули депутатом областного Совета, ты был моим доверенным лицом. Ты хорошо говорил на собраниях избирателей, расхваливал меня на все лады. Я краснел. Не знал куда себя девать.

– Разве я говорил неправду? Разве ты не заслуживал похвалы? Слово – полководец человеческой силы! Тебе-то это лучше знать. Ладно, шучу. Я слушаю тебя.

– Да, все было правильно. Ты говорил честно и прямо... Но в какой-то момент я уловил, что ты завидуешь мне. И я оказался прав. Помнишь, через несколько дней после последнего собрания ты мне признался, что сначала была твоя кандидатура. И тогда ты впервые посмотрел на меня как-то отчужденно. И мне стало больно. Почему, не знаю, – но ты перевел сразу наш разговор на другую тему... Ты меня слышишь?

– Слышу. Продолжай.

– Я мог бы понять это так: ты завидуешь по-доброму. Но помнишь, как было дальше? Когда я стал депутатом, я искренне надеялся защищать интересы охотников и рыбаков. Я настоял на повышенной оплате оленеводам, а ты вдруг надулся... «Переманивать кадры, нужные на промыслах». Я выступил на сессии в защиту тайги, ее зверья и птиц. Ты обвинил меня в узколобом «местничестве». Но дело даже не в этом. А дело все в том, что с этого момента, как мне кажется, ты переменялся.

– Возможно. Я не скрываю этого. Я и сам замечал, что в последнее время я стал каким-то другим. Может, дела, а может, то, что нет времени встретиться и очиститься от разных мелочей, которые сами по себе страшны, если на них не обращать внимания. Да, я стал резок с людьми, излишне самолюбив. Мне стало казаться, что все хотят мне только плохого, даже ты. И ошибки, и промахи – они тоже оттуда. Порой мы сами не замечаем, как появляется в наших добрых отношениях холодок. И все же, Се-

режа, в главном, большом, мы всегда были вместе. И жизнь у нас с тобой не маленькая, а большая.

Помнишь?.. Когда мы вместе начинали нашу нефтяную одиссею? Мы были совсем другими. Ведь так было трудно. Мы были настоящими героями! Не правда ли?! Открыть в ледяном пустынном краю такую махину нефти и газа, да ещё в условиях, когда мало кто верил в нашу удачу! Разве это не подвиг? Ты помнишь Серёжа? Ты слышишь меня? Настройся на мою волну. Как не странно, вот и мне захотелось броситься в воспоминания...

Всего трудней, пожалуй, бывало зимой. Она всегда нам показывала свои зубы, расставляя ловушки на каждом шагу. И все же распечатали недра Тюменского Севера, открыли его сокровища. А ведь не раз суровый Север испытывал нас на прочность, выдумку.

– Помнишь зиму пятьдесят девятого года, когда нас особенно преследовали неудачи?

В памяти Сергея метелью метутся памятные дни той длинной, как ночь, зимы, которая на каждом шагу расставляла ловушки. Ехали на новую площадь с базы геофизической партии. Трактор-болотник вел опытный тракторист. Гусеницы уверенно мяли сверкающую белизну снега. Казалось, все покрыто белой шубой, все замуровано, заковано морозом. Не дышали ни ржавые болота с их бездонной трясинной, ни узкие таежные речки с тёплыми ключами. Без особых приключений миновали цепочку мелких озёр, покрытых пушистым снегом. Осталось пройти каких-то полсотни километров, как вдруг под гусеницами что-то затрещало, зашипело. Шофер рванул дверцу, выпрыгнул.

– Чего ты, тетеря, рассиживаешь? – крикнул он, видя, что Сергей не реагирует. – Прыгай!..

Ледяной холод обжег ноги. Кренясь набок, уходил в трясину трактор. Болото раскрыло свою пасть... Через какое-то мгновение уже зияла дыра... Когда подошел шедший сзади трактор, на успокаивающейся поверхности воды появлялись лишь одни пузыри...

– Надо вытаскивать машину, пока совсем не засосало! – сказал Венька, сбрасывая с себя одежду. – Сейчас нырнем, подцепим...

Это было невероятно. Тридцатиградусный мороз, никакого укрытия с ледяной воды – на мороз. Разумно ли это?!

– Хватит рассуждать! – резко перебил он товарищей. – Давайте сюда веревку, трос!.. Разводите костёр!.. – Привязав к тросу тонкую веревку, скинув одежду, он нырнул в ледяную воду. Ожидание... На воде пузыри, круги времени. Время кружится, тянется томительно. Секунды, как круги на воде, тянутся, распливаются...

Вдруг вода всколыхнулась, зашипела, зашумела, заскользила по красному, будто обожженному телу Веньки. Время побежало, задышало. Венька круглым ртом жадно хватает воздух. На него набрасывают огромный овчинный тулуп. Подносят кружку спирта... Отдышался. Окинул товарищей каким-то особым взглядом, долгим, как жизнь. И, не проронив ни слова, снова прыгнул в воду. На воде опять пузыри, круги времени. Пузыри лопаются, и время теперь уж не так томительно тянется. Товарищи почувствовали, поверили: Венька выплывет, сделает... И правда: мгновение, и Венька вынырнул. В светлой шевелюре появились кристаллики льда, он так же жадно хватал воздух. Время снова задышало, побежало, играя в синих глазах радужными бликами жизни короткого зимнего дня... Теплый тулуп, глоток спирта, обтирание огненной водой, яркий, большой костер на берегу замерзшего лесного озера... Протягивая руки к пышущему жаром огню, сияя глазами, Венька говорит:

– Увидел сразу, а дыхания в первый раз не хватило. А то бы зацепил. Что такое со мной?.. Всегда дыхания не хватает. Все равно выволокем! Не на таких нарвались!

И правда, выволокли все же трактор, высвободили его из водяного плена. Немало пришлось, конечно, потрудиться, покорпеть. Но все остальное как-то меркло по сравнению с Венькиным порывом, самоотверженностью.

В другой раз ехали на «газике» по зимнику, временной зимней дороге. Где-то на середине болота разыгралась вьюга. На крыльях ледяного ветра летел колючий снег. Низенькие кар-

ликовые сосенки то ли припали к земле, то ли превратились в снег. Казалось, небо и земля летели на свистящем снегу. И брезентовый тент «газика» трепало, точно вот-вот и его сорвет. И «газик» стоял. Его заносило снегом. Решили переждать ненастье в машине. Все же мотор. От него в другой раз жарко, как в бане. А сейчас свистящий вихрь ледяных струй, проникая сюда, уносил теплое дыхание мотора. Спереди чуть грело, а спину леденило. Возможно, Сергею было теплее, чем Веньке и шоферу. Он пристроился в середине между двумя передними сиденьями, прильнув к баранке «газика», дремал. Шофер время от времени включал мотор. Венька сначала сыпал, как обычно, анекдоты, потом ругал кого-то из начальства, что продуктов вовремя не завезли в бригаду, потом стал проклинать бездорожье, холод, этот ледяной, сумрачный Север. Сергей молчал. Ему не хотелось говорить ничего. То ли усталость сказалась: ведь больше недели мотались в этой машине, то ли оттого, что хотелось есть. Утром, когда выехали из стоянки партии, стояла такая тишь, что, кажется, услышишь шепот звезд, бледневших над просыпающимся взглядом утренней зари. Что стоит машине проскочить каких-то пятьдесят километров! Потому не прихватили ничего съестного. К тому же припасы были уже к концу: ничего, кроме консервов, в партии уже не оставалось. Хорошо, что у шофера в машине оказалось три баночки тушенки да налимыа печень в масле. А хлеба – ни крошки. Думали вечером повеселиться не только в жаркой бане, хлестаясь веником, но и посидеть за добрым столом с горячей, живой, неконсервированной пищей. И вот тебе на... Застряли посреди болота. Коварное это болото. Недаром манси зовут его Яныг-янгалма, что означает в переводе «большая ледяная земля». Священным и гиблым местом считали древние это болото. Утром, когда, попетляв вдоль по дремучему лесу, выехали на это болото, Сергей вначале обрадовался открывшемуся вдруг простору. Бело-синее марево плыло до горизонта. Выветренный, точно приглаженный снег. Редкие щетинки худосочных сосенок. То тут, то там играли струйки пара. Это дыхание трясины. Потому, наверно, здесь нет следов не только лосей, но и тетеревов. Зимой дичь любит места посуше. А зимник все же проложили здесь. Велико болото, да-

леко объезжать. В добрую погоду проскочить его недолго. А тут как на грех разыгралась вьюга.

Черная ночь стояла над головой, когда окончательно заглух мотор, выжав весь бензин. Черными крыльями махал ветер, стуча по брезентовому тенту, обдавая сидящих в «газике» ледяным дыханием. Пляска вьюги не прекратилась и ко второму утру. Сквозь мутную пелену решили идти, так как не осталось ничего съестного, а добравшись до леса, они надеялись нащупать и найти дорогу, по ней и дойти как-нибудь до ближайшего жилья. Они шли, проваливаясь по пояс в снег. Впереди Венька, за ним кувыркался шофер, а сзади всех Сергей. Колючие снежинки летели в лицо, побелили ресницы и приросли к бровям. Ледяное дыхание ветра как серная кислота. Оно обжигало горло, подбиралось к легким. Стужа начинала сковывать пальцы ног и рук. Сергей падал от усталости. Ему хотелось прилечь и уснуть. Но Венька, протаптывая дорогу, время от времени оборачивался назад и, переводя дыхание, кричал: «Что вам, на тот свет захотелось?! Двигаться! Только двигаться! А то стужа вмиг превратит в сосульку. Она любит лентяев, слюняев, нытиков... Вперед, только вперед!..»

Венька то подбадривал, то ругался. О его настойчивости и выносливости Сергей давно уже знал. Он удивлялся, откуда Венька черпает столько сил. Может быть, сознание того, что он сильнее, что те двое нуждаются в помощи, в его каждом новом шаге? А остановись он, и они остановятся. Тогда все! Стужа покажет не только звериную пасть!..

Он шел, карабкался по снегу, полз, останавливался, поджидая товарищей, поучал и снова шел. К вечеру ветер поутих. И по неверному оленьему следу добрались до леса, на опушке которого нашли охотничью избушку...

– Да, отвоевать у бездорожья, болот, морозов, вьюг, дремучей тайги богатства земли было непросто. Требовалось не только умение преодолевать сложнейшие препятствия, воздвигаемые природой на каждом шагу, но и что-то большее. Взаимовыручка, умение приходить друг к другу на помощь... Разве бы усмирили, к примеру, газовый фонтан, предотвратили страшную

аварию, если бы не помощь геофизиков, которые случайно оказались рядом с разбушевавшейся скважиной.

Ты помнишь, как нечеловечески трудно было ее усмирить. Мы и тогда уже были не бедны техникой. Ревела буровая, ревели моторы... Встретились лед и сталь. Лед дрогнул. Раскрошили его. И целую неделю убрали лед, чтоб повалить вышку. Но к скважине не подступиться. Она плюется. Струи воды летят как стрелы, сшибая с ног, в считанные минуты превращая полушубки в ледяные глыбы. Лютует мороз. Как усмирить ее? Добровольцы? Помнишь, среди первых, кто вызвался, были мы с тобой...

Да, это был героизм. Настоящий. Снова и снова бросались в ледяные струи фонтана, самоотверженно, бесстрашно шли вперед, чтобы надеть стальные кольца на колонку. Не одной, конечно, смелостью усмирили стихию. Среди нас были настоящие мастера, с опытом и технической сметкой.

Целых двое суток люди вели эту, казалось бы, нечеловеческую борьбу. И все же победили. Угомонилась богиня, отдала свои сокровища.

Да, это было времечко. Одни ли мы с тобой были такими?

А помнишь ту площадь, которую мы с таким трудом «распечатывали», – оказалась нефтеносной. Буровики нам здорово помогли. Наши труды не пропали даром. Помнишь первый нефтяной фонтан? Помнишь: как ты, таёжник, мыл лицо нефтью. Я ждал этого мгновения, можно сказать, всю жизнь. Но не думал, что и ты так восторженно встретишь нефть. Впрочем, мы же шли к одной цели. – Голос Веньки то приближался, то удалялся. Сергей представлял его молодое лицо в дни открытия шаимской нефти.

– Разве такое можно забыть? – ответил Сергей, вспоминая во всех подробностях тот памятный летний день шестидесятого года, когда на испытании скважины он впервые увидел нефть.

Они стояли у небольшого котлована, вырытого бульдозером. Вековую таежную тишину нарушал лишь писк комаров. Люди замерли. На лицах ожидание. Открыли задвижку. Лихорадочная дрожь пробежала по трубе, подведенной к котловану из скважины. Мгновение – и из выходного штуцера резкими

толчками ударила струя, золотыми кольцами расплывающаяся по дну котлована, превращая его в темноватое сверкающее озеро, в котором вдруг ожили и летнее северное небо, и зубчато-зеленый лес, и радостные, возбужденные лица геологов, которые наконец-то нашли нефть. Она плескалась перед глазами, расплываясь золотыми кольцами по котловану. Она была совсем не черной, а какой-то зеленовато-коричневой, с золотистой пеной. Она и на самом деле казалась золотой. Все, кто был у котлована, спотыкаясь и скользя, ловили ладонями теплые, вязкие кольца, мазали лица, смеялись, прыгали как дети, целовались, плясали, пели, поздравляли друг друга. Капли магической жидкости искрились и на золотисто-пшеничных волосах Вениамина, и на его обветренном, одухотворенном лице, и на зеленой геологической спецовке. А во взгляде его синих глаз, устремленном на фыркающий, посвистывающий, плещущий фонтан, была разлита такая необыкновенная мягкость, такая восторженность, что Сергей залюбовался своим другом. Глядя на него, ему хотелось крикнуть: «Вот он какой романтик! Смотрите...»

А струя нефти била из трубы, и в сверкающем золоте её ожили летнее небо и возбужденные лица людей, которые нашли то, о чём мечтали, к чему так долго шли, преодолевая все преграды...

19

Залаяла собака, бросившаяся к двери. Сергей вышел из домика. На небе играло северное сияние. Долго стоял он, глядя на переливающиеся, как волны, зеленоватые лучи, которые то собирались в бахрому роскошного театрального занавеса, то выпускались пучками вверх, точно вспышки праздничного фейерверка. Желтовато-зеленое сияние играло на северной стороне неба, освещая верхушки заснеженных деревьев радужным светом. Деревья, казалось, покачивались в плавном танце, как древние манси, переговаривались шепотом о чем-то своем, сокровенном. Сокровенное... Что сегодня для Сергея сокровенное? Да теперь сказать просто трудно ему! Все как-то переплелось, он понимал, принимал этот современный мир с космической техникой, и в то же время в нём продолжал каким-то чудом

жить мир таинственности, которым манси когда-то наполняли свое бедное, таёжное существование. В последнее время Сергей стал чувствовать в себе мощь нового, неведомого духа. Когда ехал на машине, подпрыгивая на кочках, ухабах, преодолевая гудящей силой мотора и скользящей мудростью шин даже сугробы снега, он чувствовал себя куда уверенней, чем на лыжах. Когда летел на винтокрылом вертолете, он сам себе казался крылатым духом, сильнее и мощнее богов, которым поклонялись древние манси. Для манси этот мир был вечно разделен на добрых и злых духов. Одни духи вредят, другие помогают. Манси верили в загробную жизнь, старались жить мирно, чувствуя себя частицей этого вечного мира, в котором всё рождается, умирает и затем снова воскресает в чём-то совсем другом, сохранив вечным лишь дух жизни. Манси привык чувствовать, ощущать, предсказывать свое недалекое и дальнее будущее. Если тяжело и голодно на земле, то в мире духов, богов, зверей, рыб, птиц, трав, деревьев, в которых превращается всякий человек после горестного мгновения смерти, он приобретает что-то более важное, ценное, вечное...

На северной стороне неба светило желтовато-зеленое сияние. Радужный космический свет играл на верхушках заснеженных деревьев. С полетом Гагарина космос Сергею стал казаться ближе, понятнее, что ли. Точно он сам побывал в нем, преодолев земное притяжение, познав его реальную суть. В космосе действуют тоже реальные законы природы, которые можно познать. Там нет ничего сверхъестественного, таинственного. Здесь же, на земле, казалось, душа жила какой-то особой жизнью. И если углубиться в тайники ее, послушать малейшие движения, то можно узнать, что ждет тебя впереди: горе или радость, разочарование или удача. Душа его здесь словно оживала, слушая мир, ощущая его порывы, предчувствия, предсказания, будущее.

Деревья, освещенные желтовато-зеленым сиянием, словно покачивались в плавном танце, переговариваясь о чем-то наболвшем.

Углубившись в тайники своей души, Сергей думал о своём, сокровенном...

Сергей как-то выступал по радио. Корреспондент попросил рассказать о своей работе, о товарищах. Он хотел, естественно, говорить правду, и только правду. Но потом, когда слушал себя, было ему неловко. Даже собственный голос не узнать. Будто говорил не он, а кто-то другой, чужой и неприятный. И, наверное, здесь дело не только в механическом голосе. Оказывается, со стороны человек слушать только других.

Сергей слушал радио и ловил себя на том, что для себя он так бы не сказал. Но почему для других он выразился так, а не иначе? Может, и в обыденной жизни также не все открываются друг перед другом? Неужели правда есть и в том, что чужая душа – потемки? А твоя душа для других? Неужели и она тайна, которая никогда не открывается для других во всей своей полноте?

«Бог литой, золотой в чаше сидит, и в эту чашу, наливши воды, пьют...» Эти слова из летописи 1582 года, и недавняя статья журналиста, выступившего опять в печати, и увиденное в избушке Ильля-Аки проливали новый свет на тайну «Золотой бабы». А в новой статье под названием «Секрет "Золотой бабы"» журналист писал:

«Один мой знакомый спросил однажды у меня: «Что всего дороже для человека?» Мне было тогда двадцать с небольшим, и я ответил: «Любовь». – «Нет». – «Талант». – «Нет» – «Удача». – «Нет». – «А что же?» – «Здоровье».

«Золотая баба» должна была обладать каким-то поистине поразительным свойством. Только это обстоятельство могло заставить Югру столь ревностно хранить ее и прятать от чужого глаза в течение многих столетий. Одно религиозное чувство здесь ничего не объясняет. Может быть, что касается «Золотой бабы», то не лучше ли все-таки предположить, что она верой и правдой служила сынам тайги на протяжении веков, принося им то, чего они страстно желали. Что же она давала им? Здоровье.

Прежде чем подвергнуть наш ответ немедленной расшифровке, обратимся к культуре серебра, бытовавшему в краях, послуживших родиной «Золотой бабы».

Ивану Калите, сидевшему в своей дубовой цитадели, не давали покоя мысли о «закамском серебре». Оно в таком изобилии

встречалось в районах, примыкавших к Уралу, что шло оттуда в Новгород непрерывным потоком. Презрев крестное целование, Калита собирался двинуть рать к стенам Великого Новгорода. Ещё закамского серебра! Ещё!

Он даже пытался захватить этот удивительный источник драгоценного металла, чтобы обходиться без посредников. Но рать его оказалась слабее воинов Двинской земли.

И снова летят ультиматумы в Новгород. И владыка Василий, патрон поморов, откупается от Калиты, потрясающего мечом, сокровищами, выменянными и захваченными в Перми и Югре. Литые серебряные чаши, круглые и ладьевидные, с рельефными изображениями сказочных птиц и львов, кубки с изящными выпуклыми узорами, – откуда эти дивные богатства?

На торжище в холопьем городке купцы любовались таёжными сокровищами. Но не северяне создали их. Это были древние сасанидские чаши, блюда и кубки. Как попали они в заповедное северное царство «Золотой бабы» из далёких городов Средней Азии, пышущей зноем?

Деревня Бартым Березовского района Пермской области. Год за годом находят здесь легендарное «закамское серебро». 1947 год – большая ладьевидная чаша, литое серебро. На стенках фантастические птицы, держащие на головах луну и солнце. 1949 год – тяжелый серебряный кубок. 1950 год – огромная чаша, и в ней – двести монет. 1951 год – блюдо со львами.

А по другую сторону Урала, в Ханты-Мансийском национальном округе, археологи не раз были свидетелями подобных находок, где вместе с бронзовыми вещами, как-то: эполетевые застёжки с зооморфными изображениями, бляхи, антропоморфные и птицевидные идолы, фигурки зверей, – находили и немало серебряных блюд, кубков, монет...

Изучение этих и других находок показало, что на протяжении столетий на север с юга шёл мощный поток серебряных изделий. Они пользовались у северян неслыханным спросом. Ни войны, ни грозные нашествия воинственных кочевников, ни свирепствовавшие банды грабителей не могли прервать эту серебряную реку, неумолимо идущую к царству «Золотой бабы».

Раскопки, проведённые учёными в местах находок «закамского серебра», подтвердили, что эти серебряные предметы носили культовый характер.

Итак, мы приблизились к разгадке секрета «Золотой бабы». Он заключался не столько в ней самой, сколько в чаше, которую она держала в руках.

Вспомним, что «Золотая баба» таинственно связана с серебром. Автор древней норвежской саги Снорри рассказывает, что в чаше, которую богиня держала в руках, были серебряные монеты, смешанные с землей. (Кстати, обратите внимание на эту деталь – земля в чаше). И вполне можно предположить, что чаша также была из серебра и была посланницей далекого Хорезма, жаждущего тёмных северных соболей.

А сейчас обратимся к летописи 1582 года. «Бог литой, золотой в чаше сидит, и в ту чашу, наливши воды, пьют... «Это рассказ о «Золотой бабе». Чуваш-разведчик, посланный Брязгой, атаманом Ермака, также рассказывал о торжественном питии язычниками этой воды и о хвалах «Золотой бабе» за эту воду, якобы дарующую мужество и силу.

Стало быть, дело уже не просто в серебре, а в серебряной воде. В чаше «Золотой бабы» были серебряные монеты с землей. Шли дожди. И на поверхности чаши образовались соли и окислы серебра, которые вызывали антибактериальный эффект. И вода в чаше приобретала целебные свойства. Нелишне заметить, что в Советском Союзе уже разработан и внедрен метод обеззараживания питьевой воды электролитическим способом, с помощью серебра. И что серебряная вода все шире применяется в современной медицине.

Кто знает, может быть, разведчик Брязги верно передал увиденное: и самое богиню сажали в огромную чашу с водой. Но скорее всего из серебряной чаши, где были еще и серебряные монеты, смешанные с землей, пили. Земля ускоряла образование солей и окислов серебра. Конечно же, секрет серебряной воды был знаком многим народам – эллинам, персам, индусам. Известно, что царь Кир во время походов хранил воду в «священных» серебряных сосудах. А волшебные сказки древних славян о «живой воде», вероятно, отразили магическую силу

серебра. Не говорит ли все это о том, что мы разгадали первую загадку «Золотой»?..

Что помогло Ильля-Аки: серебряная ли вода, которую он пил несколько дней, или просто «душа его ещё не устала с ним жить», но он через некоторое время поправился.

Неизвестно, насколько близок к истине в своих гипотезах и догадках этот пыливый журналист, но прав он в том, что эти серебряные предметы носили культовый характер. Сергей сам был свидетелем, как в прошлом году археологический отряд Московского университета во время раскопок на поселении Вургасян-Вад нашел клад – девяносто две бронзовые отливки, изображающие загадочных зверей с оскаленными пастьми, поджатыми лапами и вытянутыми хвостами. Собака или рысь, волк или бобер? Сразу не скажешь, кого изобразил древний мастер. Ученые считают, что эти фигурки, пролежавшие в земле более двух тысяч лет, не украшения, а произведения ритуального искусства. Эти фигурки, поражающие нарочитым схематизмом, изображают предка умершего, его тотем. По преданиям манси и ханты, у каждого рода свой тотем – одно из реально существующих животных. Согласно этим представлениям, «душа», «дыхание», «носительница имени» В этом изображении продолжает жизнь, обретает бессмертие.

Тогда же Сергей подумал о том, что эти фигурки своего рода искусство – самобытное, высокое. Может быть, и так? Кто знает, какие еще загадки откроют со временем исследователи. Может быть, случится и такое, что отыщется след «Золотой бабы», которую он так хотел найти.

В последнее время Сергей стал внимательнее относиться к Ильля-Аки, который все чаще и чаще намекал, что он скажет главное слово, когда взойдет на последнюю свою вершину, перед самым уходом в иной мир.

– Взошедший на последнюю вершину говорит главное слово, – проронил он однажды. – Не упusti, внучек, мое главное слово.

Да, Ильля-Аки – последний древний манси. Вместе с ним уйдет многое. И хотя Сергей совсем другой манси, но и у него есть что-то от деда. А разве не так? А раз так, значит, ему знать и

беречь сказания предков и в то же время сознавать, что он создает своими руками новое и дарит людям огонь и тепло земли.

20

Над деревьями уже горела утренняя заря. Ее холодный огонь гасил на лице неба бледные звезды, зажигая пушистые ветви снежно-синим пламенем. А снег под деревьями синий-синий, ступишь – и он хрустит. Морозец. Приятно в такое утро шагать по дремлющему урману. А вот когда мороз настоящий, сибирский, – тогда уж лучше завернуться в шкуры и сидеть у огня. Впрочем, не слишком ли много кричат в газетах, книгах о сибирском морозе? Может быть, где-то он и действительно без устали свирепствует – но только не в краю манси. Лишь путешественникам и туристам эти хвойные леса казались унылыми и пустынными, где прекращается всякая жизнь. Да, иногда действительно разыграется мороз – и звонкое небо задымит, затрещат деревья, и все живое запрячется в снег, в норы. Но жизнь-то не прекращается. Она лишь замирает, притаившись под кустом или на ветвях дерева. И опытный глаз охотника ничего не пропустит, все подметит.

Плавными, уверенными шагами шел Сергей по утренней тайге, чувствуя себя наконец-то настоящим охотником. Еще вчера, когда он ранил медведя, а потом шел по его следу, он не чувствовал себя настоящим охотником. Все вышло случайно, он не собирался так рано входить в азарт, и, наверно, поэтому он неожиданно решил не идти дальше по следу медведя. Вот он увидел на синем снегу цепочку беличьего следа. Внимательным взглядом обводит он окружающий лес. Тишина. Белки, кажется, нет. Но вот лежит веточка. На ней нет даже инея. Недавно, видно, ее сбросили. И на стволе кедра царапины. Они тоже свежие. Где-то здесь на этих деревьях притаился зверек. И правда, на пушистой кедровой ветке, с которой посыпалась чуть заметная снежная пыльца, сидела белка. Вдруг она бросилась вниз, стремительно полетела в густые ветви соседнего дерева. Урман ожил, зашелестел, заиграл, наполнился звуками жизни. А белка, цепляясь за нижние сучья, проворно уже

взбиралась на новое дерево. Покачавшись, как обезьяна, на ветке, она рванул ась к вершине елочки, которая оказалась рядом.

Увидев зверька, Сергей весь встрепенулся. В нем ожило что-то такое, что руки сами потянулись к ружью. Горящие глаза его, будто заколдованные, следили за каждым движением белки. А ружье будто само стало подниматься, ища широкими глазницами беличьи глаза. Грянул выстрел, отозвалась Музгарка. Мгновение – и она рядом. Зажав зверька зубами, она возбужденными глазами глядела на хозяина. В них была не только обычная собачья преданность, но и жажда крови, одержимость. Сергей приказал собаке бросить белку. Но она, обычно послушная, теперь не сдвинулась с места. Запах крови еще теплого тельца в зубах мешал собаке выполнить кома иду хозяина.

– Сидеть! – приказал Сергей, вспомнив, что сидящую собаку успокоить легче.

Музгарка присела. И потом, словно придя в себя, нехотя положила жертву на снег.

«Немного найдется млекопитающих, которые так резвы, непоседливы и забавны, как белка... – вспомнил он чьи-то слова. – И зачем я ее убил?!»

Вдруг он уловил, что думает о каких-то несвойственных таежному следопыту вещах. Он удивился своему состоянию. Ему даже стало неловко. Это двойственное ощущение. С одной стороны – зов предков. С другой стороны... Нет, ему, сыну потомственного охотника, не хотелось думать пока об этом в данную минуту. Охотник должен оставаться охотником. Ведь для этого он оказался здесь, в тайге, вместе с Музгаркой – этой верной собакой. Она смотрела на него. Взгляд ее выразительных глаз ясно говорил о чудесном и приподнятом настроении. Кажется, вот-вот вырвется из полураскрытой пасти звонкий радостный лай. Но не такая она, чтобы попусту лаять. Только глаза ее кричали о полученном наслаждении...

Когда хозяин повесил белку за пояс, как поступали истинные таежники, она, словно убедившись, что с этим уже покончено, стремительно рванулась по еле приметной дорожке в чащу леса. Сергей смотрел на свою собаку, узнавая и не узнавая ее. Теперь, когда она яростно неслась по снежной целине, особенно

походила на своего прародителя – волка. Длинная острая морда, вытянувшаяся вперед, прижатые заостренные уши и хвост, летящий над снегом...

В ней было что-то волчье, звериное.

Вдруг Музгарка снова появилась рядом и, глядя в лес, тихо заворчала, предупреждая о чем-то важном. Она чуть подалась вперед, вытянулась в струнку, наострила уши. Сергей, поднимаемая ружье, стал прислушиваться к той стороне, куда глядела собака.

Неожиданно в таежной тишине раздался густой и протяжный рев. Вслед за ним где-то далеко-далеко затрещали деревья. Это играл не мороз. Нет. Треск деревьев при морозе как мелодичная музыка. А здесь будто ломалось что-то большое и живое под тяжестью неведомой силы. Треск и рёв приближались. Сергею стало тревожно. Вдруг это дикое ревущее стадо, несущееся напролом через тайгу, сметая на своем пути все преграды, ринется на него! Он быстро отбежал за ствол могучего кедра, которого не обхватить и вдвоем.

Из дремучей таежной чащи все ближе и ближе стал доноситься рев и глухие удары о стволы деревьев. Теперь было ясно – лось. Только в его крике не было обычных нот, весенних, зовущих, нежных. В его трубном голосе звучали боль и страх. Будто прощался он с жизнью, несся с ревом по тайге. И правда. Через какое-то мгновение среди белых стволов замелькал темно-бурой окраски зверь. Вытянул вперед сильную шею, вскинул голову, увенчанную ветвистыми рогами, как вертолет – лопастями-крыльями, рослый и широкогрудый лось бежал, шарахаясь из стороны в сторону, спотыкаясь, ударяясь о стволы деревьев, ломая сучья.

На небольшой поляне лось остановился. Замотал головой. Прилег, опустив рога в снег. Повалявшись в снегу, потеряв голову передними копытами, он с ревом вскочил и снова рванулся вперед. Кедр, стоявший в десятке шагов от Сергея, будто ожил от громового удара, сбросив с ветвей весь снег. На мгновение заметелилось, закружилось. Но сквозь радужную снежную пыль виднелась покачивающаяся фигура лося.

Он стоял перед деревом, точно размышляя, откуда мог нагрянуть на него этот новый, оглушительный удар. Сергей слышал его тяжелое хриплое дыхание, видел уже, как из носа и рта черной струей бежала кровь. Багровел белый снег. И глаза таежного красавца багровели. Они зияли кровавыми дырами на великолепном лбу. Окровавленные веки болтались. По разорванным щекам текли густые струи слезы. Лось был слеп.

Приподнимая одно ухо, оставшееся целым, он будто ещё вслушивался. Раздувая мягкие ноздри, он к чему-то принюхивался, точно выбирая, куда еще идти. Но идти, видно, он уже не мог. Ноги его дрожали. Он покачивался, изнемогал. Вот-вот рухнет. Умрет, так и не поняв, откуда явилась смерть и этот жестокий мрак.

Его покачивало из стороны в сторону. Но голова его потянулась вверх к ветви кедра, на которой висели лохмотья хвои. Его трепетные ноздри то расширялись, то сжимались, жадно вдыхая в последний раз знакомые и милые запахи. На мгновение, кажется, к нему вернулись силы. Он подтянулся, вскинул голову, забил копытами. Но, сделав несколько шагов вперед, тяжело рухнул на белую землю. Уткнув окровавленную голову в сыпучий снег, он забился в предсмертных судорогах.

Вдруг на белую поляну откуда ни возьмись выскочило продолговатое существо, похожее чутьчку на собаку. Оно бухнулось в снег, принюхавшись к лосиному следу, сделало новый скачок.

Незнакомое животное шло по следу. Походка его была странной. Оно не шло, а прыгало и кривлялось. На снегу оставались глубокие ямы. Они зияли рваными ранами.

Подскочив к умирающему лосю, мохнатый черно-бурый зверь впился острыми зубами в горло своей жертвы. На белый снег хлынули струи темной крови. Кровь дымилась на продолговатой морде хищника, обросшей щетиной у носа и глаз. Короткими блестящими лапами черно-бурый зверь рвал могучую шею таежного красавца.

Выстрел громовым раскатом пронесся по дремотной утренней тайге. Зверь отскочил от лосиной туши, метнулся в сторону, откуда он появился. Но тут же присел, забившись в снег. Муз-

гарка рванулась было к теряющему силы хищнику, но Сергей остановил ее. Где-то слышал он, что укус росомахи смертелен. Подойдя ближе к ошетилившемуся животному, он почувствовал противный звериный запах. Да, это была росомаха. Оскалив острые зубы, она желтыми глазами смотрела то на Сергея, то на лающую собаку. В ее пронизывающем взгляде рычал тот же зверь. И хрустящий снег, и высокие деревья, и вся тайга, кажется, пропахли росомахой. Она, живучая, пускала в ход последнее свое средство защиты – стойкий и густой росомаший запах. Музгарка заливалась в лае, как бешеная. Кажется, она обалдела от этого запаха.

– Росомаха, а Росомаха, кто же ты все-таки такая? – допытывался Медведь, разглядывая приятельницу с головы до лап. – Всё знаешь, всех судишь... Что-то это не по-звериному. Ты, наверно, из другого мира?!

– Да, дорогой, угадал.

– Расскажи, миленькая, про себя. Может, и я прозрею. Не вечно же мне оставаться дремучим. Гладь меня. Сегодня разрешаю. Гладь и рассказывай.

Росомаха долго смотрела желтыми печальными глазами на Медведа, потом, вздохнув, нехотя заговорила:

– Стоит ли мне вспоминать подробности жизни моей трагичной? В жизни нет ничего неизменного: все непостоянно и ненадежно. Всё бежит и движется без остановки. То, что сегодня твое, – завтра может исчезнуть, и ты не успеешь назвать его своим. Сегодня ты на вершине – завтра будешь внизу. От случая все зависит в этом вечном и шатком мире.

Была я богиней. На небе. Живым золотым изваянием ходила рядом с солнцем. Глядя на лицо моё сияющее, на грудь высокую, на стан мой тонкий, кичливые боги стыдливо опускали вороватые глаза, волочась за мною по звездным дорожкам.

Была я женой Тапал-ойки – первого помощника верховного бога Торума. Правил миром не Торум – владыка Земли и Неба, всем миром крутил Тапал-ойка, мой муж. Все молитвы к богу сначала к нему поступали. Владычицей чувствовала себя и я. Окружали меня друзья и богатство. Изобилие друзей и поклонников дарило мне призрачно-блаженные сны и крылатую ра-

дость. Счастье, игравшее рядом со мной, казалось вечным. Я изумлялась своей Судьбе, не задумываясь, куда может привести это бездумное счастье. Судьба долго-долго льстила мне светлой улыбкой. Но она, коварная, лаская меня, готовила мне иную участь.

Мой муж, правитель Неба, верный пёс верховного бога, служака и раб, жаждал иметь себе подобных. Но я никак не могла родить ему сына. Посчитав меня бесплодной, разгневавшись, в один сумрачный вечер он сбросил меня с неба. И я стала – росомахой. Понимаешь, Медведь, как я была наказана. А ведь мной всегда владело честолюбие, и только оно поддерживало во мне память о том, кем я была.

Истинное честолюбие – это страстное стремление к воплощению своего «я» в деле, которому ты служишь. Это мечта о подвиге, в котором бы «я» смогло шагнуть далеко за пределы краткой личной жизни. Это борьба, беспощадная и бескомпромиссная, против временности и бренности всего существующего – гордое желание подчинить себе природу и заставить ее сохранить в себе отпечаток могучей личности, сознающей себя необходимой, правоспособной и сильной.

Ах! Теперь уж я всего-навсего Росомаха, а ведь была я богиней. И какой!.. Ты, Медведь, представить не сможешь!..

Да, была я богиней, теперь Росомаха, а завтра, быть может, травую стану, а может, снова богиней. Вот только б найти мой образ, мое легендарное золотое изваяние!.. Ты, Медведь, коренной житель этой тайги, не видел где-нибудь «Золотую бабу»?

– Никакой бабы я не видел. Ни золотой, ни деревянной, – отвечал Медведь, постанывая от боли.

– Найти бы мне её. Да быстрее войти в свой золотой, божественный образ! Ты не можешь представить, дорогой, как надоело быть коварной и злой Росомахой! Или кто-нибудь убил бы меня, что ли! Может быть, я тогда снова обратилась бы в богиню. И тогда я не стала бы больше кривляться... Ах, как я наказана!

Выслушав Росомашью исповедь, Медведь чуть не расчувствовался. Его круглые дремучие глаза потеплели. В них, кажется, в одно мгновение даже что-то шевельнулось. Но, увидев пе-

ред собой Росомашью морду, он вдруг словно пробудился от сна и, оттолкнув от себя легким движением лапы Росомаха, пробурчал:

– Ишь ты какая! Колдунья! Чего ещё захотела!..

Отлетевшая в сторону, как пушинка, Росомаха испуганно озиралась по сторонам, не понимая, почему Медведь, только что ласкавший ее, так грубо оттолкнул.

– Околдовать меня, самого Медведя, хозяина тайги! Да знаешь ли что!.. Катись-ка ты в сторону, откуда явилась! А то косточек не соберешь – лапа-то моя еще медвежья!..

Треснула веточка. Росомаха исчезла. Будто ее и не было. Выбравшись из-под коряги, Медведь грузно зашагал по тайге, переваливаясь с боку на бок.

Жёлтые Росомашьи глаза, в которых только что играла жизнь, горя то ненавистью, то животным удивлением, потухли.

И лось уже не вздрагивал. Соперники успокоились. Они, окровавленные, лежали на белой поляне. Один большой, другой маленький. Маленький убил большого. И такой невзрачный зверёк съел бы такого гиганта, если бы не Сергей. Такова натура росомашья...

Лось – краса тайги. Он могуч и силен. Величавее его, кажется, никого нет во всем таёжном мире. Медведь и тот падает замертво от удара его раздвоенного копыта. А росомаха – зверюшка по сравнению с таёжным великаном – в поединке вышла победительницей. Почему? В любой борьбе, наверное, нужна не одна сила!

А росомаха довела до гибели своего соперника просто. Илья-Аки не раз рассказывал про её проделки. Высмотрит она зоркими глазами лосиную тропу. Вынюхает каждый след, каждое дерево, под которым любит он постоять и полакомиться. Притаившись на густых ветвях такого дерева, росомаха терпеливо ждёт, когда величественные рога подплывут под ветви. И тогда она прыгает на широкую спину лося, припадает к голове и острыми когтями маленьких, но проворных лап царапает глаза, вырывая их с нервами из глазниц.

Ослеплённый таежный гигант в паническом страхе обращается в бегство. Он несется вперед, стараясь уйти от неожиданно

нагрывшего жгучего мрака. Треск и гром стоит на его пути. Всё ломается, гнётся перед великаном. И только громадные кедры и лиственницы, вздрогнув от удара, отбрасывают его в сторону, нанося ему ощутимые побои. Шарахаясь из стороны в сторону, натываясь на деревья, грузно падая и поднимаясь, таёжный красавец несётся до тех пор, пока его не покидают силы. А следом за ним, кувыркаясь, перевертываясь, кривляясь, скачет росомаха, ожидая, когда длинные и стройные ноги не захотят больше нести гордую коронованную голову таёжного великана. И когда рога склоняются на снег, хищная продолговатая морда, сверкая оскалом превосходных зубов, припадает к горлу лося. Она пьёт горячую кровь, смакуя и наслаждаясь. Потом ест. Потом спит. И снова ест. До тех пор находится около своей жертвы, пока не останется от нее и косточки...

– М-да! Вот и поохотился! – вздохнул Сергей. – И надо же ведь так! Вконец испортить охоту!..

С росомахой – проще. Снять шкуру. Мясо – собаке, а жир соскоблить: лекарство незаменимое... А вот с лосем что делать?! На лошади и то далеко не увезешь. К тому же лицензии не было у Сергея. Ведь он шел на охоту за соболем и куницей. На худой конец на заготпушнину сдал бы беличьи шкурки. А теперь вот – лось!

Признают ещё браконьером. Кому докажешь, что убил не он, а росомаха! Никто ведь не поверит!..

Придётся вызывать комиссию, оформлять... Вся охота – к чёрту!..

«А раньше ведь такой добыче манси радовался, подумал Сергей. – Такой тушей прокормишь семью пару месяцев, а то и больше». Лось был основным источником питания таёжных охотников – предков Сергея. Неделями, месяцами они иногда преследовали чуткого зверя по следу, чтобы уложить его. А то ожидает голод. Рядом с голодом – болезнь. Болезни уносят людей в иной мир – в печальное подземелье, где властвует мрак. Не убьёшь лося – будешь сам во мраке... Теперь же лось остался пищей только для кровожадной росомахи. Манси ходят теперь в магазин. Все там можно купить. А заработать есть где! Много новых занятий придумали люди. И нефть добывать, и

газопроводы прокладывать, и дома многооконные строить, и выращивать огурцы в теплицах, и коров доить, и водить по тайге машины, могучее любого таёжного великана. И зачем из тайги тащить огромную тушу, если можно сбегать в магазин и принести мяса повкуснее!.. Если манси в лес и ходит – то по привычке. Вековые инстинкты. Зов предков. А может, просто для души. Отдых. Прогулка. Спорт. Охота-спорт. Разве манси не хотят быть спортсменами?!

«Э-эх! – сокрушался Сергей, разглядывая черно-бурый хвост росوماхи, распластавшийся на снежной белизне. – И стоило тебе попадаться на моем пути!»

«Хвост росوماхи приносит счастье», – гласит предание. Времена преданий прошли. Изменились и понятия удачи и счастья.

И сам Сергей вроде стал другим. Особенно остро он почувствовал это недавно в Тюмени.

В ресторане, сверкавшем полированным деревом, люстрами, хрустальными бокалами, вначале было немного народу. Но комариным роем уже плыл шумок. Потом заиграл оркестр, поплыла музыка, знакомая и приятная. Скоро Сергей не стал замечать ее. Как не замечает охотник монотонного шелеста листьев и шума хвои, когда играет легкий ветер. Другие тоже будто и не слышали этой музыки: они что-то говорили друг другу, чокались, пили, ели. Все сидели в одном большом зале. Но каждый стол, казалось, жил своей замкнутой жизнью. Все говорили о чём-то своем. И Сергей тоже не чувствовал присутствия людей. Играл оркестр. Плыла музыка. Может, она помогала Сергею уходить в свой мир? А какой у него мир? Чем он не похож на других?

А может, легче ответить, что общего между ним и всеми? Ведь так же, как все, он любит музыку этой жизни. А она для сидящих в этом зале – одна. Все работают, учатся, служат. Кого больше в этом зале?

У входа в ресторан висело объявление, что обслуживаются только депутаты областного Совета и участники Всесоюзного совещания. А кто депутаты? Геологи, нефтяники, строители,

газовики, лесники, рыбаки... Большинство – рабочие. Такие же, как Сергей.

И в его рабочем посёлке есть ресторан. И музыка по вечерам так же всех сзывает за столики, окутанные синей дымкой.

А где же в старину собирались люди? Неужели только у охотничьего костра? Нет. И в старину люди любили посидеть за одним столом, в одном доме покружиться, в одной большой думе искали пути. Были тогда «Медвежьи игрища», «Святые пляски», жертвоприношения богам... На таком игрище Сергей почувствовал бы себя «чужеродным телом». А в этом ресторане он сидел, как в своем родном доме... Нелёгким был путь к этому чувству. Сначала была тайга.

В зале стало шумно. Мест свободных почти не осталось. И Сергей с тревогой стал поглядывать в сторону двери. Ведь Венька – он по-прежнему так звал своего друга – обещал явиться ровно в семь, да еще грозился подкинуть приятелю «сюрприз»...

К столу подошла официантка.

– Что вам подать? – спросила она.

– Бутылку коньяку. Тюменской воды. Спинку муксуна. Осетрины на вертеле. Остальное потом. Всё на троих... Сейчас придут... Мои...

«Золотая баба»... Странное слово «баба». Ну какая, к примеру, баба эта стройная золотоволосая девушка, которая с таким вниманием и обходительностью обслуживает меня, случайного посетителя этого ресторана? – думал Сергей, глядя вслед удаляющейся официантке. – Богиня! Вот слово, достойное такой девушки. И не только этой. Чем не богини женщины?..»

Причудливо вился дымок сигареты, которую он не торопясь раскуривал. И мысли его словно тоже вились по какой-то волшебной спирали. Он только что пришел с сессии областного Совета. Ему бы сейчас думать о земле, воде, об охране природы. Все выступавшие депутаты рассуждали об этом. И он говорил. Только теперь его мысли были почему-то совсем не о том. Сегодня у него было какое-то волшебное состояние. В душе его росло неясное, загадочное ожидание.

Сергей прошелся взглядом по столикам. Никого из знакомых не было. С тревогой посмотрел в сторону двери. В этот миг в дверях появилась она – Светлана. Та самая, из юношеской сказки. Только пополнела. И волосы распущены. Золотыми волнами плыли на плечи ее сияющие волосы. А брови – те же два соболя. Глаза – те же два синих озера. Сияюще плескались они синими волнами. Привычно боязно стало Сергею. Он зажмурился, как от ослепительного света. Закрыв лицо руками, он на мгновение ушёл в себя, в свою сказку. А когда открыл глаза – в дверях ресторана колыхались лишь голубые портьеры.

«Не померещилось ли? – подумал, он, охваченный беспокойством. – А может, и на самом деле она?»

И правда, через какое-то мгновение из-за портьер вновь появилась она в сопровождении Веньки и еще одного не знакомого.

Увидев Сергея, Венька взмахнул рукой, приглашая спутников к столу.

– Так вот ты каким стал, Сережа! – пропела Светлана, подавая ему руку.

Неужели это перед ней Сергей когда-то застывал, как лёд, горел, как костёр. Перед этой сияющей богиней он бледнел, краснел, становился молчаливым. Её глаза – два синих озера, брови – соболя пушистые, зубы – нити жемчужных бус, щеки румяные, как рязанские яблоки, и вся она, будто цветущая яблоня, когда-то пленила юношу своими колдовскими чарами.

Но сейчас этот возвышенно-шутливый тон, бесцеремонная раскованность, неподдельная радость встречи вернули Сергея из мальчишеского оледенения к себе, к своему привычному состоянию.

– Здравствуйте! – сказал он просто.

Лишь огоньки, замерцавшие в чуть раскосых глазах, говорили, что он удивлен и рад встрече.

– Знакомся, – сияя улыбкой, представил Венька человека средних лет. – Журналист, искатель...

– Очень, очень рад познакомиться. Наслышан. Мы с вами коллеги. У нас одно увлечение – «Золотая баба». Надеюсь, мы с

вами общими усилиями разгадаем, откуда взялось это одно из чудес света...

– О чудесах света поговорим потом, – наполнив рюмки коньяком, начал Венька. – А пока выпьем. За искателей! За искателей нефти, «Золотой бабы» и прочих чудес света!.. За знакомство!..

Когда все наконец подняли рюмки, Венька еще раз повторил:

– За знакомство! – обращаясь к журналисту. – За встречу! – кивнув в Сторону Светланы.

– Хороша рыбка! – молвил журналист, попробовав кусочек. – И всегда вас так кормят?

– Всегда! – протянул Венька с улыбкой. – Когда совещания, сессии... В Тюмени теперь много совещаний по нефти и газу. Со всех концов страны приезжают сюда большие люди, ученые. Им и большой стол.

– А если нет совещаний?

– То серебристый хек. В лучшем случае – сырок. Тоже рыба. Сиговой породы. Ее у нас тут еще навалом.

– Слышал я про рыбку, которая, говорят, во рту тает. Не то царская селедка, не то...

– Сосьвинская селёдка.

– Да-да! Эта самая. Она тоже здесь, под Тюменью, ловится?

– Под Тюменью? Не знаю, что можно поймать под Тюменью. Все сокровища на Севере: и рыба, и нефть, и газ. Вот на реке его предков, – Венька указал на Сергея, – ловится эта чудорыбка. Сейчас мы попробуем организовать...

Венька вышел из-за стола и быстрыми шагами направился в сторону буфета, где в это время была белокурая официантка. Он о чём-то её настойчиво просил. Не первый раз Сергей в Тюмени вместе с Венькой. Он давно уже заметил, что приятель его здесь чувствует себя не гостем, а хозяином. И на самом деле он все мог организовать.

И на этот раз он оказался волшебником: через какие-то минуты на столе появилась тарелочка с маринованной сосьвинской селёдкой.

– Ты маг, Венька! – воскликнула Светлана.

Сергей узнал, что теперь она работает в Министерстве геологии. У неё, конечно, теперь своя, большая столичная жизнь... Смешно было Сергею вспоминать свое пылкое, юношеское увлечение. И все же в этом была какая-то прелесть, тайное волшебство. Одарив теплым, благодарным взглядом Светлану, Сергей молча выпил рюмку до дна...

– А ваша нефть не убьет это чудо? – расправившись с селедкой, заговорил журналист.

Он то потирал руки, то брался за вилку и нож, то снова клал их на стол, вопросительно поглядывая то на Веньку, то на тарелочку с сосьвинской селедкой.

– Из нефти спроектируем сосьвинскую селедку. Как осетровую икру. Трудно сказать, чего нельзя сотворить из чёрного золота. А сидим на золотой земле. Мы ведь ещё в самом начале поисков. По рекам лишь прошлись. И чуть-чуть заглянули в глубинку. И открыли крупные месторождения. Самотлор, например... Расположено оно в непроходимых болотах. Но на этой небольшой «тарелочке» сегодня уже добывается более ста миллионов тонн нефти.

Сергей с любопытством разглядывал журналиста. Ему он казался старым знакомым. Лицо, руки, манера говорить. Таким он и представлял его. Только никак не мог представить, что он будет в замшевой куртке. Коричневая, как чай из чаги, она сидела на нем ладно и была оригинальной. В детстве Сергея мать заставляла носить легкие замшевые сапожки с красными узорами. И штаны у него были тогда замшевые. А он так хотел настоящей русской одежды...

– Я предлагаю выпить за первооткрывателей тюменской нефти и газа! – протянув рюмку, предложил журналист. – Что бы мы ни говорили, все же это... Это подвиг! За первооткрывателей!..

Зазвенели рюмки. Зашипела минеральная вода в фужерах. Застучали вилки и ножи. И разговор, прервавшись на мгновение, снова ожил.

– Все же журналисты молодцы! С первых дней были с нами, помогая развеять мглу, неверие, – заговорил снова Венька. – Знаете, скептики сейчас даже находятся. Но поначалу... Вы не

можете представить, как было нелегко нам! Немногие верили нам поначалу. Находились и такие, которые писали кандидатские и докторские диссертации. Вооружившись громкими учеными фразами, они с пеной у рта доказывали, что севернее шестидесятой параллели не может быть нефти и газа. Они становились в позу защитников государственных средств, обвиняя нас в напрасной трате денег. Эти фомы неверующие не только сеяли сомнения, но часто и мешали развороту работ. Даже после того как здесь была открыта нефть, можно было услышать и такое: «Какая там нефть в Тюмени, она существует в головах... первопроходимцев!»

В любое дело, будь то малое или большое, нужно поверить. Без веры в то, что каждый маршрут геолога, каждый метр скважины, пробуренный буровиками, принесут что-то новое, приведут к открытию, успеха не будет. Но мало верить самим. Нужно, чтобы и нам поверили. И нам не только поверили, но и помогли. Без этой веры, без этой помощи разве бы мы совершили наше открытие?! Конечно же, нет!

– Так за журналистов тост. Так я понимаю? – сияя синью глаз, пропела Светлана.

За журналистов! За людей печатного слова! За всех, кто способствовал открытию!..

В ресторане гремела музыка. Играл оркестр. Пела певица. На небольшой площадке между столиками в плавном танце кружились пары. Казалось, все плыли куда-то в каком-то сказочно-шумном полузабытьи. На лицах – полуулыбки. На губах – полуслова. В музыке – полугрусть, полурадость. Платья, костюмы, прически... ультрасовременные соседствовали с модой десятилетней давности. Европа и Азия. Сибирь великих строек и Сибирь кондовая. Технический прогресс, последнее слово науки, искусства и вековое, нетронутое, первозданное...

Светлана кружилась с журналистом. Венька тоже не удержался, пригласил на танец темноволосую, стройную женщину из-за соседнего стола. Лишь Сергей остался за столом. Ему было приятно наблюдать и думать. Почему-то глаза его тянулись к Светлане.

Когда-то он не мог спокойно смотреть на стройный стан Светланы, на ее волосы, подобные солнечным лучам, на глаза, подобные синему небу, на белоснежное лицо, на ее румяные щёки, алые губы. Именно такой хотелось ее видеть. И потому шея ее казалась хрустальной, а грудь мраморной. Теперь это книжное восприятие осталось как воспоминание.

Светлана действительно мила и прекрасна. И, наверно, не найдется ни одного мужчины, который, увидя ее, не обратил бы к ней свой взгляд.

Душевные свойства женщины – доброта, ум, благородство, нежность, человечность – дают крылья истинной любви. Обладает ли она этими качествами? Откуда это знать Сергею. А он лишь знает, что если любишь только за красоту, намереваешься насладиться ею, если в этом одном заключается твое мужское чувство, а ее честь, имя, здоровье, поведение, достоинство тебе безразличны, то это не любовь, а животное влечение. Может, в любви больше, чем в чем-либо, видно истинное лицо человека, его высота и совершенство?! Да горела ли в нем в те годы истинная любовь? Наверно, нет. А вот скорбел и печалился. Это точно. Скорбь и печаль человеческая всегда ведь порождены невозможностью и несбыточностью исполнения желаний. Да, тогда он не мог исполнить не только это!..

Журналист, кружась в вальсе, кажется, не спускал глаз со Светланы. Она мило ему улыбалась. Сергей удивился своему состоянию. Раньше эта идиллия в нем невольно дала бы почувствовать свою ущербность, пробудила бы в нем чувство зависти, ревности. Нет, подобного в Сергее давно уже не было. Точно прошла какая-то очистительная гроза и смыла с души все ущербное, низкое, уронив в душе семена отваги, великодушия, собственного достоинства. Может быть, виновницей всему тому была кристальная чистота Веры?! Да, с женой Сергеем повезло...

– Друзья, осетрина-то стынет. Смотрите, как она дымится. Хороша осетрина по-тюменски. Вчера отведала, – усаживаясь поудобнее за стол, лепетала Светлана, разгоряченная после вальса.

– Хороша и осетрина! Только меня все же гложет этот карверзный вопрос, – разглядывая блюдо, начал журналист.

– Какой вопрос? – спросил Венька.

– Не сгубите ли вы рыбу?

И снова за столом разгорелся словесный поединок.

Венька. Конечно, добыча нефти, развитие промышленности будут влиять на природу, на ее золотые дары. Но и мы ведь не лыком шиты, задумываемся. Вот сегодня этим проблемам была посвящена сессия областного Совета...

Журналист. А не кажется ли вам, что такие хорошие мероприятия... проводятся так себе. Поговорили. Приняли хорошие решения. А дальше... по-прежнему. Это не только беда вашего края. Может быть, только у вас люди другие? И я, возможно, ошибаюсь. Но...

Сергей. Но пока улов рыбы не уменьшается.

Журналист. Возможно, причина здесь и в другом. Просто потребности растут. Цивилизация... А знаете, что говорил Марк Твен по этому поводу? Цивилизация – это машина, фабрикующая потребности. Я говорю уже не о рыбе. Западный мир, например, во второй половине двадцатого века потребляет в тридцать два раза больше продуктов промышленности, чем век назад. Подсчитано учеными.

Сергей. Что у них, больше занятий нет, как подсчитывать, кто сколько съел, потратил?

Журналист. Не берусь сказать, насколько точно подсчитали учёные, но ясно одно: человек в наше время расходует все больше и больше природного сырья и энергетических ресурсов. Ведь где-то теперь и вода, обыкновенная вода, на вес золота. А человек сколько на себя тратит? И сколько без надобности...

Приняв ванну, человек взялся за электробритву. Потом зубная паста. Лосьон. Одеколон. Нейлоновая сорочка. Костюм из синтетики. Пальто на поролоне. Шапка. Шарф. Ботинки. Все из новых материалов, сотворенных машинами, которые в свою очередь съели уйму сырья, энергии. На улице он идет не пешком, а садится в машину. Попробуйте подсчитать, сколько он использует природных богатств, пока доберется до рабочего места?

Венька. Это какая-то сказка, а не жизнь. Впрочем, вы народ пишущий. Вам нужно говорить образами. А если так посмот-

реть, без крылатых слов. У нас, например... Сколько стоило труда организовать горячие обеды вахте?..

Журналист. А я слышал, что у вас в квартирах и газ и ванны...

Венька. Кое у кого есть и газ, и ванны, и телефон. Но...

Журналист. И все же. Сравните условия вашей жизни и работы на Севере в самом начале организации промыслов и теперь. Есть разница?

Венька. Конечно. Вперед идем, а не назад. Вначале сами рубили дома, а теперь дают квартиры.

Журналист. Я слышал, что есть у вас и комбинаты бытового обслуживания, и водопровод... Во сколько раз за эти годы выросли услуги сферы обслуживания даже на Севере? Но я не об этом. Я об общей тенденции развития цивилизованного мира.

В обыденной жизни мы разве задумываемся над этим? Конечно же, нет. Вот этот зал залит электрическим светом. Вечно ли сырьё – источник этого света? Природные ресурсы истощаются. А население растёт. К концу века может даже удвоиться население нашей планеты. Сколько мы сожжем, выкачаем энергетических ресурсов, которыми располагает человечество на сегодняшний день? Половину? Две трети?

Нефть... Истинное золото нашего времени. Сколько миллионов лет ушло на ее образование? А ведь ее запасы не бесконечны. Запад уже кричит. Чует близкий нефтяной голод. хищническое использование нефтяных богатств вызвало преждевременное истощение богатейших месторождений этого бы не произошло у нас! Сибирь – нетронутая ещё кладовая.

Венька. Пока мы на несколько километров заглядываем в недра. А что она там таит, наша матушка-земля? Может, там есть что-то дороже и ценнее, чем нефть. Так что...

Журналист. Может быть, рыбы добывается действительно столько же или даже больше, чем в прошлые времена. И в магазине её не стало из-за возросшей покупательной способности населения. Это хорошо. Без рыбы не обойтись. Это необходимая потребность. Я хотел о другом. И ведь мы, в условиях социализма, порой становимся на эту скользкую тропу. Как бы мино-

вать нам такую цивилизацию, которая фабрикует потребности, в которых нет потребности?!

Сергей. О, это слишком туманно и далеко. Не добуриться нам до понимания этой мысли. Лучше уж выпьем... Просто... За жизнь... Все же она прекрасна!..

И вспомнил Сергей свой первый разговор у костра с новыми людьми. Не за столом ресторана тогда сидел он, а у костра, в тайге.

Плясало пламя, летели искры. В темном осеннем небе золотыми оленями бродили звезды. С таёжной речки – вечной говоруни – несло сыростью и прохладой. А с костра – большого и яркого – веяло теплом и запахом вареного глухаря. Совсем как на охоте. Не о глухаре и соболе говорили у костра. Новые товарищи Сергея тогда пели песни, рассказывали разные смешные истории из городской жизни. Они были старше Сергея. Но немало. Лица их дышали молодостью и озорством. Сергею было приятно с ними. Но еще приятнее были звонкие утренние зори с глухариными песнями. Сверкающий иней, лай собаки, полеты белок с дерева на дерево. Это было ему понятней и родней, чем их разговоры о какой-то нефти.

Товарищи Сергея спорили. Он слушал их, но думал о главной, как ему казалось, загадке своей земли – «Тайне Сорниной». На безвестном острове, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная «Золотая баба». Сколько поразительных событий, сколько страстей, кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн!.. – строки газеты кружились в голове, волновали ум и сердце.

Вопросы... вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света?..

Сергей думал тогда о своей земле, где таится «одно из чудес света», и с улыбкой поглядывал на новых людей, которые рубят тайгу, попусту шумят о черном золоте, не ведая еще, есть ли оно в суровом таежном краю.

И теперь, сидя за столом ресторана в областном центре, новые люди тоже спорили. Все о той же нефти, как тогда у костра. Только чуть по-другому. Они рассуждали о запасах, о количестве нефти, о целесообразности эксплуатации...

А может, все дело не в нефти, не в «Золотой бабе», не в других загадках, а в людях? Может быть, в любом деле, в любые времена рядом с верующими во что-то большое и светлое всегда находятся скептики? А может, люди просто не могут жить без борьбы, без состязаний? Может, в вечном состязании друг с другом люди находят удовольствие и успокоение?

А может, жизнь, как бурная река, за новым поворотом всегда таит новую загадку? В разгадке этих загадок, возможно, человек находит свое высшее удовлетворение? Загадка и тайны жизни... А что бы было, если бы всего этого не было?!

Музгарка, крутившаяся вокруг росوماхи, но не смеявшая без разрешения хозяина тронуть ее, вдруг завизжала будто ужаленная. Шкура ее оцетинилась. Губы ее затрепетали, вздрагивая то зловеще, то предостерегающе. Разыгравшаяся собака опять нацелилась в сторону, откуда недавно появились звери, вспугнувшие белое безмолвие поляны.

Сергея будто облили ушатом ледяной воды, когда, повернувшись в ту сторону, увидел вывалившегося из-за деревьев громадного бурого медведя. Принюхавшись к росомашьему следу, поводя мордой по воздуху, точно лоя какие-то запахи, медведь сделал несколько прыжков в сторону поляны. Потом, учуяв что-то недоброе, остановился, встал на задние лапы. Замер. Оледенел и Сергей. Руки окаменели. И только мысли, замершие лишь на мгновение, продолжали свой вечный бег, хаотично перегоня друг друга:

«Ружье... Заряжено. Одним патроном. Убить?.. Зачем?! Нет!.. На этот раз я не стану стрелять. Тогда – бежать?! Покидают бегущих ноги, настигают бегущих звери... Стоять! И соперник, подумав, что ты сильный и вовсе не боишься его, уйдет сам?! Но он – ранен. А раненый зверь опасен. Он как обиженный человек. Будет преследовать... Вырвет глаза, как лосю! Глаза... Нет! Это невозможно!.. Где вторая пуля?!!»

Мгновение – и вторая пуля в стволе. Черные глазницы ружья наведены на бурого медведя.

И у медведя – глаза. Они смотрят на него. В тупом, окаменевшем взгляде сверкнуло что-то живое. Что это? Проблеск мысли? Медвежья дума? А может, он принимает решение: идти

на него или благоразумно отступить, рассудив, как справедливый судья, если перед ним настоящий человек. Для древнего манси медведь был судьей, посланным на землю создателем мира Торумом, чтобы наказывать людей, провинившихся против чести... Честь... Пронес ли ее Сергей, эту высокую человеческую обязанность, с честью?. Или где-то, в чем-то дал маху? Перед ним стоял сам судья тайги. Стоял, замерев рядом с большим деревом. На таком дереве Ильля-Аки и тогда вырубал тамгу медведя, говоря:

– Выберется он из берлоги, поплетется по тайге, разбирая знаки и письма, оставленные человеком на деревьях, наткнется на нашу зарубку и сверху оставит свою. «Ага, – воскликнет он, разглядывая причудливые знаки, – человек хочет вознестись надо мной. Не выйдет!». С этой думой медведь оставляет на дереве свою тамгу, знак своего превосходства. На другой год человек, на том же дереве повыше делает зарубку. И когда снова к этому дереву придет хозяин леса, подивясь высоте и умению человека, медведь под этим деревом роет себе гнездо, где и застает зимой его охотник, устроив затем медвежье игрище... На этом таинственном представлении, кружась в танцах, забываясь в музыке, воскрешая в песне далёкое время, встают века и мгновения жизни манси, и вся окружающая природа с её зверями, птицами. Характер зверей и птиц, их уловки, хитрости, страхи, ужас, борьба и смерть, смерть геройская, хватающая за душу, встаёт на этих игрищах во всей полноте и глубине. А человек, его личность, страсти и волнения остаются словно в тени... А может, и нет? А может, то, что говорится о зверях, относится и к людям? Ведь древний человек не выделял особенно себя из окружающего мира. И медведь, как манси, может быть справедливым, честным, простым, наивным, так же ему больно, если ударить, он, как и человек, любит, страдает, ненавидит, радуется, наслаждается, живет...

На этом игрище оживала чуткая, пытливая душа манси, и незаметно уносилась она в сказочный мир духов, которые, если верить преданиям, творили на земле чудеса.

Стояло большое дерево. Рядом с деревом – медведь. Он смотрел и думал, что-то подсчитывая, соизмеряя.

Да, Сергей был теперь вооружен. С этим ружьём не страшны ему ни тяжелая когтистая лапа, ни острые клыки, ни звериная пасть... Но настоящий ли он человек?! Доказать свое превосходство над хозяином священного леса нетрудно. А как доказать, что ты настоящий человек, если ты уже не веришь в высокое происхождение не только медведя, но и во все божественное, сверхъестественное, что придумали его предки, дети дикой и гармоничной природы? Хотя Сергей уже давно, кажется, не верил никаким духам, в это мгновение почувствовал себя как-то странно. Точно в нём снова ожили видения детства, представления и вера его предков. Ему было небезразлично, какой шаг сделает медведь: ринется на него или повернёт назад, посчитав Сергея не запятнавшим свое высокое имя, как существо земное, похожее на всё живое, но мыслящее и одухотворённое...

Окинув пристальным взглядом желтовато-чёрных глаз окровавленную поляну, дышавшую запахами росамахи, лося, собаки, человека, медведь повернул в сторону, откуда пришёл. Мгновение – и он растаял в серебряной мгле, будто привидение...

Сергей опустил ружье. Вдохнул. Воздух был бодрящий, живительный, сладкий... Деревья, словно взявшись за руки, пытались скрыть скудное низкое зимнее солнце. Но лучи его, яркие, золотые, проникая сквозь дремучие ветви таёжных гигантов, зажигали белое безмолвие радужным светом жизни.

Лапы дерева душисты,
Спит на них русак пушистый.
Но Лиса не удивилась,
Хитрой мысли улыбнулась:
«В этой темени лихой
Будешь греть меня, косой».
Им, уснувшим, невдомёк,
Что сюда нагрянет Волк.

4

Волк промок, как говорится,
От ушей и до хвоста.
Дятел на него дивится:
– Из тебя течёт вода!..
Волк ему тоскливо мямлит
Деревянным языком
– Дай совет мне, словно мама,
Где согреться? Дождь кругом...
Дятел тотчас огляделся.
У него отменный глаз.
– Видишь пихту?..
Сам я грелся
У неё в шатре сейчас.
Волк в шатёр ворвался шумно:
– Кто тут есть? Не верещать!
Волк здесь будет отдыхать.
Зайцу хоть бы что! – храпит.
А Лиса уже не спит.
Дрожь взяла её опять:
«Надо срочно удирать».
К выходу она сумела
Незаметно подползти
И – стрелою полетела
На свои следы-пути.

5

Темень.
И не видит Зайца
Наш таёжный хулиган.
– Ну-ка, Волк, располагайся! –
Приказал себе он сам.
Ах, давно в постели хвойной
Не лежал бродяга-Волк!
И уютно, и спокойно...
«Это что здесь за комок?
Что за тёпленькая мякоть,
Не похожая на слякоть?» –
Волк подумал, засыпая.
И, блаженство уважая,
Зайца лапами схватил
И на сердце положил.

6

Заяц понял втихомолку, –
Он от страха очумел, –
Что лежит у пасти Волка.
«Странно, что я уцелел!..»
Волк храпел, сопел невинно,
Видно, видел сладкий сон.
Заяц сжался, как пружина,
Прыг –
и на свободе он.
– Чтоб ты вечно не проснулся! –
Заяц Волку пожелал.
В непогоду окунулся,
Завопил и побежал.

7

Волк от голода проснулся.
Почесался, потянулся.
«Мне б зайчатинки сейчас
В этот непогодный час... –

Не стихает бури вал.
Но уже возник сквозь тучи
Солнца огненный овал.
Туч лохматых злая стая
Улетела.
Тишь стоит.
Пихта ветками играет,
У неё победный вид

Песня Каюра¹³

Не коси на меня глаз свой карий,
Переждём непогоду – и в путь.
Я сегодня немножко усталый,
Разреши мне, олень отдохнуть.
Даже звёзды на небе промокли
В этот майский отчаянный дождь.
Чум тебе подарил бы я тёплый, –
Всё равно из него ты уедешь.
Ты мечтаешь о тундре цветущей,
Чуешь запах морошки сырой.
Это тропы касланя¹⁴, дружище,
Не дают нам покоя с тобой.
В весеннюю непогоду
Глухарь сегодня – в буреломе.
Он, великан летучий, спит,
Как люди в благодатном доме.
А дождик нудно моросит.
Проснётся рано он от смеха
Совы, хохочущей над ним:
«Смотрите, птицы, вот потеха! –
Заспался чёрный нелюдим».
Багряный лист в просветы сучьев
Росинки на него сочил.
«На волю выберусь-ка лучше...

¹³ Каюр – погонщик оленей.

¹⁴ Каслание – кочевье.

На волю, где вчера ходил».
Он вышел на песок прибрежный.
Шумел на речке тёмный вал,
И хулиганил ветер встречный.
Глухарь песо клевал, клевал.
На небо глянул. Небо хмуро.
И ветер ледяной подул.
Учув снеговую бурю
В чащобу снова он нырнул.
Притча про карася
Золотой карасик бьётся
В липкой сети рыбака.
Может быть, она порвётся?
Может быть. Но сеть крепка.
Ячею порвать не хочет
По соседству жирный язь.
«Мне волна уйти поможет», –
Говорит, не шевелясь.
Щука – яростная сила,
Словно буря, пронеслась.
И ленивца проглотила.
Но решил спастись карась.
Он от щуки увернулся,
Медлить было бы смешно
Сеть порвал и ...улыбнулся
И, как слиток, пал на дно.
Он до сей поры живёт,
Долгожителем слывёт.

Капитан Деткин

Пролог

Взгляд в прошлое

По степи, ярко мерцающей и притягивающей к себе всё живое своими цветами, шёл танк, чужой, фашистский. Он то исчезал в сиреновом мареве, то снова появлялся. И тогда ветер доносил запах бензина и глухой, угрожающий голос железа.

Похожий на большую неуклюжую ящерицу, Василий полз навстречу танку. В какие-то моменты он казался Василию призраком, явлением сна. Веки слипались. Боясь заснуть, матрос останавливался и, став на четвереньки в густой дурманной траве, сильно тряс головой. Дремота уходила. Но минуты через три она, вновь возвращалась, пытаясь прижать к земле, остановить движение. Хотелось спать, спать. Ведь четыре дня, четыре ночи непрерывного боя! И уснул бы, наверно, Василий, если бы не взрывы гранат, которые будили его сознание, толкали в спину. Там, позади, в траншее, дрались его товарищи из батальона морской пехоты. Этот немецкий посланец появился с тыла. И Василий Деткин, двадцатилетний черноморский матрос, вооруженный единственной связкой гранат, должен остановить, уничтожить танк.

Веки смежились, и тело блаженно прикикло к земле. Нет, это был не сон, а короткое забытье. И почудилось Василию: кто-то черный и громадный загремел над ним железом. Василий пришёл в себя. Глянул вверх травы и... увидел танк, близко, на расстоянии пяти метров. Танк стоял. Откинулся люк башни. «Вот она... моя минута! – прошептал матрос. Он вскочил и, примерившись, кинул в зев башни связку гранат. Полыхнул взрыв... и осталось в памяти Деткина от этих коротких отчаянных минут ярко-рыжее пламя – и всё. Наступил мрак.

Глава первая

Схватка

... «Как я тогда до своих добрался? Ума не приложу. – Василий Алексеевич Деткин вздохнул. – Контуженый, раненый... А дошёл. Не подвёл я товарищей боевых. Вот где корень... потому, видно, и вспоминается часто этот случай».

Деткин встал с рундука¹⁵ и в чём был – в тельняшке и легких спортивных брюках – вышел из каюты на палубу катера. Вахту нес механик Роман Мохов, высокий, смуглолицый, с насмешливым взглядом парень.

¹⁵ Рундук – большой ларь с крышкой, в данном случае походный.

Перед Романом на штурманском столике лежали фуражка капитана и старый морской бинокль на потрепанном ремешке.

Деткин зашёл в рубку:

– Здорово, Роман.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Ну, моряк, – Деткин дружески положил руку на плечо механика, – что там на обских просторах?

– Штиль, капитан. Полный штиль на воде и... в груди, – Роман улыбался весело и озорно.

Деткии рассмеялся:

– Эх, ясное море! После города душевный штиль тебе полезен. Небось, подружек навестил в педучилище?

– Навестил. Учился же с ними... Как родные-стали...

– А не тянет обратно?

– Теперь моя любовь – вот эта стихия, Василий Алексеевич, – Роман кивнул на воды реки.

После десятилетки и армии Мохов поступил в Ханты-Мансийское педучилище, на музыкальное отделение. А через год, к удивлению родителей и друзей, оставил его и поступил в ГПТУ, откуда попал на катер Деткина.

Василий Алексеевич надел фуражку, бросил на Романа внимательный тёплый взгляд. По душе Деткину этот смелый и толковый парень. В работе, в плавании механик – правая рука капитана. «Моряком растёт», – давно решил про себя Василий Алексеевич. Взяв бинокль, Деткии вышел на палубу.

В морской бинокль он придирчиво рассматривал берега Оби. Правый – пологий берег – в зарослях курчавого тальника. Левый – в лесах, крутой, угрюмый.

Палуба катера «Марс» зыбко дрожала, вибрировала. Босые ноги капитана чувствовали упругий трепет металла. В эти минуты катер казался Василию Алексеевичу живым существом. «Будто на дельфине качу», – мелькнула у него озорная мысль, и, улыбнувшись этой мысли, он опустил бинокль на широкую грудь, обтянутую полинявшей, постаревшей от воды и ветров тельняшкой.

У Деткипа обветренное, кирпичного цвета лицо, крупный нос, серые острые глаза. Новая чёрная фуражка с крабом сидела

набекрень, почти закрывая левый седой висок. И когда капитан опускал бинокль, то его лицо (Роману оно виделось в профиль), вдохновенное, устремлённое вдаль, казалось молодым. Вот, наверное, таким знали Деткина его товарищи в батальоне морской пехоты в дни обороны Севастополя.

Опустив бинокль, капитан минуты две всматривался вдаль, словно увидел там силуэт родного боевого корабля. И нет уже его. Но сердце сразу не успокоишь. И Деткии всё смотрел на трепетный горизонт.

– Эх, ясное море!.. – вздохнул Василий Алексеевич и, загрустивший, спустился в каюту. Неофициальный выход капитана на палубу закончен.

После завтрака – время на уборку судна и короткий отдых. И Деткии делал служебный обход, заглядывая в каждый угол. Любил порядок капитан. И потому на катере всё было на месте, под рукой. Чистота и аккуратность стали нормой.

Солнце начало на кромке горизонта свой утренний танец. В это время на палубе появился моторист-рулевой, он же повар, Пахомыч – рыжий, среднего роста здоровяк. Полное имя его Новомир Пахомович Тюрин. Но его сразу стали звать Пахомычем. Предупредительный Деткии разъяснил по-дружески Тюрину:

– Ты не обижайся, брат. Пахомыч – крепкое слово. Звучит солидно и приятно.

у Пахомыча круглые карие глаза с белесыми ресницами, рыжие конопушки в пряталки играют на лице; плечи покатые, литые, борцовские. А кулаки словно гири. По характеру же – он флегматик, добряк, мухи не обидит.

В прошлый рейс, когда Деткин и Мохов вступили в схватку с браконьерами, повар так и не принял сторону товарищей, так и не помог им.

Те вернулись на катер с синяками и шишками.

– Что, струсил, заячья душа?! – грозно спросил тогда повара капитан.

– Да пойми же, Василий Алексеевич, – оправдывался Пахомыч, – не могу я на человека поднять кулаки.

– А если он преступленье творит?

– Значит, рассердить меня надо, чтоб я его в чувство привёл.

– Огорошил ты меня, брат, – нахмурился капитан. – Да пока ты рассердишься, тот из ворованного леса избу построит и тебе, простаку, за три цены продаст.

– Нет, не рассердясь, не поднять мне руки, – вздохнул Пахомыч. Такой разговор случился тогда между Детиным и поваром.

– Иди, Роман, завтракать, – сказал Пахомыч, войдя в рубку, – капитан в камбузе ждёт тебя, как барышню.

– Погоди-ка, – штурвальное колесо замерло в руках. Механик встревоженно всматривался в заросли березняка, рябинника и цветущей черёмухи. Из этой зелёной чащи поднимались струи чёрно-рыжего дыма.

Катер «Марс», тянувший за собой небольшую баржу-наливнушку, шёл сейчас возле Лосинога распадка¹⁶ – живописного уголка на Оби. Глубокий залив прямо от реки брал курс влево, в луговину, которая переходила в лесное болото. На болоте частые гости – лоси. В заливе – стерлядь, нельма. Распадок – лакомый кусок для браконьеров.

– Зови капитана, – бросил Роман повару. – Я приваливаю катер к берегу.

Деткин, увидев дым костра, смекнул: дело здесь нечистое. Рыбалка в эту пору запрещена, охота тоже. Зачем честному человеку в черемушник прятаться? Длинный чуткий нос капитана вбирал запахи тайги.

– Мясо варят, – уверенно определил Деткин. – Похоже, лосятиной балуются. Эх, ясное море! – досадливо покачал он головой и широко раскинул руки. – Человеку бы песни петь – черёмуха цветёт! А он лукавит, зло творит...

– Приваль! – крикнул он Мохову.

Капитан первым сошёл по трапу на галечник. Добротные, на толстой подошве ботинки чуть поскрипывали. Рабочий китель застегнут на все пуговицы. Фуражка с крабом, как обычно, лихо сдвинута на висок. Вид имел бравый и решительный.

Роман, играя сильным и гибким тросом, разминался: приседал, боксировал. Пахомыч хмурился. Ему явно не по душе затея капитана. Деткин это понял, пошутил:

¹⁶ Распадок – мелкая ложбина, обычно у реки.

– Тебе, Пахомыч, сердиться не хочется?

– Не хочется, капитан, – по-детски признался тот. – Ну зачем лезть на рожон! Не наше это занятие в чужие дела влезать.

Глаза Василия Андреевича сощурились:

– Я всегда, Пахомыч, боялся равнодушия. Равнодушный человек – самое опасное существо на свете. Будешь при катере. Так и быть – оставлю тебе двустволку на всякий случай. Вдруг сюда побегут. А ты им: «Хенде хох!».

Пахомыч молчал. Деткии и Роман исчезли в зарослях берегового ивняка и смородинника. Вышли к большой поляне. Пылают костёр, Возле него – браконьеры. Четверо. Чувствуют себя в безопасности, вольготно. Дурачатся, хохочут вовсю.

Удобное место – эта поляна. Кроны молодых кедров надёжно закрывают её с реки. Вокруг густые заросли черёмухи и рябины. Падай в моторную лодку по тревоге – и нет тебя, укроет залив в своих протоках от любой погони.

Над костром, на березовой палке – чёрное от копоти ведро. В воздухе – аппетитный запах свежего варёного мяса.

– Ах, вкуснятина... – Роман притворно закрыл глаза. – У меня аж слюнки текут, Василий Алексеевич.

– Не раскисай. А глаза востри: где что лежит, – также шёпотом говорил Деткии. – Может, ружьё, может, рога...

Они стояли за кедрями. На той стороне поляны полулежали на фуфайках два бородача, курили у костра.

Длинноногий, в плоской цветастой кепке, бросал в ведро специи. Напарник – смуглый, с короткими усиками и с пяточком плешины на курчавой голове – снимал деревянной ложкой пробу. «Грузин», – определил Деткин.

– Ружьё! Ружьё засёк я! – засуетился Роман.

– Тихо ты! – капитан опустил на колени. – Где?

– За спиной... вон того, бородатого, что слева.

– Вижу, Роман, – хмурость прошла с лица Деткина. – Это, брат, наш козырь, наша улика, ружьё-то. А коли так, что смекаешь? – Забрать его надо, незаметно...

– Верно, Роман. Разведчик в тебе сидит.

– Давайте я, Василий Алексеевич, попробую?.. Ужом проскользну.

– Валяй, – согласился капитан.

Обитатели поляны готовились к роскошному пиру. Грузин занялся сервировкой стола: расставлял на брезентовом плаще стаканы, кружки, эмалированные тарелки, сноровисто открывал складным ножом банки с маринованными огурцами и помидорами.

Длинноногий взял в руки тряпку – пора снимать ведро. Один из бородачей лежал на спине, смотрел в густую синь неба. Там, в вышине, кружили четыре коршуна. Бородач, видимо, спал.

А хозяин ружья был явно встревожен: он пристально вглядывался в заросли, прислушивался к звукам. Видно, выдал себя Роман.

Треск сучка под ногой Мохова прозвучал как выстрел. И хотя бородач ухватился за ружьё и вскочил, преимущество было на стороне нападающего. Роман размахнулся – и бородач, цепляясь за воздух, упал на спину длинноногого. Тот выронил ведро, которое снимал с палки, и плюхнулся в разлившееся варево. Заорал.

Второй бородач, проснувшись, недоумённо хлопал глазами. Грузин, оглянувшись на крик, увидел опрокинутое ведро и захохотал:

– Да не оскудеют наши вёдра! – Но тут же осекся: через поляну с ружьём бежал незнакомый парень и кричал:

– Ура, капитан! Ружьё наше!

Деткин, соблюдая военную тактику, не показывался. Торопливость Романа спутала его планы. И он выжидал: или зубы свои противник покажет, или дёру даст.

Роман упал от подножки бородача, хозяина ружья.

– Молодец, Вадим! Герой, Вадим! – хлопал в ладоши грузин, приплясывая.

– Ризо, на помощь! Горю! – хрипел длинноногий, стоя на корточках. Скинув рубашку, он смазывал обожженную грудь сырой землёй. Его цветастая кепка валялась под ведром.

– Ну что, голубчики, воевать будем или по-мирному всё решим? – строго и громко обратился капитан к браконьерам, потрясая ружьём.

– Кто ты такой, чтоб командовать? – бородач Вадим зло и непримиримо смотрел на Деткина. – Верни ружьё, а то примешь форму краба.

Второй бородач и грузин засмеялись. Длинноногому было не до смеха. Он стонал, охал, проклинал непрошенных гостей.

– Ты кому это угрожаешь, несчастный?! – шагнул к Вадиму Роман. – Капитан на танки ходил, а ты...

– погоди, Роман, – остановил его Деткин. – Это борода моряков не знает, вот и сыплет словами, как осенняя берёза листьями.

– Пусть дома сидит, коли он такой заслуженный, – сердился второй бородач, – а не вмешивается в чужие дела.

– Для меня чужих дел в тайге нет... Особенно в эту пору, – нахмурился Деткин.

– Покажь документик свой, капитан? – вкрадчивым голосом сказал грузин, протягивая руку. – Начальник без документов не ходит.

Ёкнуло сердце у Василия Алексеевича. Только сейчас он вспомнил, что осталось его удостоверение внештатного охотинспектора в парадном кителе, на катере. Но делать нечего. Надо вести соответственно служебному положению разговор.

– Моё инспекторское удостоверение на катере. Пойдёмте туда.

– В ловушку заманиваешь, краб? – Вадим стремительно бросился на Деткина. Но капитан был начеку. Приклад ружья пришелся Вадиму в живот. Тот, согнувшись, упал на колени. Роман, сбитый с ног, крутился на земле волчком, отбиваясь руками и ногами от второго бородача и длинноногого. Размахивая берёзовой жердью, к Деткину бежал Резо. Ругаясь, поднялся Вадим. Понял капитан, что попали они с Моховым в беду.

И вдруг совсем близко, в кустах, громыхнуло два ружейных выстрела. – Пахомыч, сюда! – что есть силы закричал Деткин.

Затрещали кусты, и на поляну ворвался взъерошенный и запыхавшийся Пахомыч с двустволкой в руках. Браконьеры быстро поняли: надо уносить ноги. Бросив жердь, со скоростью чемпиона-спринтера помчался к заливу Резо. За ним ринулись остальные.

– Пахомыч, за мной! – скомандовал капитан и... остановился, удивленный. На пути браконьеров стоял, поджидая их, какой-то мужчина. По одежде вроде рыбак: короткий брезентовый плащ с капюшоном, зелёные брюки, заправленные в высокие болотные сапоги, сам коренастый, плотный. Мужчина властным движением руки остановил Резо и распахнул плащ. Было видно, как сникла голова грузина.

– Кажись, охотинспектор, – сказал подошедший Мохов.

– Идите на катер, ребята, – приказал капитан. – Я сам тут всё улажу, – и взял двустволку у Пахомыча. Ружьё Вадима он тоже прихватил с собой.

Видит Деткин: обернулся Резо к своей троице и что-то сказал. Те, как зайцы, сыпанули в кусты.

– Стой! Стрелять буду! – капитан с ружьями (одно в руке, второе – на плече) ринулся вслед за беглецами.

– Василий Алексеевич! – прервал его громкий насмешливый голос. – Они уже в надёжных руках.

Деткин остановился.

– Дмитрий Георгиевич! Вот не ожидал! – воскликнул он, признав в незнакомом мужчине начальника Окружного отделения БХСС майора Мухина.

– Ну, наши-то пути скрещиваются, – сказал майор. – Шумную компанию подарил ты мне, Василий Алексеевич. – Шумню, верно, – вздохнул Деткин и пожаловался, кивнув на грузина. – Вот... хотел меня жердью шарахнуть.

– Эти многое могут... Потом спешат скрыться, замести свои следы. – Сухинов строго посмотрел на притихшего Резо, сказал: – Идите на катер.

Грузин ушёл.

– Дмитрий Георгиевич, а что грузин сказал своим приятелям?

Майор улыбнулся:

– Он думал, что я один, – вот в чём штука! – и говорит: чего, мол, уши развесили? Бегите! Одного меня хватит.

Сухинов и Деткин, смеясь, спустились на берег к милиционерскому карьеру. Браконьеров уже сопроводили в каюту. Две их

лодки, зачаленные к бортам судна, покачивались на зыбких волнах залива. Капитан передал браконьерское ружьё майору.

– Трёх лосей завалила эта компания, – прощаясь с Деткиным, говорил Сухинов. – А ведь не пошуми ты, проскочил бы я мимо... На свой сигнал спешили. Так что благодарность тебе, Василий Алексеевич, от нашей службы.

– Да какая там благодарность, товарищ майор! – отмахнулся Деткин. – Выговор мне надо. Оплешку дал. И получилась Бородинская баталия.

Вторая глава

В стане оленеводов

В пункт назначения – в поселок нефтеразведчиков Раздольный – судно Детки на пришло на третьи сутки после встречи с браконьерами, ночью. Молодой труженик-посёлок спал. Два подъёмных крана выгружали с барж буровые трубы, блоки с кирпичом. Неподалеку, у балков, слышался смех, играла радиоло. По берегу ходили влюблённые парочки, отмахиваясь от комаров пучками свежих берёзовых веток.

– Спать, братцы, спать, – сказал капитан своей команде. – Меня не теряйте. Ни свет ни заря буду в конторе.

Начальник Раздольнинской нефтеразведочной экспедиции Егор Максимович Фирулев, коренастый, подвижный, встретил Деткина удивлённым баском:

– Экий ты, брат, ранний. Семь утра. А ты словно тёплую ванну успел принять – свежий, молодцеватый...

– Я утрами, Егор Максимович, речную ванну принимаю. И тебе советую.

Бодрит на весь день – Деткин сел в предложенное кресло и, сняв фуражку, положил её на колени. Пригладил рукой пышные седеющие волосы.

Егор Максимович ходил по кабинету:

– Пока бодрости без допингов хватает, Василий Алексеевич. Народ валом валит. И каждому надо жильё дать, накормить сытным обедом. И план надо выполнять... Так что... забот полный короб. И Блока вспомнишь: «Покой нам только снится...»

Егор Максимович подошёл к своему рабочему столу, достал какую-то бумагу из красной папки и, посмотрев в неё, сказал:

– Послушай, Василий Алексеевич, как ты умудрился два дня сэкономить? По графику твой приход – утро 13 июня, а сегодня 11-е.

– Всё верно, Егор Максимович, – Деткин положил фуражку на подоконник, встал. И заговорил горячо, жестами дополняя свои мысли: – Эвон у Оби какие мысы, пески! Пока огибаешь один такой мыс – и солнце к закату. А я высмотрю знакомую проточку и – шмыг В неё. Вода-то в них весенняя приливная, живая... Иду, ход хороший. Конечно, риск есть. Но кто не рискует, тот в генералах не ходит. Эти протоки и подарили два дня. Такая арифметика, Егор Максимович.

– Есть хватка, есть, но... – начальник покачал своей большой взъерошенной головой, нахмурился было, вкладывая в это «но» свой определённый смысл, и неожиданно выпалил: – Дарю эти два дня. Отдыхайте! Заслужили. – И, положив руки на плечи Деткину, добавил дружеским тоном: – Театров в поселке нет. А посему бери-ка, Василий, мой полуглиссер и лети к своему дружку-оленеводу. Костёр. Ленина. Эх! – глубоко вздохнул Егор Максимович. – Сам бы с радостью поехал, да, видишь... Как путами связан...

Капитан шёл быстрым строевым шагом, напевал:

Нас утро встречает прохладой,

Нас ветром встречает река.

Кудрявая, что ж ты не рада

Весёлому пенью гудка?

Дела в конторе закончены. Горючее он сдал по накладной, как положено. Теперь с легким сердцем можно ехать в гости. Вот удивится Степан! Считай, год не виделись... Как поживают его олени?.. А Егор-то, Егор Максимович каков! Душа человек...

Мохов и Пахомыч надраивали швабрами палубу. Услышав песню, улыбнулись друг другу.

– Кажись, капитан ордена несёт.

– Ну, орлы, пляшите! – Деткин раскинул руки, готовый сам пуститься в пляс. – Два дня отдыха и полуглиссер к нашим услугам. – Ура! – раздалось в ответ.

Оленевод Степан Елушкин жил в десяти верстах от Раздольного, в таёжной деревеньке Варбор.

Спрыгнув с полуглиссера на берег, Деткин увидел Варвару, соседку Елушкина, тихую молодую женщину. Она полоскала на дощатом мостике бельё. Подошёл.

– Добрый день, Варвара. Дома Степан?

– Нету его, Василий Алексеевич. Нету. Ушёл с олешками к Чёрному мысу. Там ищите.

– Да где ж его там искать, в болотах? – растерянно развёл руками Деткин.

– К охотоведу сходите, он знает дорогу, – посоветовала Варвара. Охотоведа звали Михаилом. Молодой, но себе на уме. Еле втроём уговорили его помочь разыскать стан Елушкина.

Чёрный мыс – это темная высокая гряда кедрача на пути реки Аган. Она выгибалась вдоль этой гряды, обходила её и снова прижималась к песчаному лесистому яру, но только уже с северной, с обратной стороны гряды. Вот и получился длинный Чёрный мыс (издали кедрач всегда чёрным кажется).

Углубились вчетвером в лес. Впереди охотовед Михаил. Шли молча. Какой в тайге разговор! Лесу надо воздух слушать. Всё примечать. Таков неписанный закон таёжника. Вышли к болоту.

– Здесь переход, – охотовед кивнул на жидкий настил из полузатопленных сосновых и берёзовых жердей. – Перекурим и ... потопаем.

Это своеобразная тропа вела через топь на ту сторону, в сосновый бор. Болото пузырилось, шипело.

– Ну и местечко, – поёжился Пахомыч. – Черти, что ли, копошатся? Эва всё движется и колышется.

Охотовед курил папиросу и неотрывно смотрел в бор, словно выискивал что-то про себя Михаил: странная усмешка стояла в уголках губ. «Темнит, темнит охотовед, ой, темнит», – подумал капитан.

К Михаилу подошли Мохов и Пахомыч. Теперь они дымили втроём. Деткин сторонился табачного зелья с детства. С той поры, когда он, пятиклассник, взял однажды предложенную ему папиросу и втянул в себя сладковато-пахучий дым. И поперхнулся. И голова закружилась. Бросил он эту проклятую папиросу. И даже, помнится, ботинком на неё наступил.

Стояло полуденное затишье. А на той стороне подозрительно подрагивали ветки сосёнок, словно чьи-то чуткие руки осторожно отводили ветки в сторону и тут же отпускали их. «Следят за нами, клянусь морем, следят», – уже не сомневался капитан.

Болото окаймляли приземистые зонтикообразные сосны и длинные, странной формы кедры. Вершины кедров напоминали облинялые, морщинистые шеи старых глухарей – они были почти голые с редкими пупырышками – следами старых сучьев. А понизу кедры широко расстилали тёмно-зелёные ветви. Деревья росли в зоне лесотундры.

Охотовед взял в руки берёзовую слегу – шест (тут лежало девять слег) и с нарочитой весёлостью сказал:

– Берите, мужики, следи, и... не дай бог вам оступиться. Говорят, под этим местом ад находится. Прямо в кипящий котёл угодите, – и наступил на зыбкий настил.

– Нашёл кого пугать! – пренебрежительно усмехнулся Мохов. – Что мы болот не видели?

– Шутник ваш охотовед, – Деткин выбрал слегу подлиннее и, пропустив вперёд себя Романова и Пахомыча, пояснил: – Замыкать буду для страховки.

Продвигались осторожно, тяжело. Всхлипы болота, чваканье грязи, усталое дыхание – эти звуки казались вечными. Доямали комары.

Зеленовато-рыжая шкура болота, со множеством грязных прорех, колыхалась. Путники словно потревожили какое-то допотопное чудовище. И оно, недовольное, пускало газы, урчало, злилось.

Первым на твердь соснового бора выбрался Михаил. Уперев руки в бока, широко расставив ноги, он стоял с важностью полководца, выигравшего сражение.

– Веселей, мужики, веселей! – торопил он.

Здесь, у болота, густая стена сосняка. Пройдя его, путники попали в светлый, сквозной ягельный бор. И, словно из-под земли, перед ними появились два оленевода-ханты. Они радостно улыбались, приветливо похлопывали удивлённых гостей по спине и плечам, приговаривая:

– Ань торово! Ань торово! – Здравствуйте! Здравствуйте! Живы, целы? Хорошо, хорошо!

Михаила, как старого знакомого, обняли.

Выглядели оленеводы живописно: у всех непромокаемые короткие куртки из оленьей кожи, отороченные беличьим мехом; на старинных – с медными пряжками широких ремнях – ножи в деревянных ножнах и амулеты – медвежьи клыки и когти; ноги одеты в легкие, удобные для ходьбы бродни. В таких броднях охотник к любому зверю бесшумно подойдет.

Младший по возрасту оленевод Сергей, познакомившись с Деткиным и его товарищами, скромно отошёл в сторону, с нескрываемым любопытством рассматривая гостей. Грудь Сергея перепоясывали два патронташа: в маленьких открытых ячейках их уютно сидели патрончики для мелкокалиберной винтовки, третий патронташ – для ружейных патронов – висел на поясе.

– А винтовка где? – спросил Сергея Пахомыч.

– Гостей встречаем – зачем винтовка? – ответил за Сергея Кирилл Иванович, старик с седой курчавой головой, маленький, проворный. Он успевал везде: то ремень рюкзака поправит у Пахомыча, то, посмеиваясь, перебросится парой слов с охотоведом. А сейчас рядом с Моховым оказался. И, заглядывая ему в глаза, сказал:

– Непостоянный характер у тебя, парень. Глаза зелёные.

– Примета, что ли? – удивился Мохов.

– Всё от природы идёт, – наставительно говорил оленевод. – Она – мать и учитель. Кто имеет в природе зелёный глаз – неожиданные поступки делает...

Подошёл Деткин, спросил о Степане. Выяснилось: Елушкин уже второй день находится в оленьем стаде, сегодня вечером должен прийти.

– Как говорят русские, милости просим к нашему шалашу, – радушным жестом Кирилл Иванович позвал гостей к чумам.

Чум – походное жильё оленевода. Он быстро ставится и в считанные минуты разбирается. Сосновые или берёзовые жерди, оленьи шкуры, длинные, из оленьей кожи ремни – вот и весь строительный материал, из которого вырастает чум. В здешнем бору жило три семьи, у каждой – свой чум.

Собаки не лаяли, а только настороженно посматривали на гостей.

И опять удивился Пахомыч. В его родном поселке под Ленинградом, где прошло детство, появившись только незнакомый человек – собаки поднимут такой тарарам! – всех жителей поднимают на ноги. И потому спросил у Кирилла Ивановича:

– Ученые, видать, помалкивают?

– Пустолаек не держим, – был ответ.

У жены Елушкина, Натальи Павловны, смуглое, почти тёмное лицо, твёрдые скулы и синие глаза. Она обрадовалась Деткину:

– Здравствуйте, Василий Алексеевич... дорогой наш гость. Вчера вас вспоминали. Располагайтесь.

У чумов стояли толстые сосновые чурбаки, заменяющие табуретки.

Деткин устало опустился на чурбак.

– Не грех и отдохнуть после этого чёртова болота... Неужто эта тропа единственный путь сюда? – Василий Алексеевич внимательно посмотрел на Елушкину.

– Вы свой человек, Василий Алексеевич, вам можно открыть тайну, – помолчав, сказала Наталья Павловна. – Есть ещё одна тропа. В бору. О ней знаем только мы. И слава Богу! Иначе покоя не знали бы: столько кругом геологов!.. И каждый из них почему-то считает, что у нас горы меха. А у нас одно маленькое стадо.

– И охотовед знает вторую тропу?

– Знает. У нас свой уговор с ним: по секретной тропе он идёт только в одиночку.

И стала сейчас понятна Деткину та странная усмешка Михаила. А эти подрагивающие сосенки?.. Значит, Кирилл Иванович и Сергей следили за ними.

– Пойду костер пока разводить, – сказала Наталья Павловна. – Вон Кирилл Иванович в лес собрался. Гостей-то свежим мясом угощают...

Кирилл Иванович с карабином в руке стоял у своего чума и что-то говорил охотоведу, Мохову и Пахомычу. «Такую охоту прозевать – непростительно», – подумал Деткин и встал.

За оленем отправились вчетвером – Михаил, Кирилл Иванович, Сергей и Деткин.

Идти по ягельному бору – всё равно что шагать по ковровой дорожке: ноги приятно утопают во мху. Мох чуть похрустывает.

Солнце клонилось к закату. Деревья стояли как замороженные: хвоинка не дрогнет. Чистый серебряный воздух тонко звенел комариными голосами.

Василию Алексеевичу казалось, что солнце улыбается всему миру и ему лично, печально и светло. И ещё подумал он, что при такой красоте, которую ежедневно дарит солнце, дарит природа, – жить бы всем в радости и согласии, да вот всё как-то не получается эта гармония у человека. А нужна она человеку, ой, как нужна!

Опираясь на ствол карабина, как на посох, Кирилл Иванович поджидал отставших путников. Взгляд его зорко охватывал открытое пространство янги. Там, впереди, у янги¹⁷, метрах в двухстах, стоял олень.

Он вдыхал в себя ароматы и звуки вечеряющего леса. Деткин кашлянул. Голова оленя повернулась в сторону людей. И тут же прогремело три быстрых выстрела. Стрелял Кирилл Иванович. Олень упал. Все бросились к нему. Зверь лежал, подогнув под себя переднюю правую простреленную ногу.

– В коленный сустав попал, – определил охотовед. И тут же с укоризной добавил: – Три пули – многовато для оленя, а, Кирилл Иванович?

¹⁷ Янга – большое, топкое болото.

– Зачем много? – удивился оленевод. – Всё как надо, Миша. Первая пуля в воздух пошла: ближних олешек испугать. Второй пулей в ногу попал: пусть олешек на месте стоит. Третья пуля под лопаткой.

– Мировой снайпер из тебя вышел бы, Кирилл Иванович, – сказал капитан.

В считанные минуты оленеводы освеживали тушу. Мясо уместилось в четырёх рюкзаках. Шкуру Кирилл Иванович повесил, как одеяло, на толстый сук, сказав: – Рысь не ходит. Пусть спокойно весит.

Голову оленя оставили тут же, до утра.

На обратном пути Деткин, отмахиваясь от комаров, первым нарушил молчанье:

– Отчего комары не спят? Не знаешь, Кирилл Иванович?

Оленевод рассмеялся:

– Комар будет спать – и ты долго будешь спать... Э-э, вот и Степан... От костра навстречу путникам шёл широкоплечий, чуть выше среднего роста мужчина. В его тяжелом медленном шаге, в покатых плечах чувствовалась сила, спокойная, несуетливая уверенность в себе. Друзья обнялись. Деткин снял рюкзак, передал его Сергею. Степан увёл гостя к своему чуму, сели на чурбаки. Степан закурил трубку.

– Как поживаем, друг мой? – спросил Деткин.

– Помаленьку живём, тихо живём, Алексеич.

– За болота спрятались, значит.

– Спрятались. Покой нужен... Кирилл Иванович нашёл этот бор.

Кирилл Иванович в это время хлопотал у костра, помогал женщинам готовить ужин. Мясо варилось в большом чугунном котле. Деткин знал, что такие котлы и таганы к ним – теперь редкость. Только у оленеводов сохранились они. Сергей, Роман и Пахомыч сидели близ костра на оленьей шкуре, курили, о чем-то оживлённо говорили.

– Я всё думаю, Алексеич, как дальше жить будем мы, лесные люди? – повёл разговор Степан. – Сколько вертолётов налегло! Сколько машин пришло! Как устоять нашей природе? Как

сохранить наше древнее родовое занятие? Ведь я – оленевод. Я без олешек не могу...

Деткин задумался, погрузился:

– Понимаю тебя, Степан. Сердцем понимаю. Ты без оленей не можешь, я – без реки. И оба, значит, кровной ниточкой связаны с природой. Оборви эту ниточку – и нет тебя, нет меня.

– Верно, верно, Алексеич, – кивал седой головой Степан. – Без оленей я – какой человек?.. Тоска, будто комар, выпьет меня, сухарой сделает...

– И мне не прожить теперь без реки, без моря... – Деткин поднялся.

Словно нахлынувшие мысли позвали его к немедленным действиям. – До каждой души, Степан, не достучишься, чтобы человек воспринял здоровую природу, как своё спасение. Но когда большинство людей придёт к этой спасительной мысли, поверь мне, Степан, мир здорово изменится... – Деткин широко развёл руками, повеселел лицом. – Эх, ясное море! Как пригодно, душевно у вас в бору!

– Гости дорогие, просим на ужин! – это голос Кирилла Ивановича.

– Экий шустрый старик! – сказал Деткин. – На всякое дело мастак.

– Моя правая рука! – с гордостью заметил Степан.

На длинном, сколоченном из досок походном столе дымилась глубокие алюминиевые тарелки с ароматным оленьим мясом. Оленеводы расположились по одну сторону стола, гости – по другую. Женщины ушли в чум готовить ко сну постели. Мужская компания – только для мужчин. Таков здесь порядок.

Напротив Деткина сидел Степан. Голова у оленевода крупная, лицо цвета жаркой меди, широкое. И нос на этом мужественном лице тоже широкий, с выпукло-жестким овалом ноздрей. Взгляд у Степана пронизывающий, властный. «Да, у этого маленького товарищества оленеводов и у этого огромного ягельного бора есть свой рачительный и мудрый хозяин, – думал Василий Алексеевич, глядя на Елушкина. – И это хорошо. В наше время на каждой пятачке земли нужен настоящий хозяин».

И гости, и хозяева азартно, с аппетитом ели мясо, пили крепкий душистый чай, приправленный брусничным листом. Тут не до разговоров. Разговор вели после еды, лёжа на мягкой оленьей шкуре под звёздным пологом вечно загадочного неба. А рядом пляшет пламя костра. Веет теплом, покоем, сказками леса. И тело просит сна. И весь мир кажется радушным домом.

Василий Алексеевич ночевал в чуме Степана. Для гостя натянули отдельный марлевый полог – и ни один комарик не потревожил его. Проснувшись, Деткин взглянул на свои ручные часы: пять утра. Рано. Но захотелось посмотреть в глаза утреннему бору.

Удивлению Василия Алексеевича не было предела: Кирилл Иванович уже хлопотал близ своего чума – разводил дымокур. Клубы густого сине-белого дыма клонило ветерком в сторону янги. «Ну, старик... Да спал ли он сегодня?» – Деткин поёжился. Было холодно. Давала о себе знать близость тундры. Он вернулся в чум, надел на тельняшку китель и пошёл по тропинке в бор. В молочно-сизом тумане плавали верхушки сосен. А там, где туман оторвался от земли, сосны казались подрубленными, словно от них остались только светло-рыжие пни. Где-то недалеко трубно закричал олень. «Будто корова даёт знать о себе, – подумал Василий Алексеевич. – Только у оленя звук гортанней и резче».

– Мой хор¹⁸! Мой хор! – раздался сзади радостный крик.

Деткин оглянулся. К чумам, в молоке тумана, величественно плыл олень. А к нему, с детским восторгом распахнув руки, бежал Кирилл Иванович. Деткин поймал себя на том, что он тоже бежит, торопится увидеть эту встречу. Василий Алексеевич прислонился к сосне. Отсюда красавец хор и Кирилл Иванович были видны, как на ладони. Олень остановился, глядя на хозяина внимательно и доверчиво. Старик упал на колени. Деткина поразила его поза, его вид: руки прижаты к груди, словно он даёт молчаливую клятву, глаза полузакрыты, голова чуть откинута назад. Так стоял он, не шелохнувшись, верен каждому своему зову и знаку души. И... случилось то, чего Василий Алек-

¹⁸ Хор – олень, бык.

сеевич никак не ожидал. Олень бережно положил свою белую голову на седую голову старика. И Василий Алексеевич увидел, как из глаз Кирилла Ивановича скатились две крупные слезы. Детки почувствовал, что и его глаза наполняются горячей влагой. Чтобы справиться с волнением, он до боли прижался головой к прохладному стволу дерева.

Не открывая глаз, Кирилл Иванович стал бережно гладить руками с двух сторон шею оленя. Олень не шевелился. Минут пять или семь стоял он так, принимал благодарную ласку своего хозяина. Потом вскинул голову и пошел к дымокуру.

Старик поднимался медленно, тихо, с умиротворённым счастливым лицом.

А Деткин всё стоял у сосны, наполненный новым чувством родства с природой. В нём выяснилась, обрела свою плоть и значимость главная мысль – любить на равных, любить уважительно и бескорыстно окружающий тебя мир: и животных, и деревья, и травы, – мысль, рожденная нынешним утром для будущих дней.

И на душе у Василия Алексеевича стало тепло и благостно.

Третья глава

Бой за остров Шумшу

Катер Деткина «Марс» спешил обратным ходом в город Ханты-Мансийск. Там, на нефтебазе, баржу заполняют дизельным топливом и пожелают команде Деткипа счастливого пути до Раздольного. Маршрут прост. А сама дорога таила немало трудностей, особенно осенью, когда река обрастает, как ракушками, мелями и перекатами. Но сейчас июнь. Воды много. Дни стоят погожие, безветренные. Благодать!

У причала нефтебазы, на берегу Иртыша, Мохов приметил группу школьников, нарядно одетых, в галстуках. Пожилая женщина в строгом чёрном костюме (видимо, учительница) что-то говорила ребятам. И те во все глаза (так казалось Мохову) смотрели на его катер. Учительница держала в руке букет цветов. «Кажется, тюльпаны?.. Точно, тюльпаны», – определил Роман.

– Ты берегу глаза не дари, а баржу ровнее приваль, – услышал механик рядом с собой командирский голос Деткина.

– Будет как надо, капитан... Откуда вот они тюльпаны взяли – удивляюсь!

– Есть в городе свой знаменитый садовод Никифоров. У него, брат, всё растёт: и тюльпаны, и розы... Пстой-ка, Роман! Да это же Агриппина Гавриловна, сестра моего племянника. Помнишь, я тебе о нём говорил? – глаза Деткина засветились радостью.

– Где упомянуть, капитан! – ответил Роман, работая штурвалом.

У тебя полгорода знакомых...

– Но почему цветы? По какому поводу?

– Сегодня же 22 июня, Василий Алексеевич? – и Роман пристально посмотрел на капитана.

– Точно, Рома. И как я забыл! – лицо Деткина сразу стало задумчивым и даже печальным.

«Марс» привалил к берегу. Пахомыч закрепил швартовы, подал трап.

– В такой день цветы, Агриппина Гавриловна, как-то... – Деткин замылся, подыскивая нужное слово.

– Цветы – это память, дорогой Василий Алексеевич, – пришла ему на помощь учительница. – Цветы всегда к месту. И нечего тут мудрить. – И верно: цветы – это хорошо, – сразу повеселел Деткин. – Цветы сегодня – это поклон и живым, и павшим. Верно, дети?

– Верно! Верно, Василий Алексеевич! – зашумели, захопавали в ладони пионеры.

Пахомыч и Роман стояли рядом, с гордостью посматривали на своего капитана, не по годам крепкого, стройного, в парадном кителе с орденскими планками.

– Василий Алексеевич, прошу в машину, – сказала Агриппина Гавриловна. – В краеведческом музее встреча с Вами. Почти вся наша школа будет.

– Оперативно работаете, ничего не скажешь, – улыбнулся Деткин и подозвал к себе Романа. – Останешься за меня, Роман. Я буду у племянника. В семь утра уходим... Да, напоминаю:

проследи за баржей, чтоб заправка была на высшем уровне: без разлива и недолива.

В музее полно народу: учителя, школьники, туристы с теплохода «Генерал Карбышев», плавающего по маршруту Новосибирск – Салехард.

– Василий Алексеевич, расскажите нам про самый памятный бой, – обратилась к нему Агриппина Гавриловна. – Вы воевали и на Чёрном море, и на Тихом океане. Сражений много. Но ведь есть самое незабываемое.

Капитан задумался.

– Каждый бой памятный. Каждый бой живёт в плоти и крови воина, – начал он свой рассказ. – Но, действительно, есть и самый страшный бой в моей жизни. Это бой за остров Шумшу, на Курилах.

18 августа 1945 года десантники Тихоокеанского флота и несколько стрелковых дивизий на десантных судах подошли к Курильским островам. Отряду, в котором находился я, предстояло взять остров Шумшу.

Мы знали, что японцы сидят в дотах и дзотах, имея круговую оборону. Но все верили: враг капитулирует, как только десантники окружат остров.

Высадка производилась в разных частях острова. Наше судно остановилось недалеко от берега: мелко. Пришлось десантироваться в воду. Враг молчал. Кругом высились каменные глыбы, скалы. Шли мы с шутками, весёлые. Кто-то пел:

Раскинулось море широко,
И волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
Далеко от нашей земли.

В десанте – моряки, пехотинцы. Было около 12 часов дня. Помню ясное небо. Все верили в легкую победу.

Василий Каратаев, мой тёзка, тоже сибиряк, сказал:

– Может, их и в помине нет, Вася?.. Удрапали.

Сам улыбается. Орел Карагаев! Высокий, с разлётными чёрными бровями, богатырская грудь с двумя орденами Славы

на бушлате. Мы с ним подружились во Владивостоке, в оздоровительной команде.

Взобрались десантники на каменный взгорок. Вот в этот момент и ударил враг из пулемётов и пушек. Неожиданно получилось. Страшно это. Вокруг пули цвиркают, осколки летят. Дым, гарь. Раненые кричат.

Залегли мы с дружкой за валун. Из автоматов палим. Неподалеку от нас – сопка. Огнём брызжет. Вся в огневых точках. И давай-ка наша корабельная артиллерия молотить по этой сопке, по этим дотам, дзотам. Заволокло её дымом и каменной пылью. Пользуясь этим, десантники стали продвигаться вперёд, где по-пластунски, где перебежками.

Бой гремел по всему острову.

Артиллерия перенесла огонь на соседние сопки. И тотчас, с криком «ура», бросились мы на притихшего врага. Но... ожили японские пулемёты. Снова, теряя товарищей, попрятались мы за камни...

Ночью в разведку отправили группу моряков из одиннадцати человек. Вернулись трое. Остальные погибли. Однако эти трое захватили все-таки левофланговый дот. От них мы узнали страшную весть: оказывается, японцы были прикованы цепями к своим пулемётам. Смертники, значит.

Ранним утром после артиллерийской подготовки мы снова пошли в атаку. Дружок мой Василий Карагаев ближе всех оказался к центральному доту и кинул в его огненную пасть одну за другой три гранаты. Примолк дот. Да и не железные там люди, в конце концов. Сколько на них металла израсходовали! Вскочил в азарте Карагаев и закричал: «Ура-а!» И надо же было такой беде случиться: из правой, молчавшей амбразуры, пулемёт ударил. И подкосились ноги у моего дружка, упал он. Я к нему. А моряки гранатами пулемёт добивают. Помог я Василию подняться. Кровь так и льётся сквозь пальцы. Руками он всё глаза прикрывал. И услышал я горький шёпот его: «Что же они со мной сделали?» Потерял я, дети, своего друга.

Василий Алексеевич замолчал. Глаза его моргали часто-часто. Вынув носовой платок, он отвернулся, покашлял в него. Успокоившись, обратил задумчивый взгляд на детей. А в музее

стояла тишина. Десятки детских глаз – тревожных, грустных, растерянных, ласковых, доверчивых – смотрели на Деткина. Старушка туристка, стоявшая впереди своей группы, утирала платочком слёзы. В открытую форточку влетел пушистый, воинственно гудящий шмель. Он покружил, рассматривая людей, и, словно почувствовав, что явился не вовремя, улетел тем же путем.

Капитан продолжил рассказ:

– Дорого заплатили мы за эту сопку. А впереди новая, тоже вся огнём пышет. Двинулись мы к ней. Наши снаряды камни перемальвают. Кажись, травки живой не осталось. Только пойдём в атаку – с прежней силой бьют пулемёты. Что за напасть такая! Три дня штурмовали мы эту сопку. Взяли-таки. Жутко было смотреть на цепи смертников, на их измождённые лица. И что тут выяснилось, ребята. На острове под землёй действовала узкоколейная железная дорога. Там же – и казармы, и электростанция. Дорога подходила почти к каждому доту и дзоту. Убьют стрелявшего, но тут же замена ему готова. Прибавьте к этому смертные цепи пулеметчиков. Вот и вся хитрость их стойкости.

Поздновато узнали мы про железную дорогу. Теперь уже наше командование решило иначе действовать. В глубине острова высадился авиадесант. Десантники пробурили шурфы, положили туда взрывчатку. Взрывами вывели из строя подземные ходы противника и парализовали движение поездов по узкоколейке. После этого стало легче вести бой. Вот такой остров, дети, встретился мне на военном пути... Вопросы есть?

– Василий Алексеевич, скажите: кто строил эту железную дорогу и укрепления на острове? – спросила старушка туристка.

– Дорогу, доты и дзоты строили пленные китайцы и корейцы. Их привозили туда с материка. Потом этих пленных японцы уничтожили...

Вопросов к ветерану было много. Встреча заняла у Деткина два часа. Утром на причал нефтебазы Василий Алексеевич пришёл не один. Его провожал племянник Михаил Вторушин, бригадир рыболовецкой бригады, мужчина лет тридцати пяти, с лицом суровым, замкнутым.

Хмуря широкие чёрные брови, племянник сказал с ноткой восхищения:

– Махнула рукой на тебя, старость, дядя, – мол, живи сколько хочешь.

Деткин обнял Вторушина за плечи:

– Я, Миша, стареть не собираюсь. Вот стукнет лет сто – у тебя посох для дороги попрошу. А на печку не полезу. Не-ет.

Племянник и дядя рассмеялись.

Четвёртая глава

В грозу

Вторая половина июля выдалась жаркой и грозовой. Днём ярко светило солнце, стояла парная духота. А к вечеру на обские просторы обрушивался щедрый, яростный ливень. Тепло и влага – чудотворцы природы. Луговые травы вымахали в рост человека. Пышно зеленели деревья.

«Марс» держал курс в Ханты-Мансийск. В два часа дня Пахомыч сменил Романа у штурвала. Детки отдыхал в прохладной каюте. После ночного дежурства у него разболелась голова.

– Не забудь в Иртыш повернуть, а то прикатишь нас в Обскую губу, – бросил шпильку Роман.

– Валяй, валяй, – круглое лицо Пахомыча расплылось в добродушной улыбке. – Штурвал в надёжных руках.

Ветер нёс такой душистый запах трав, что глаза моториста невольно щурились от блаженства: «Не воздух, а мёд».

Приятно кружилась от пряных ароматов голова, и размечтался Пахомыч. Стоит он в белой парадной форме на капитанском мостике. Все смотрят на него, вся многолюдная пристань Ханты-Мансийска. Все ждут его пассажирский теплоход. Женщины машут букетами цветов. Вон и его Рая, веселая, в сиреновом платье. Как василек. И Миша, сын, рядом, с гордостью глядит на отца...

– Спишь, что ли, еловая голова?! – вдруг услышал Пахомыч грозный и такой знакомый голос.

– Туман какой-то... набежал на глаза, – промямлил Пахомыч первое, что пришло на ум.

– Вот и судно, как в тумане, туда-сюда тычется... Времени не хватило на сон? – гремел бас капитана.

– Выспался я, капитан, выспался... – боялся признаться о своих мечтах моторист-рулевой.

– Сходи-ка в машинное отделение. Что-то с системой охлаждения неладно, – глядя на приборы, сказал Деткин и позвал с палубы Романа: – Встань к штурвалу!

– Да что ты, капитан! – заупрямился Пахомыч. – Ну, от силы... двадцать минут назад был там. Полный ажур.

– Ажур, говоришь?! А ну, пошли! – и, схватив моториста за руку, Деткин увлек его за собой.

В машинном отделении вода тугой струёй хлестала из водяного холодильника. Как и предполагал капитан, с холодильника слетел дюрит-шланг подачи воды. Пахомыч ахнул:

– Как это могло случиться?! Собачий нюх у тебя, капитан.

– Беги к Роману, пусть приваливает, – приказал Деткин, перекрывая кингстон.

Вода перестала течь из холодильника. Капитан заглушил дизель. Зашелестел песок. Берег.

Судно встало примерно в километре от слияния Оби с Иртышом. Небо мрачнело. За высоким крутояром, за лесом ворчал гром.

Работы хватило всем. Пахомыч и Роман слили вёдрами подсланённую – отработанную – воду в ёмкость, стоящую на корме.

Нарастала сила встречных валов. Капитан поднял лобовое стекло рубки. За штурвалом – снова Пахомыч.

– Держись берега, – наказал ему Василий Алексеевич. – Очень уж ветер не по душе – порывистый, жаркий.

Впереди, по горизонту, – вода мрачная, взъерошенная, в стружках пены. Вот оно знаменитое волнующее место, место слияния Оби с Иртышом. В тихую погоду здесь только песни петь да фотографироваться на память – такое раздолье и величие вод, лугов и лесов. А в непогодь, в бурю – вот где разгул стихии! И не испытывай судьбу, человек! Притихни и пережди ярость ветра и валов в затишье, в заливе.

Из-за каменного мыса выкатилась косматая чёрная туча с багрово-красными подпалинами. Загрохотал гром.

– Буря, – прошептал Деткин, и рука его опустилась на штурвал. – Назад, Пахомыч! Назад в залив!

Капитан сам повёл судно обратным курсом, Пахомычу сказал:

– Иди в машинное отделение, мало ли что...

В рубке появился Роман.

– Вовремя отступить – тоже победа, капитан?

– Погоди радоваться, – хмурился Деткин. – Всё только начинается.

Валы накрывали баржу, катер. Судно рыскало, плохо слушалось руля. К счастью, залив рядом. Залив – это бывшее устье реки Назым. Там, под горой, за плотной стеной кедрача и пихт – затишье. Там – спасенье. Гром гремел часто и оглушительно, словно кто-то рядом торопливо бил молотом по железу. Только вошли-в валив – сверху хлынул сплошной поток воды. Тёмная туча плотно закрыла небо. До срока наступила ночь.

Переодевшись в резиновые сапоги, в непромокаемые брезентовые с капюшонами робы, команда «Марса» выбралась на берег. При свете прожекторов надёжно закрепили швартовы.

Буря пошла в полную силу. Рвали небо молнии. Невдалеке ревела, просилась из берегов Обь. Провести непогодную ночь в тесных каютах – мало удовольствия, и Деткин предложил:

– Тут, братцы, на взгорке, домик охотничий. Там и скоротаем ночь... Забирай, Роман, харчи. Вперёд, Пахомыч.

Молнии освещали тропинку. Гром торопил путников.

В избушке просторно, удобно. Вдоль стен – из добротной сосновой плахи – нары. Железная печка. У порога аккуратно сложены кучкой короткие берёзовые поленца. Пахомыч нашёл в углу керосиновую лампу, зажёл фитиль, поставил лампу на самодельный столик.

– Жизнь продолжается, капитан... Вообще-то, хозяину этой избушки в ноги поклониться бы. Толковый хозяин.

– Верно глаголишь, Пахомыч. – Деткин снял брезентовую робу, слегка встряхнул её у порога, повесил на гвоздь. – Сейчас печку затеблим и – видали мы бурю на дне реки, как говорятся.

– Чей это домишко, Алексеич, не знаешь? – спросил моторист, пристраивая свою робу на стену, ближе к печке.

– Как не знать? Михаила Бронникова. Художника тутошнего, – Деткин закрыл дверцу загудевшей печки.

– Ну, художник во всём должен нести это самое... – Пахомыч пощёлкал в воздухе пальцами, – пример благородства, жертвенности...

– Значит, в очереди будешь стоять в ожидании этого примера? Так, что ли?! – короткие брови капитана ошетинились, и весь он был похож на большую неуклюжую птицу с удивленно сверкающими глазами. – Вот она, наша беда, Пахомыч... А ты не жди. Ты сам успевай творить это полезное, доброе...

Роман снял с плеча большой рюкзак:

– Да у вас тут, как у той тещи, – пироги и пельмени.

– Где мы с капитаном, там и жизнь, как шампанское, ключом хлещет, Рома, – похвалился Пахомыч.

– А может, вода хлещет? – нашелся Роман, намекая на случай в машинном отделении.

Деткин захохотал. К нему вернулось благодушное настроение.

– Чуть на глазах у бури не потопил нас... Смотри, Пахомыч, в другой раз прощенья не жди.

Мохов выкладывал на столик содержимое рюкзака.

– Думку мою не прихватил, Роман? – спросил Деткин.

– Забыл, капитан. А вот сковородочку для Пахомыча прихвати-ил.

Жарь, парь, Пахомыч. Вишь, печка-то раскраснелась, как девица на морозе. Тебя зовёт.

После ужина Роман сходил на катер, принёс в рюкзаке две фуфайки, подушку-думку Деткина, Обитатели домика расположились на нарах почти с комфортом. Роман думал о чём-то своём. Василий Алексеевич снял китель: жарко. А за окошком продолжалась неугомонная работа ветра и дождя.

– Ты, Пахомыч, назвал Бронникова толковым хозяином. Верно, – вернулся к прежней теме Деткин. – Теперь на такой вопрос дай ответ: сколько охотничьих избушек-стоянок видел ты на дороге нашей на Оби?

– Погоди, капитан, подумаю...

– Чего думать! – вмешался Роман. – Всего две избушки. Вторая – на острове Пекурский.

– Скоро и этих не будет, – вздохнул Деткин. – Раскатают лихие люди по бревнышку.

– Да почему раскатают?! – искренне удивился Пахомыч. – В таком суровом краю они на каждой версте должны быть... Снег. Стужа. Озяб путник. И вдруг избушка – спасительница. Ничего не понимаю, Алексеич...

Пахомыч в здешних краях – новичок. Сам он ленинградец. Приехал на Север с молодой семьёй из романтических чувств. Тайга, олени, буровые. Захотелось приобщиться к этой удивительной нови.

Нынешняя навигация на «Марсе» – первая в жизни Пахомыча. Василий Алексеевич хорошо понимал душевное состояние товарища. И сказал:

– Тут в чём соль, дорогой. Если живёт в тебе чувство хозяина и творца – будешь ты ломать эти избушки? Не-ет. То-то.

– Не каждому дано это чувство, – резонно заметил Пахомыч.

– Воспитывать его надо в себе! – Строго погрозил указательным пальцем в сторону печки капитан. – Воспитывать терпеливо, каждодневно. Это работа. Работа души и ума... Пойду катерок попроведаю.

Роман спал. В печке щелкал огонь.

Деткин накинул на плечи робу, на голову надел старую лохматую шапку из росомахи. Эта шапка и ватник висели за печкой, в левом переднем углу и, видимо, составляли рабочий наряд хозяина избушки.

– Заметь, Пахомыч, в этой шапке ни вода, ни мороз не страшны. Пахомыч словно не слышал этих слов: сидел, задумавшись. Капитан вернулся с запахами ветра и дождя.

– Утихает непогодушка. Но тучи тяжелые. Прут и прут. Давай почивать, Пахомыч... Лампу я потушу, керосина мало.

Пахомычу не спалось. Впечатлительный, он всё думал: какие дикие и нелепые поступки может совершать человек! Может, лихие люди хозяйничают сейчас на его катере? Может,

идут сюда, в избушку? Таились в лесу, пережидали бурю. Стало им от воды и зябкости невоготу. Вспомнили про одинокую избушку на берегу залива – и в бега. Пробираются сюда сквозь мокрый и холодный лес злые, угрюмые. Что за нелепые мысли! Откуда взяться в такую непогодину людям?! Мышь и та не выйдет из норы. Пахомыч гнал от себя эти мысли и виденья. Однако они снова возвращались и беспокоили его.

Он лежал возле окошка. И поневоле ловил звуки внешнего мира: сильные порывы ветра, отдаленный ворчливый прибой Оби, нарастающие раскаты грома. «Видать, новая туча подошла».

Будто качан капусты резали – так сочно захрустело, затрещало рядом, под окошком. «Что за чёрт! – насторожился Пахомыч. – Угол избушки, кажись, отвалился». Кто-то стукнул в окошко. Колотит в дверь. Пытается открыть её. Дверь ходуном ходит, того и гляди, крюк слетит... «Вроде ушёл... Эге, крышу начал ворошить. Ну, это уж слишком. Придётся поговорить с пришельцем».

Пахомыч засветил лампу, быстро оделся, не забыл бросить на голову знаменитую шапку из росомахи. Он надеялся на свои мощные кулаки и потому, скинув крючок, смело шагнул за порог. Темень. И как нарочно – раскат грома, и – дождь. Белый огонек на макушке судна расплылся в бледное желтоватое пятно.

– Кто тут прячется? Выходи! – закричал Пахомыч.

Что-то чёрное и большое надвинулось на него. «Экий бугай», – только и успел подумать Пахомыч. Будто железная кувалда опустилась сверху на голову. Пахомыч аж присел. В голове звенело. В глазах мельтешили разноцветные огоньки. И сразу злость опалила сердце.

– Ах, ты драться, негодяй! – и Пахомыч, по-боксёрски развернувшись, со всей силой влепил кулачищем в чёрную тушу: «Получай премиальные!»

Домик Бронникова стоял на краю неглубокого яра. В этот яр и свалился с рёвом таинственный чёрный незнакомец. Ударил гром. Дождавшись, когда он стихнет, Пахомыч погрозил в темноту кулаком:

– Это тебе за сломанные избушки, разбойник!

Уже в избе, раздеваясь, Пахомыч подумал: «Чего этот полуношник в шубе ходит? Дождь льёт, а он – в шубе!.. Хохмач».

Странное ощущение осталось от удара – кулак словно прилип на мгновенье к чему-то мохнатому, мокрому и податливому. «Шуба у него из росомахи! – дошло наконец до Пахомыча. – Вот и не боится дождя бродяга».

Засыпая, он прислушался. С крыши торопливо бежала дождевая капель. Гром ухал далеко на северо-западе. И всё. Пахомыч даже мысли не допускал: а вдруг этот чёрный пришелец – медведь? Он, городской житель, твёрдо уверовал: медведь в непогоду, как глухарь, прячется в чаще под каким-нибудь еловым или кедровым корневищем и спит себе там богатырским сном.

Утром, увидев у порога медвежью лепешку и сплюсненную кадушку для воды, Деткин сказал:

– Косолапый бродил. Странно, что в гости к нам не попросился... Ошеломленный, Пахомыч тут же выложил товарищам ночную историю. Вот было смеха.

– Шапка выручила тебя, Пахомыч, – похлопал его по плечу Василий Алексеевич и с удивлением добавил: – Однако с тобой, я гляжу, шутки плохи.

Пахомыч чувствовал себя героем.

Пятая глава

Учебная тревога

День Военно-Морского Флота команда «Марса» встретила по дороге в Раздольное. Деткин остановил судно у Белой горы – у высоченного песчаного крутояра. Наверху кудрявились берёзы, за ними – глухая буреломная тайга. Неподалеку, у самой воды, – два мощных камня в полтора метра высотой, два молчаливых вечных стража Белой горы. Их называют каменными близнецами. Как они сюда попали, каким образом появились? – тайна. Но эти вопросы рождаются у каждого, кто впервые оказался здесь. Вот и Пахомыч поинтересовался:

– Сколько лет этим камням, капитан? Как думаешь?

– Ты лучше у Белой горы спроси. Она всё знает, – ответил капитан Деткин и, придав лицу строгий вид, отчеканил: – Даю двадцать минут. Иметь боевой парадный вид. Сделаю сообщение.

– Фантазёр капитан, ой фантазёр! – улыбается Пахомыч, спускаясь в каюту.

– С ним не заскучаешь, это верно, – в тон ему говорил Роман. –хлопотный предстоит праздничек.

Ровно через двадцать минут Роман и Пахомыч по команде своего командира встали на палубе в шеренгу. Одеты они в белые фланелевые костюмы, заказанные в своё время Деткиным в ателье ханты-мансийского дома быта.

На фланельке капитана золотом горят нарукавные шевроны капитан-лейтенанта. Такой чин он имеет как военнослужащий Военно-Морского Флота в отставке. Такие нашивки носит Василий Алексеевич и на кителях – на парадном и на рабочем. По этой причине и зовут все Деткина капитаном.

– С праздником, товарищи! – торжественно сказал Деткин.

– Ура! Ура! Ура! – от души кричала команда.

– Сообщение такое, – капитан заложил руки за спину и, гордо вскинув голову, прохаживался перед строем. – Наше судно, как вам известно, мирная единица наших просторов. На сегодня, в честь праздника Военно-Морского Флота, я объявляю «Марс» военным судном. Проведём на Оби учебную тревогу «Воздушный налет». Я – за штурвалом. Роман – за условным пулемётом. Пахомыч отвечает за аварийные работы. Чтоб всё было под рукой для заделки пробоин... Да, может, есть какие возражения?

– Есть, товарищ капитан, – по-школьному поднял руку Пахомыч.

– Капитан-лейтенант, – поправил его Деткин. Он вёл игру по всем правилам. – Опустит руку, товарищ матрос. Ты не в школе, а на военном судне.

– Я думаю, – будничным голосом начал Пахомыч, – лучше в честь праздника к деревеньке причалить и в магазин сходить.

Роман засмеялся.

– Отставить смех! – нахмурился капитан. – Ещё раз повторяю: судно на военном положении, и посему – никаких деревенек... Сходи-ка лучше, Роман, за гитарой. Споём нашу любимую.

Бас у Василия Алексеевича трубный, грубоватый. Мягкий баритон Пахомыча смягчал его. Гитарные струны под рукой Романа вели тихий и согласный разговор. Пели:

Там, вдали, за рекой, где погасли огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов из будённовских войск
На разведку в поля поскакала.

На Оби затишье. Выпукло-зеркальные воды затаили в себе редкие кучевые облака. Каменные близнецы с удивлением всматривались в свои отражённые лики. Ликовали чайки. Глупая рыбная молодежь густой серебристой массой шла на прибрежную отмель, где становилась добычей жадных и крикливых халеев.

В воздухе появилась пороховая пыль гнуса. Замелькали, закружились вокруг поющих в нудном хороводе пауты. И Деткин дал отбой концертной программе. «Марс» покинул берег.

Судовая сирена известила о начале учебной тревоги. Команда облачилась в рабочие костюмы и спасательные жилеты. Капитан пояснил: – Три сигнала сирены – налёт; два – человек за бортом. В остальном без сирены обойдемся. – И подал Роману шланг: – Ствол шланга и есть твой пулемёт. Начнём, братцы, пока судов нет.

Завыла сирена.

– Пикирует! Угости его, Роман, по-сибирски! – кричал капитан и накренил судно вправо.

– Та -та -та -та! Та! – частил Роман, направляя ствол шланга на воображаемый самолёт.

Капитан маневрировал, спасая судно и баржу от мнимых пуль и бомб.

– Ты не стой на месте! – поучал Василий Алексеевич. – У тебя пулемёт вращается. Самолёт не бабочка и не комар. Решают мгновения. Пали и пали по нему...

Глаз у командира острый, всеохватный.

– Сухогруз «Сибирь» показался. Дай, Пахомыч, отмашку...
Пали, Роман! С кормы пикирует!

И Роман, войдя в азарт военной игры, кричал «вражескому летчику»:

– Не на тех напал, вражина! Т-та-та-та! Ага, уходишь!.. Товарищ капитан-лейтенант, ушёл самолет, – Роман весело, с хитринкой смотрел на командира.

Гудок у «Сибири» басистый, радостный. Деткин ответил на приветствие тревожным гудком сирены.

Бросив шланг на палубу, Роман позвал Пахомыча.

– Эй, тыловик! Айда закурим.

Пахомыч тут как тут. Капитану это не понравилось.

– По местам! – раздалась его команда. – Ещё один заход самолёта...

Роман, встречей гостя пирогами.

Роман схватил шланг:

– Та-та-та! Та-та-та!

– Пахомыч! На корме пробоина диаметром в сто миллиметров. Заделать!

Пахомыч бросился на корму судна.

– Стой! – остановил его капитан, видимо изменив своё решение. Раздались два коротких сигнала сирены.

– Прыгай! – страшным голосом закричал Деткин мотористу.

Такой голос не давал времени на раздумье и сомнение. Грузное тело Пахомыча с акробатической легкостью взлетело в воздух и... шумно плюхнулось в воду.

– А-а-а! Алексеич, тону! Выручайте! – шумел человек за бортом. Роман хохотал.

– Ой, чудило! Ой, Пахомыч! У тебя жилет... Ты же как пробка. – Спускай ял, Роман, – пряча улыбку, ровным голосом сказал Василий Алексеевич. – Выручай товарища. Даю судну самый малый ход.

Роман с помощью капитана спустил шлюпку.

Вечером – остановка в деревушке Ягодное. После праздничного ужина развели на берегу костёр. Наломали пихтового лапника, поверх него бросили брезентовые робы и – отдыхай душой, любуйся вечерней природой, человек. Редкие зелёные

звёзды, оранжевые огни бакенов, фиолетово-тёмная гладь реки будили светлые воспоминания. И, как никогда, мир казался возвышенным и вечным.

Деткин решил воспользоваться этой умиротворённостью, этой покойной паузой в своих деловых целях и, как бы ненароком, заметил:

– Ты, Пахомыч, и паниковать умеешь. Не ожида-ал,

– Я голоса твоего испугался, Алексеич! Честное слово! – признался Пахомыч. – И воды хлебнул... Плехнулся-то на живот.

– Вот это всё и называется паникой, – уточнил капитан.

– От такого голоса камень подпрыгнет.

– Кричал потому, что твою натуру знаю. Скажи тебе спокойно, ты и заведёшь: а если бы? А коли бы? А надо ли?..

– Вот на меня кричать не надо, верно, капитан? – улыбнулся Мохов.

– Дело не в крике, ребята. Главное – не паниковать, не рас-теряться в трудную минуту... Помни, Роман: поединок с самолётом особой выдержки требует. Счёт на секунды. Не упусти его ни на момент. Не давай расстрелять себя.

– Ясно, капитан, – Роман поднялся, – в следующий раз он не уйдёт от меня... Может, гитару принести?

– Пора в путь.

Шестая глава

В озёрном краю

Сосед Деткина, маленький мужчина с большими печальными глазами, глянул в иллюминатор, тронул Деткина за плечо:

– Глянь-ка! Всё озёрами усыпано.

Оглянувшись, Василий Алексеевич ахнул: внизу по горизонту – озёра, десятки, сотни больших и маленьких, а то и крохотных, с островками и без островков, озёр. В иных местах они лепились друг к другу почти вплотную, разделённые узкими полосками бурого мха, голубого ягеля, золотыми поясками сентябрьских берёз.

Деткин летел на буровую. Поездка не праздная. На Глухаринном озере встала буровая Р-503: дизельное топливо оказалось

с песком. Буровики заявили: виноваты доставщики топлива – речники и вертолетчики. Начальник нефтеразведочной экспедиции Фирулёв имел своё мнение:

– Считаю – вертолетчики проявили халатность.

Деткин иронически усмехнулся:

– Не в обиду будет сказано, Егор Максимович. Живуча давняя мещанская привычка: свою вину соседу подбрасывать. Я не признаю эту привычку. Сам полечу на буровую.

– Слетай, слетай, Василий, – обрадовался Фирулёв. – Спасибо скажу. На месте виднее, что к чему. Оттуда домой махнёшь.

В тот же день Деткин дал недельный отдых своей команде. Пахомыч и Роман улетели на вертолёте в Сургут, к семьям. Сам Деткин с женой и младшей дочерью жил в Нижневартовске.

Озёрам не было конца. «Что за неведомый северный край? – думал Василий Алексеевич. – Уж тридцать минут летим, а нигде ни деревеньки, ни одинокой охотничьей заимки – всё озёра, озёра, да тёмные ниточки проток, жаркие костры осин, задумчивые островки кедрача. Эх, выстроить бы здесь легкие, изящные высотные здания! Чтоб люди приезжали сюда отдыхать, любоваться озёрами; чтоб уносили отсюда в сердцах и душах своих непоколебимую веру в доброту природы».

Деткин и его сосед – единственные пассажиры Ми-4. Вертолёт нёс буровикам груз – две железные бочки с горючим.

Жёлтая песчаная поляна, на которую села винтокрылая машина, – у самого озера. За озером и жидкой полосой сосен устремилось ввысь железное тело буровой.

Вертолёт ждали два молодых бородача. По настилу – двум доскам они выкатили бочки. Один из них, высокий, в алой рубашке и джинсах, передал пилоту какие-то бумаги – вертолёт задрожал, поднялся. Тугое облако песка и сухой хвои накрыло бочки, бородачей, ударило порывами ветра Деткина и его напарника, успевших отойти в сторону. «Да как же не будет песка в горючем?! – с горечью подумал Василий Алексеевич, глядя на бочки. – Интересно, увезут бочки сейчас или оставят для опыления на площадке?»

Бородачи поставили бочки «на попа». Тот, что в красной рубашке, махнул рукой: «Пускай стоят».

Деткин разыскал балок своего старого знакомого Александра Михайловича Красильникова. Тот работал на Р-503 слесарем по ремонту оборудования. Хозяин балка, тучный, с широким добрым лицом, всплеснул руками:

– Каким ветром занесло, Алексеич?! Присаживайся, Ухой угощать буду. А чаёк у нас! – с травами да приправами...

Деткин рассказал Красильникову о бочках, оставленных на площадке.

– Есть, есть, Алексеич, нечестные, равнодушные люди. Буровая стоит, а такие и в ус не дуют. Деньги-то идут. Не по их вине кашляет буровая. Да хоть месяц фырчи она, мне-то что, мол... Сейчас же пошлю трактор за бочками.

Красильников ушёл. Вернувшись, сообщил:

– Бочки на буровой. Мастера ждём. Вот-вот прилетит. И загремит всю нашу матушка.

Матушкой он называл буровую.

– Повезло вам на природу, Михайлыч, – сказал Деткин.

– Не край, а клад, – согласился Красильников. – Я в жись не видел столько озер.

– И рыбы, поди, навалом?

– На всю область хватит и соседям достанется... Сырок есть. Но щука, Алексеич, полный хозяин здесь. Ох, и зверь, я тебе скажу. Поймали на днях одну. Ножом – чирк, а там ондатра. Повариха наша как увидела – так и в кусты... Сети не ставим, нет. Бесполезно. Одни лоскутья останутся. А на жерлицу – само то. – Красильников рассказывал азартно, увлечённо, жестулируя. – Щуки уйма. Век лови – не выловишь. Сам суди. Протоки-то почти все озёра соединяют. Вот и расплодилось её. Вот и царствует она, бесится...

Распахнулась дверь балка. Кто-то длинный – видны были только высокие резиновые сапоги с развёрнутыми голенищами – крикнул:

– Александр Михайлович, мастер зовёт!

– Приехал, значит, – обрадовался Красильников. – За разговором-то не слышал вертолёт... Я побежал, Алексеич. Не сучай. Есть желание – жерлицы поставь.

«Схожу на буровую», – оставшись один, решил Деткин.

Где растёт сосна, там воздух словно процеженный, профильтрованный от пыли, от посторонних запахов. И вот он, чистый, легкий, целебный, с тончайшим ароматом сосновой хвои, воздух сам льется в твои легкие. Деткин чувствовал, как уходит усталость, как от минуты к минуте, по капле, возвращается к нему под кронами сосен бодрость. Василий Алексеевич стоял на бровке бора, близ буровой.

Расцветенная предзакатным солнцем, сияя рыжей кожей металла, буровая напоминала гигантских размеров произведение искусства, смонтированное, спаянное и вознесённое ввысь талантливыми руками художников.

Сзади послышались голоса. В касках, в зелёных спецовках шли буровики. Вахта. Рокочут дизеля. Вахта – люди и железо начнут свою слаженную суровую работу. И дохнёт сорокаметровая громадина на эти сосны и на Деткина паром, выхлопными газами и бензином.

Василий Алексеевич направился по сосновой бровке к озеру. Он хотел сохранить от встречи с буровой первоначальное, праздничное впечатление.

Вечером Красильников познакомил Деткина с мастером, с Николаем Скрябиным. Мастеру всего двадцать семь лет, маленький крепыш с задумчивыми серыми глазами. За чаем повели разговор о политике, о напряженном международном положении, о боях в Ливане и Никарагуа.

– Ой, много зла в мире! – качал головой Деткин, болезненно морщась. – Зло в нашей жизни плодиться стало. Вот что печально. – Голова Василия Алексеевича поникла, нос почти касался тяжелого подбородка. Он часто и беспокойно моргал полуопущенными глазами. Скрябину и Красильникову показалось: гость вот-вот заплачет.

– Ничего, Василий, ничего, – спешил успокоить его Красильников. – Злоба – она временна. Надо больше говорить о доброте. И растает лёд в душах людей.

– А я говорю: хватит слов! – Деткин встал. Лицо его преобразилось. Нос выпрямился. В глазах – решительность. – Я говорю доброте: вперёд, в атаку по всем направлениям! – капитан с

силой выбросил вперёд сжатый кулак. Помолчав, тихо добавил: – Потоками слов, Михайлыч, гору с места не сдвинешь.

– Эж, разберись вот: как лучше к человеку подойти? – миролюбиво развёл руками Красильников. – А тропинку к его душе надо искать, искать.

Скрябин курил, с интересом смотрел на Деткина.

Александр Михайлович взял чайник, поставил его на электроплитку.

Деткин сел рядом с мастером. Речь сама собой перешла на дела экспедиции, на бригаду Скрябина.

– Далеко вы забрались, далеко, – заметил Деткин. – Полтора часа летел. Озёрами вот любовался.

– Воды много, а толку мало, Василий Алексеевич, – обиженным голосом сказал мастер. – Речки судоходной нет. Вот и приходится каждую пайку, каждый гвоздь по воздуху доставлять. А мы... – он досадно махнул рукой. Потом тихо, доверительно, как сын отцу, сообщил: – За нами вина-то, Василий Алексеевич. В дизельное масло попал песок. Не досмотрел. Халатность проявили.

– Такая история, Николай, могла случиться и сегодня, – вмешался Красильников.

– Знаю.

– У меня такое соображение: вертолёт с горючим будет, к примеру, в 12 часов дня. Так приготовь к этому времени грузовик или трактор с платформой. С ходу погрузи горючее – и на буровую. И никакой мудрости.

– О таком распорядке даже приказ по экспедиции есть, Алексеич, – сказал Красильников. – Да не все этот распорядок выполняют.

– Заставить выполнять.

– Есть разговор для бригады, есть. Дисциплина надобна, – согласился мастер.

Легли спать поздно. За окошком рокотали дизеля и гремела железом буровая.

– Шумит матушка, – прошептал Александр Михайлович в полусне. Рано утром, после завтрака, Красильников посоветовал гостю:

– Сходи, Алексеич, в Голубой бор. Не удивляйся. Так мы прозвали его за голубой ягель. Это за вертолетной площадкой, направо. Сейчас покажу... Там и увидишь озеро-загадку.

Небо серебрило ось. Во всём чувствовалась и виделась девственная обнажённость лесной жизни. Чуть вздрагивала, просыпаясь, хвоя на ветках сосен. Последние тени ночи испарялись в первых лучах светила. Старательно точил клюв о смолёвую суковину дятел. Смешно растопырив задние лапки, умывался на пне бурундук.

Лучи, пронизав бор, выпили росу на хвоинках, на ягеле. И тропа стала ярко-рыжей, а ягель ярко-голубым. Деткин шёл по тропинке к озеру.

Игра солнечных утренних лучей на воде. Коснувшись зеркальной поверхности, лучи словно дробятся на множество мелких радужных осколков, вспыхивают, тают в воздухе. На смену им летят новые и новые фейерверки света, искрят воздух, пляшут на воде, жалят и жалят серебристыми молниями глубь.

Василий Алексеевич стоял у самой воды, любовался игрой света, озером. Песок озера был не чистой белизны, как подумалось ему издали, а матовый, почти золотого цвета. Мелкий, уплотнённый песок. Полоса берега широкая, ровная. Ни одного лишнего камешка. И вода – родниковой прозрачности. Естественный прекрасный пляж! С трёх сторон опоясывала озеро золотая песчаная кайма. С северной стороны к озеру примыкало торфяное болото.

Деткин – насколько позволяла высота болотных сапог – зашёл в воду. Склонился, рассматривая дно. Оно такое же чистое, песчаное. Минут семь, может, больше стоял он так, не шевелясь. Он хотел увидеть какую-нибудь живность. Но всё напрасно. Никто и ничто не потревожило глубинную воду, ни один, даже крошечный жучок. «Странно, – подумал Василий Алексеевич, – нет живности. Действительно, озеро-загадка. А вода вкусная, сосновой хвоинкой отдаёт».

Напрасно, около часа, ходил он вокруг озера – присматривался, изучая его. Пил воду, черпая её пригоршнями, бросал в воздух, два раза умыл лицо. В нём проснулось мальчишеское озорство. И ему не хотелось уходить отсюда.

Василий Алексеевич сделал новый вывод: птицы чураются озера.

Утки: связи, чернети, соксуны – давали облётный круг – и скрывались. Нет, не человека боялись они. Деткин таился от них за ближними соснами. Просто птицы знали: на озере нечем прокормиться.

Василий Алексеевич был без ружья.

– Хочу мирного знакомства, – сказал он утром Красильникову, когда тот подал ему свою «тулку».

Деткин дал имя озеру – Одинокое. И сказал вслух:

– Только солнце любит тебя. Да вот я полюбил... Прощай, Одинокое! – и направился к соседнему озеру.

Здесь вода тёмно-коричневая, торфяная. Берега, можно сказать, нет.

Подушка мха – и только. Когда подушка, спружинив, опускалась. Василию Алексеевичу казалось: вода безудержной массой хлынет на него. И он торопливо переходил на другую, более прочную кочку, ощущая холодок и зябкость в теле.

Большое, плоское, неудобное озеро навевало грусть. И в тон этому настрою сердца звучали в небесах печальные ноты пролётных гусиных стай.

Живности в озере много. Приглядевшись, Деткин заметил полосатые спинки окуней. Они шли и шли. Серебристой блестящей мелькнул чебак. На той стороне озера кричали, дрались чайки. «Не согрело ты мою душу, – с укором обратился к озеру Василий Алексеевич, – и я называю тебя – Холодное».

Теперь Деткин решил обследовать озёра с южной стороны берега. У ближнего к лесу озера – круглого и чёрного – он увидел двух парней. Они пытались рыбацкую удачу удочкой и спиннингом.

Василий Алексеевич поздоровался. Познакомились. Парни – Илья Сомов и Саня Егоров – молодые помбуры из бригады Скрябина. Между ними стояла, сколоченная из грубых досок, плоскодонка.

– Что-то улова не вижу, ребята, – сказал Деткин.

– Только что перед вами пришли. Пообедали после вахты – и бегом сюда, – частил словоохотливый Илья. – Да и рыба обнаглела, Василий Алексеевич, не клюет на червя.

– Нужен ей твой червяк, – отозвался Саня, сматывая леску. – Рыба здесь, как дикарь, любит всё яркое.

Саня подошёл к лодке, позвал Илью.

– Видишь эту медяшку в лодке? Творенье Красильникова...
Смотри какая броская. Вот и привяжи вместо грузила.

Илья так и сделал, благо медяшка с дырочкой. И чудо! – клёв начался. К общей радости, Сомов одного за другим вытаскивал на берег шесть крупных чёрно-полосатых окуней.

– Есть и у меня! – закричал Саня, осторожно выбирая леску. Деткин поспешил к нему.

Щука – по всем повадкам она – кидалась в черной и вязкой воде из стороны в сторону. Но Егор умело вёл леску, приучая рыбу к спокойствию.

– Дай-ка, Саня, – попросил Василий Алексеевич и взял в чуткие руки леску. Она, натянутая, дрожала. И Деткин чувствовал скрытную ярость и беспокойство своей жертвы. Знай удачливое мгновенье, рыбак! Р-раз! – и внушительных размеров щука, килограмма на три, плюхнулась меж кочек. У неё тёмные навывкате глаза, толстое несимметричное тело. Щука подпрыгнувала, молотила по траве хвостом.

– Чёрная, как дёготь, – удивился Деткин.

– Вода такая, Василий Алексеевич, – сказал Саня. – А в соседнем озере щуки светло-зелёные. Красавицы. Любо смотреть.

... Домой рыбаки принесли два полных рюкзака окуней и щук. Уху Деткин с Красильниковым и Скрябиным варили уже в сумерках.

Утром Василий Алексеевич улетел на вертолёте в Нижневартовск.

Седьмая глава

Серебристые льдинки

Рыбацкий плашкоут Михаила Вторушина стоял на Оби, почти напротив устья Иртыша. Играла, наливаясь холодным рябиновым

соком, заря. Волны ломали, крошили серебристый тонкий ледок берегов. Льдинки позванивали, словно стаи свиристелей.

Двое рыбаков варили на берегу уха. Костёр горел ярко, стрелял искрами.

– Что сушняк делает – будто из пушки палит, – сказал сутулый, пожилого возраста рыбак с красным морщинистым лицом, прикрываясь рукой и отходя подальше от огня.

Его напарник – молодой высокий парень в фуфайке, в брезентовых штанах, заправленных в резиновые сапоги с отвёрнутыми голенищами, склонился над ведром. Он черпал ложкой бурую накипь ухи и бросал её на песок...

Дул тихий, но студёный северный ветер.

– Батюшка-Север дышит, – прошептал пожилой рыбак, вглядываясь в устье Иртыша. Там показалось небольшое судно с баржой.

– Дядя Трофим, перец куда дел?! – закричал парень.

– У меня, у меня, Стёпа! – засуетился дядя Трофим.

Первые лучи солнца упали на вершины деревьев, на лица рыбаков.

С плашкоута по трапу на берег сошёл бригадир в оранжевом рыбацком костюме. В таком же наряде был и дядя Трофим. Он передал пакет с перцем Степану и, поздоровавшись с бригадиром, кивнул на реку:

– Слышь, Михаил, поют...

Вторушин сразу узнал Деткина и Мохова с гитарой.

– Это же «Марс», дядя Трофим! Ох, и бас у Василия Алексеевича...

Деткин и Мохов стояли на палубе, пели:

Нам скажут: «Не спорьте!»

А мы и не спорим:

Лететь самолётом

Намного быстрее, быстрее.

И все-таки море

Останется морем,

И нам никогда

Не прожить без морей.

Бригадир, дядя Трофим и Степан с ложкой в руке вышли на самую кромку берега, махали руками, кричали:

– Привет «Марсу»!

– Василий Алексеевич, приглашаем на уху!

– Эй, Роман! До встречи в мае!

Деткин ответно помахал рукой. Приветствуя рыбаков, голосила судовая сирена.

Василий Алексеевич в парадной форме. Китель надет поверх тёплого шерстяного свитера. Широкие чёрные брюки парусили. Фуражка, как всегда, сдвинута на левый висок. На груди – бинокль.

Мохов в серой вязаной шапочке, в тёплой куртке на «молнии», в джинсах. В руках – гитара.

Катер поравнялся с рыбаками. И они слышали каждое слово песни:

Легко затеряться
В солёном просторе,
Волна закипает,
Грохочет прибой, прибой.
И все-таки море
Останется морем,
И нам оставаться
На вахте с тобой.

– Душевно поют. Эх, капитан... – растроганно сказал дядя Трофим.

С лица Степана сошла хмурость и деловитость. Распахнутыми глазами смотрел молодой рыбак на судно, на Деткина и Мохова. Он, конечно, забыл, что в руке у него ложка и что в ведре вскипает уха.

Первым спохватился дядя Трофим.

– Степан! – закричал он и смешно подпрыгнул. – Едят нас комары!

Уху проворонили... – И побежал к костру.

Степан недовольно посмотрел ему вслед. Но, почувствовав ложку в руке, сразу вспомнил о своих поварских обязанностях.

На берегу остался один Вторушин. На его суровое лицо легла тень грусти. Судно скрылось за поворотом.

«Марс» шёл на Север. А навстречу ему по реке плыли и плыли серебристые льдинки – весёлые вестники наступающей зимы. Это серебристо-голубое крошево тревожило взгляд и вместе с тем напоминало о романтических неведомых далях, куда непременно должен прийти человек.

ДИНИСЛАМОВА СВЕТЛАНА СЕЛИВЁРСТОВНА

На шею привязан ткани лоскут,
Взгляды прикованы, трепетно ждут...
Люди вершат надо мной ритуал,
Счастье ли то, что я жертвою стал?

Может людей белый цвет мой прельстил?
Может быть, он даст здоровья и сил?
Может мольбы, что я слал небесам,
Достигли Творца – он ждет меня сам?

Люди толпятся, тревога в глазах,
Примут ли дар их вверху, в небесах?
Что мне сказать? Ваша вера сильна.
Предками намертво в вас вселена.

Я – белый олень – ваш жертвенный зверь
Избавлю вас от сомнений, потерь...
Спокойно вершите свой ритуал,
А я – только к Торуму ближе чуть стал...

СОДЕРЖАНИЕ

Чейметов Пантелеймон Кириллович

Два охотника..... 3

Вахрушева Матрёна Панкратьевна

На берегах Малой Юконды..... 24

Шесталов Юван Николаевич

Тайна сорни-най..... 68

Тарханов Андрей Семёнович

Пихта-спасительница..... 241

Капитан Деткин..... 246

Динисламова Светлана Селивёрстовна

На шею привязан ткани лоскут..... 291

Учебное издание

МАНСИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия

для учащихся 9 класса
общеобразовательных учреждений

Оригинал-макет подготовлен ООО «Югорский формат»

Подписано в печать 18.12.2015.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 18,25. Тираж 200 экз. Заказ № 44.

Отпечатано в
ООО «Югорский формат»
г. Ханты-Мансийск, ул. Лопарева, 15, подъезд № 8
+7 (3467) 912-019, +7 952 690 99 39
Uformat@mail.ru

